

• ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ •

Алексей Величко

«СВЯЩЕННЫЕ ВОЙНЫ»
ВИЗАНТИИ

16+

История Византийской империи

Алексей Величко

«Священные войны» Византии

«Автор»

2021

Величко А. М.

«Священные войны» Византии / А. М. Величко — «Автор»,
2021 — (История Византийской империи)

Настоящее сочинение раскрывает историю восстановления Римской империи в прежних границах при императорах династий Юстиниана и Ираклидах, когда впервые Византии пришлось вести «священные войны» с вестготами, вандалами и персами. На этот же период выпадают ее первые и весьма трагичные столкновения с зарождающимся миром Ислама, которые будут сопровождать всю ее последующую историю. Это время характерно и ожесточенными догматическими спорами, для разрешения которых были созваны Пятый, Шестой и Трулльский (Пято-Шестой) Вселенские Соборы, спасительные для Кафолической Церкви. Книга снабжена специальными приложениями, в которых дается справочный материал о церковном статусе Византийского императора, эволюции римской армии, а также о зарождающемся противостоянии двух великих вселенских церковных кафедр – Римской и Константинопольской.

© Величко А. М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Династия Юстиниана	6
I. Император Юстин I (518—527)	6
Глава 1. Избрание нового царя	6
Глава 2. Восстановление общения с Римом и прекращение церковного раскола	8
Глава 3. Война с Персией. Выбор соправителем св. Юстиниана I и смерть императора Юстина	13
Приложение. «Сакрализация статуса императора, его положение в Церкви и государстве в IV—V вв. и новый обряд престолонаследия»	14
II. Святой благочестивый император Юстиниан I Великий (527—565)	31
Глава 1. Св. Юстиниан и св. Феодора	31
Глава 2. Имперская и церковная идеология св. Юстиниана	35
Глава 3. Кодификация римского права. Каноническое творчество императора	48
Глава 4. Война с Персией и бунт «Ника»	56
Глава 5. Войны на Западе. Освобождение Африки, Испании и Италии	62
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Алексей Величко
«Священные войны» Византии

*Памяти блистательных русских византинистов
Г.А. Острогорского и Ю.А. Кулаковского
посвящается эта книга*

Династия Юстиниана

I. Император Юстин I (518—527)

Глава 1. Избрание нового царя

В последние годы правления императора св. Льва I Великого (454—474) произошло одно из внешне непримечательных событий, которые тысячекратно повторялись в жизни Римской империи. Три брата-селянина – Юстин, Зимарх и Дитибист – отправились из своего селения Бедериана провинции Дардании в Константинополь, чтобы начать солдатскую службу. Они были рослыми и сильными парнями, отвечали по внешним данным всем предъявляемым требованиям, и поэтому личным распоряжением императора заслужили право быть зачисленными в гвардейские полки. Вскоре судьба двух братьев теряется в лабиринтах истории, но третий, Юстин, постепенно продвигался по воинской лестнице и уже в начале правления императора Анастасия (491—518) участвовал в звании воинского командира высшего ранга в боях с исаврами под руководством Иоанна Кирта («Горбатого»). Затем он воевал с персами и вновь отличился в боях.

Наконец, уже в качестве комита экскувитов (командира придворной гвардии) Юстин прославился в войне с Виталианом, много сделав для победы в решающей битве на море у стен Константинополя. До мозга костей преданный императору, храбрый воин, он тем не менее не получил должного образования и до конца дней подписывался кистью через дощечку, на которой было вырезано слово «legi» («читал»).

Это был простой и честный человек, прямой и искренний, доживший до старости и не мечтавший о высоком положении. Едва ли Юстин отличался государственными талантами и обладал широкими практическими знаниями по управлению Римской империей и Кафолической Церковью. Столь же простой была и его жена Лупакья, которую молодой Юстин приобрел в качестве рабыни-наложницы (конкубины). Она была так же благочестива, как и ее муж, и скромна. Сразу после коронации император венчал царским венцом свою супругу, принявшую новое имя Евфимии¹. Несколько позднее она была прославлена Православной Церковью под именем благочестивой и святой императрицы Маркианы.

Юстину уже было почти 70 лет (предположительно, он родился около 450 г.), когда умер император Анастасий и династия Льва оборвалась. Об избрании Юстина на царство рассказывают по-разному. Наиболее распространенная версия заключается в том, что 9 июля 518 г., в день смерти царя, Юстин и Келер, магистр оффиций, обратились к армии, чтобы она назвала имя нового императора. На рассвете следующего дня во дворец явились сановники и патриарх, и Келер попросил их скорее выбрать царя, чтобы посторонние не могли опередить их. Кого именовали «посторонними» – остается только гадать, поскольку никаких ярко выраженных претендентов на престол не имелось. Возможно, что Келер опасался какой-нибудь кандидатуры из числа ставленников варваров, что не выглядит невероятным. Не менее невероятно то, что придворные опасались избрания царем одного из трех племянников Анастасия, не снискавших славы и не пользующихся большим авторитетом.

Пока шли переговоры в высшем свете, экскувиты назвали кандидатом трибуна Иоанна, но подоспевшие представители партии венетов напали на гвардейцев и даже убили несколько человек. С другой стороны, схолярии выдвинули кандидатом Ипатия, племянника покойного государя, но экскувиты горячо протестовали, и в завязавшейся свалке также погибли люди. Только благодаря решительным действиям присутствовавшего здесь же Юстина водворилось

некое подобие порядка. И тут кому-то из присутствующих пришла в голову спасительная мысль: он предложил объявить царем самого Юстина. Раздались громкие крики – кто-то поддерживал эту кандидатуру, кто-то возражал. Пришли сенаторы и, узнав, что произошло, тоже выступили в поддержку Юстина, хотя тот решительно отказался от такой чести. Просьбы принять волю римского народа продолжались, и даже по горячке некто так сильно толкнул Юстина в лицо, что раскроил ему губу.

Наконец Юстин согласился и прошел на ипподром. Обе столичные партии – венеты и прасины единодушно сошлись на его кандидатуре, сенат и патриарх поддержали их. Юстин, как это было принято, встал на щит, и кампидуктор Годила возложил на его голову свою золотую шейную цепь. Опущенные знамена взвились вверх, и ипподром огласился радостными криками в честь нового Римского царя. Традиционно солдаты выстроились «черепахой», Юстин переоделся в царские одежды, а патриарх возложил на него царский венец.

Император через глашатая обратился к войскам и народу со следующими словами: «Император кесарь Юстин, победитель, всегда август. Вступив на царство с соизволения всемогущего Бога по общему избранию, мы взываем к Небесному промыслу, чтобы он дозволил, по своему милосердию, свершить все на пользу вам и государству. Наша забота устроить вас, с Божьей помощью, во всяком благополучии и со всяческим благоволением, любовью и беспечальностью хранить каждого из вас». Затем царь пообещал каждому воину по 5 золотых монет и фунту серебра в честь своего избрания – как мы видели, обычная форма признания за оказанное доверие².

Объективность обязывает нас кратко изложить и другую версию случившегося события. По ней некий верный слуга Анастасия, препозит опочивальни Амантий, сделал попытку поставить на трон своего племянника Феокрита. Он передал большую сумму денег Юстину, чтобы тот воздействовал правильным образом на экскувитов, но воин использовал средства для своего избрания. После коронации, как говорят, Юстина Феокрита и Амантия казнили. В сущности, в этом нет ничего невероятного, и эта версия также вполне правдоподобна, как и первая³.

Как уже повелось в Византии, избрание царем рядового военачальника, по сути, простого солдата, и на этот раз сопровождалось таинственными легендами. Рассказывают, что под конец жизни Анастасий решил прибегнуть к гаданию и узнать, кого Провидение даст ему в преемники. Он пригласил трех племянников остаться у него на ночь и положил под одну из подушек царский венец. Но когда утром он вошел в опочивальню, выяснилось, что кровать с венцом под подушкой оказалась нетронутой, поскольку два племянника улеглись на одну постель. Тогда царь долго постился и молился, чтобы Господь открыл ему имя будущего императора. По молитвам он имел видение, что явившийся утром человек и станет новым царем. И вот, когда наступил день, первым к нему вошел Юстин, комит экскувитов. Анастасий возблагодарил Бога за это, и вскоре, когда во время царского выхода Юстин случайно наступил на его хламиду, невольно одернул его: «Что ты спешишь? Еще успеешь!»⁴

По другому преданию, таинственные предзнаменования об избранничестве Юстина имели место еще во время Исаврийской войны. Однажды якобы Юстин совершил некий проступок, за что его отдали под стражу и приговорили к смертной казни. Но грозное видение, повторяющееся три раза подряд, предсказало Иоанну Горбатуму высокую судьбу, которая ожидает Юстина и его родственников, и тот не стал противиться Божьей воле⁵.

Конечно, Юстину пришлось бы очень нелегко, управляя Римским государством, если бы рядом с ним и изначально не присутствовал еще один человек, который станет своеобразным символом Византии – св. Юстиниан I Великий. Родившись в 483 г. в том же селении, что и его дядя, он рано был отозван бездетным Юстином в столицу и получил прекрасное образование, в том числе богословское и юридическое. Несомненно, практически все шаги нового императора либо инициировались св. Юстинианом, или санкционировались им, что, собственно, одно и то же. И резкая перемена в отношении к церковному расколу со стороны верховной власти

была связана вовсе не с тем желанным, но, увы, недостижимым фактом, что весь Восток вдруг в какой-то момент признал IV Вселенский Собор, «переварив» ереси. А тем, что стоявший за спиной Юстина молодой св. Юстиниан уже вполне сформировал свои принципы имперской политики на ближайшие десятилетия, которых мы коснемся ниже.

Глава 2. Восстановление общения с Римом и прекращение церковного раскола

Уже с первых своих шагов Юстин показал, что является приверженцем Халкидона и потому сразу вернул из ссылки нескольких человек из числа своих единоверцев, попавших в немилость при Анастасии. Он также солидаризовался с наиболее видными представителями царской семьи покойного государя, которые желали немедленного возобновления общения с Римским епископом. Зримое прекращение его общения с кафедрой, авторитет которой был огромен, наглядно демонстрировало раскол Кафолической Церкви, что православное сознание тех веков воспринимало крайне болезненно.

Как оказалось, подавляющая часть населения Константинополя разделяет эти взгляды. И не успел еще император отдать необходимые распоряжения, как уже 15 июля 518 г. огромная толпа жителей заполнила собой храм Св. Софии и потребовала от столичного патриарха Иоанна (518—520) анафематствовать евтихиан и манихеев, к которым халкидониты относили всех сочувствующих Несторию, а попутно Антиохийского архиерея Севира (512—518).

От Иоанна потребовали также публично признать Халкидонский Собор как IV Вселенский, восстановить в диптихах имена Македония, Евфимия, папы св. Льва Великого (440—461) и назначить на следующий день Собор для восстановления церковного единства. «Многая лета патриарху, многая лета государю, многая лето августу! – неслось из толпы. – Вон Севира! Ты вполне православен! Провозгласи анафему на севириан, провозгласи Собор Халкидонский! Чего тебе бояться? Юстин царствует».

Требования возникли не на пустом месте, и хотя при вступлении в патриаршество Иоанн отрекся от Халкидона, сейчас он дал публичную клятву, что выполнит все пожелания присутствующих. На следующий день, 16 июля 518 г., ситуация повторилась в еще более жесткой редакции – горожане кричали: «Вон манихеев, анафема Севиру! Послать общительную грамоту в Рим! Учредить празднество в честь Евфимия и Македония! Внеси в диптихи четыре Собора!»⁶ Это было настолько всеобщим мнением – имеется в виду восстановление единства Церкви и общения с Римом, что патриарх распорядился помянуть во время Литургии имена прежних вселенских архиереев и Римского папы.

Собор, на котором присутствовало более 40 епископов, открылся 20 июля и первым делом рассмотрел ходатайство монахов из тех обителей, которые в течение долгих лет отстаивали честь Халкидона. Их требования сводились к тому, чтобы Собор: 1) внес в диптихи имена патриархов Евтихия, Македония и папы св. Льва Великого наравне с именем св. Кирилла Александрийского, 2) восстановил права всех ранее осужденных лиц по делам патриархов, 3) восстановил почитание всех четырех Вселенских Соборов, 4) анафематствовал и низложил патриарха Антиохии Севира.

Заметим, что, за исключением восстановления чести патриархов Македония и Евтихия, все остальные пункты дословно повторяли инструкции папы Гормизда (514—523) своим легатам в переговорах с императором Анастасием. Константинопольский собор беспрекословно принял все требования монахов, а патриарх Иоанн с согласия Юстина утвердил его решения. Последовавший затем царский указ ко всем восточным церквам требовал принять соборные акты⁷.

Откровенно говоря, отношение в восточных патриархатах к этому Собору было различным. В Палестине его приняли с большим сочувствием, и сам св. Савва взялся отправить копии

соборных актов в некоторые епархии. Но в Антиохии, где авторитет Севира был беспрекословен, и в Александрии его отвергли. Сам Севир до осени 519 г. сохранял за собой патриарший пост, нимало не беспокоясь о собственной судьбе, и убежал в Египет лишь тогда, когда комит Востока Ириней прибыл в Антиохию, чтобы его арестовать.

На Востоке начался настоящий ренессанс Православия. Все, кто еще вчера был гоним, вышли из убежищ и получили прощение, а их гонители были сосланы или казнены. Приговоренный к смерти за попытку государственного переворота Виталиан был возвращен из Скифии, и в храме Св. Софии он, император и св. Юстиниан дали друг другу клятвы в верности и дружбе. Его наградили титулом консула на 520 г. и саном магистра армии, он остался при дворе, принимал деятельное участие в делах государства и требовал суровых кар к монофизитам, предлагая не только лишить сана Севира, но и отрезать тому язык⁸.

Царское и патриаршее послания одновременно были отправлены с комитом Гратом в Рим к папе Гормизде, дабы сообщить о восстановлении имени понтифика в диптихах и о прекращении раскола. Первоиерарх Востока и император просили понтифика прислать своих легатов в Константинополь, чтобы те скрепили единство Церквей. Конечно, папа с радостью воспринял эту весть, посчитав, что при таких удачных обстоятельствах нужно добиваться полной победы. Но провинциализм и политическая слепота Рима привели к тому, что папа решил, будто весь Восток подпишет его послание, что называется «с закрытыми глазами». Увы, он глубоко заблуждался на этот счет.

Для проформы и в целях соблюдения собственного достоинства апостолик созвал в Риме свой Собор и после краткого обсуждения направил к Юстину пять послов – епископов Германа и Иоанна, пресвитера Блада, диаконов Диоскора (наиболее доверенного своего человека) и Феликса. С ними папа передал послание («*Libellus*»), в котором обязывал всех восточных архиереев подписаться под следующими словами: «Следуя во всем Апостольскому престолу и исповедуя все его постановления, я надеюсь заслужить пребывание в том же общении с тобой, которое исповедуется Апостольским престолом, ибо в нем пребывает всецелая и истинная сила христианской религии. Обещаю не поминать в богослужении имен тех, кто был отделен от общения с Кафолической Церковью, и кто, следовательно, не согласен с Апостольским престолом»⁹.

Приезд легатов был обставлен пышно: навстречу послам выехали два сановника, а за 10 км от Константинополя к послам вышли св. Юстиниан, Келер, возвращенный из небытия Виталиан и Помпей, которые при ликовании народа 25 марта 519 г. ввели клириков в столицу.

Впрочем, воссоединение церквей состоялось не без «шероховатостей». Папа непременно требовал анафематствования не только Евтихия и Нестория (они давно уже считались на Востоке еретиками), но целой плеяды патриархов: Диоскора, Тимофея Элуря, Петра Монга и Петра Кнафея, Акакия, Фравиты, Македония и Евфимия, а также бесчисленного числа епископов, служивших при режиме «Энотикона». Кроме того, папа Гормизда желал видеть под актом подписи всех восточных епископов, что вызвало легкий ропот и дневную задержку для уговоров сомневающихся. Но силой императорской власти и это условие было принято.

Позднее, уже после отъезда легатов, Юстин, соглашаясь с отлучением Акакия, обращался к папе с личной просьбой снять анафемы с остальных восточных патриархов и других архиереев, но понтифик твердо стоял на своем. Как естественное следствие, фактически Восток пренебрег папскими требованиями и «не заметил» анафематствования своих архипастырей. Даже несчастный патриарх Акакий в агиографических сочинениях не только не рассматривается как еретик, но и именуется «блаженным» за свою защиту Халкидонского Собора.

Во многих епархиях местные Соборы открыто, в пику папскому посланию, приветствовали восстановление памяти Македония и Евфимия, а когда один из легатов, епископ Иоанн, в Фессалониках потребовал подписать *Libellus*, то едва не был сметен толпой. Отлученный

папой от Церкви, Фессалоникийский епископ Дорофей был признан в сущем сани на Соборе в Гераклее и при поддержке императора Юстина восстановлен на своей кафедре¹⁰.

Пожалуй, в большей степени, чем богословские расхождения, преодолению раскола и окончательному отказу от «Энотикона» препятствовали формальное упорство Рима, его излишняя «угловатость» и жесткость во всем, что касалось обеспечения интересов и превосходства Апостольской кафедры. Такая позиция и ранее с трудом воспринималась на Востоке, и данный случай не стал исключением. Те епископы, которые принимали «Энотикон» с халкидонских позиций и не отвергли его, не рассматривались на Востоке как еретики. Не только Евфимий и Македоний, но и Флавиан Антиохийский и Илия Иерусалимский (494—516) вполне справедливо сохранили свою добрую репутацию¹¹.

Наконец, папская грамота была подписана, и все указанные в ней лица анафематствованы. Примечательно, что патриарх Константинопольский Иоанн подписал послание, добавив к своей подписи следующие строки: «Я заявляю, что все церкви древнего и нового Рима суть единая Церковь». Возможно, этим он хотел показать, что в столице – не одни еретики, а, быть может, желал подчеркнуть, что Рим и Константинополь имеют по-прежнему равную честь в Кафолической Церкви.

Но напрасно Рим полагал, что Константинополь капитулировал – события в столице и Палестине еще в бытность Анастасия I показали, что «Энотикон» в монофизитском понимании едва ли имеет большинство, и заслуги тех патриархов и епископов, которых понтифик потребовал анафематствовать, не менее важны для Православия, чем бескомпромиссная позиция самого апостолика.

Последней точкой преодоления раскола стало исключение из диптихов (церковного поминовения) имен покойных императоров Зенона и Анастасия. Это было сверхъестественное событие, до сих пор никогда не виданное, тем более что ранее папы, отказывая многим восточным епископам в общении, не считали Зенона и Анастасия отлученными от Церкви. Однако для упрочения своей победы Рим заявил и это требование. Как ни странно, Юстин и св. Юстиниан удовлетворили его – видимо, у императора и его племянника были свои расчеты, чтобы пойти на столь непопулярный для идеи Римского самодержавия шаг. А потому оба правителя, имевшие свои виды на Римскую церковь, не хотели допускать, чтобы их планы провалились.

И вот, наконец, 27 марта 519 г., в день Святой Пасхи, в храме Св. Софии при общем ликовании народа совершилась общая Литургия. Но папские легаты еще на целый год оставались в Константинополе, решая отдельные вопросы веры, в том числе и формулу скифских монахов, выведенную ими как противовес «Распныйся за ны...» – «Один из Троицы плотью пострадав».

Рим не одобрил этой формулы – с одной стороны, папа Гормизд не был готов признать ее православность, с другой – чувствовал, что ее анафематствование приведет к новой волне раскола. Скифских монахов продержали в Риме почти 14 месяцев, до августа 520 г., а затем выслали в Константинополь. Надо сказать, волнения папы были совершенно напрасными. Противодействуя монахам, он лишь продемонстрировал каменную твердость Запада и Рима в понимании тех проблем, которые волновали Восток после Халкидона. Нет ничего удивительного в том, что, вернувшись из Рима, монахи начали беспощадную критику апостолика, причем в публичных собраниях приняли участие многие сенаторы¹².

С этого момента началась вторая часть многовекового признания Халкидонской формулы, где император и его молодой советник св. Юстиниан Великий продемонстрировали ту черту своего характера, что, ради мира в Церкви они готовы пойти на компромисс. Они охотно откликнулись на призыв «скифов» к дискуссии, а св. Юстиниан позднее переработал их формулу в свой знаменитый тропарь «Единородный Сыне и Слово Божий Бессмертный сый...», вошедший затем в состав Литургического богослужения. Примечательно, что папа в конце концов не принял этой формулы, ссылаясь на то, что она «новая» и потому ее можно истолко-

вать так, будто Халкидон что-то упустил в своем оросе¹³. Эта история интересна еще и тем, что являлась первым большим самостоятельным поиском св. Юстиниана в области богословия.

В начале следующего года произошло два довольно значительных события: 25 февраля 520 г. умер патриарх Иоанн, и на его место был выбран халкидонит патриарх Епифаний (520—535). А чуть ранее, 19 января, при выходе из бани убит кинжалом Виталиан, смерть которого до сих пор осталась в числе загадок истории. Одни считали, что это было местью кого-то из горожан за те неприятности, которые Виталиан причинил при осаде Константинополя, другие полагали, будто эта расправа – дело рук монофизитов. Некоторые сплетничали о том, что за этим стоит тень царского племянника св. Юстиниана, что едва ли обоснованно¹⁴.

Однако желанный мир Церквей был далеко не столь безоблачен, как этого хотелось императору. Анафематствование многих восточных патриархов повсеместно вызвало ропот. Епископы, не признавшие Халкидон, а таких было 54 человека, оставили свои кафедры и убежали к сочувственным пустынножителям Сирии, опасаясь ссылки и наказаний. По всему Востоку начались гонения на монахов-монофизитов, тут же подавшихся в Сирию и образовавших 5 больших общин. Бывший патриарх Севир и из пустыни продолжал руководить своими сторонниками в Антиохии, а его преемник Павел Иудей (518—520) был обвинен в несторианстве и также снят с кафедры¹⁵. Гибель следующего патриарха Антиохии, Евфрасия (521—526), во время землетрясения в 526 г. монофизиты сочли Божьей карой за отступление от истинной веры.

Но наибольшие волнения происходили в Египте, где было полно монофизитов. Однако после «эмиграции» сюда Севира и епископа Юлиана Галикарнасского среди самих монофизитов возник раскол по вопросу о тленности или нетленности тела Иисуса Христа, причем в Александрии Юлиан приобрел массу сторонников, убежденных, как и он, в том, что тело Христа во время Его пребывания на земле являлось нетленным¹⁶.

Это привело к новому расколу – уже в лагере монофизитов, что не добавило Церкви мира. Однако, надо сказать, значение Египта как житницы Римской империи было столь велико, что имперские власти не решались применять жесткие меры. И потому, хотя патриарх Александрии Тимофей (520—535) так и не признал Халкидонский орос, никаких административных последствий со стороны императора к нему применено не было¹⁷. Правда, в отношении сирийцев власти не были столь разборчивы, что вылилось в формирование на Востоке нового национально-церковного движения.

Воссоединившись с Римом, императорский двор принялся за чистку Церкви и от других еретиков. В первую очередь кара пала на головы ариан, что вызвало гневную реакцию со стороны короля Остготской Италии Теодориха Великого (470—526). Как арианин, он не считал для себя возможным пройти безразлично мимо факта преследования единоверцев на Востоке и потребовал от Юстина прекратить гонения. В противном случае могущественный остгот пообещал устроить ответные гонения на православных в Италии. Неизвестно, насколько эта угроза могла быть приведена в исполнение с учетом специфического характера главы Остготского королевства, но Константинополь не принял ультиматум. И хотя ранее, не имея сил сражаться с остготами, Юстин назвал того «сыном по оружию» и назначил в 519 г. Эвтариха Вестготского, женатого на дочери Теодориха, консулом, но сейчас занял жесткую позицию¹⁸.

Зная, какой авторитет апостолик имеет в христианском мире, Теодорих направил в Константинополь своим послом самого Римского папу Иоанна (523—526), надеясь, что тот решит вопрос в его пользу. Но, как внезапно выяснилось, слухи о папских возможностях оказались сильно преувеличенными. Нет, внешне все выглядело очень благообразно. Сам император вышел встречать поезд папы за 10 км от столицы и с великой пышностью проводил того в Константинополь. Согласились даже, чтобы папа короновал Юстина императорской короной повторно (!). Ему легко уступали самое почетное место, отодвигая в сторону Константинопольского патриарха, который без спора удовлетворял требования папского окружения воз-

дать понтифику должное. В день Святой Пасхи, 25 марта 525 г., папа с Константинопольским патриархом совместно служили Литургию и причащались из одной чаши Святых Даров. Во все время нахождения папы в столице и император оказывал тому высшие знаки внимания.

Но когда речь зашла о прекращении преследования ариан, податливость царя исчезла, и ходатайство Иоанна осталась без удовлетворения. Безусловно, такая «экспедиция» папы, совершенная под давлением Теодориха Великого, сильно подорвала авторитет апостолика на Востоке. Действительно, где же хваленая римская принципиальность, если понтифик решился заступиться за еретиков, которые к тому же в течение многих десятилетий германского засилья выступали традиционными врагами национальной партии в Константинополе и Италии? Кстати сказать, это обстоятельство – резкое понижение авторитета Римского епископа, не осталось без внимания св. Юстиниана, когда тот вступит в права правления Империей и начнет реализовывать свою политику на Западе. Дело об арианах было закрыто, и, к сожалению, его результат больно ударил по самому апостолику. По возвращении в Рим он был арестован по приказу Теодориха Великого и закончил свои земные дни в тюрьме¹⁹.

Надо сказать, это событие, происшедшее вскоре после казни в Риме, в 524 г., сенаторов Симмаха и Боэция, резко подорвало расположение итальянцев лично к Теодориху Великому и остготам в целом. Невольно они задавали себе вопрос: кто может чувствовать себя в безопасности, если самые благородные римляне пали жертвой готского произвола? На этом фоне провизантийская партия Рима устроила широкую пропаганду против остготов и имела большой успех. Авторитет Теодориха настолько упал в глазах православных христиан, что, когда 30 августа 526 г. он умер от дизентерии, возникло множество самых фантастичных легенд, объективно рисуящих отношение населения Италии к Остготскому королю.

Одну из них привел в своих «Диалогах» папа св. Григорий Великий (590—604). По его рассказу, один римлянин отправился вместе с ним к некоему набожному отшельнику. В разговоре с ними тот заявил им, что Теодорих умер. «Наверное, это ошибка, – отвечали ему посетители. – Мы видели его совершенно здоровым три дня назад». Но Божий человек уверенно подтвердил, что Теодорих Великий умер вчера вечером – он сам видел, как король варваров шел со связанными руками между папой Иоанном и Симмахом по направлению к кратеру вулкана, куда они его и сбросили. Вернувшись в Италию, св. Григорий Великий и его товарищ по пути действительно узнали, что король скончался²⁰.

Но среди многих нестроений случались и светлые минуты. В 523 г. в Африке после смерти короля вандалов Тразимунда (496—523) к власти пришел Гильдерих (523—530), сын Гунериха и Евдокии, дочери покойного Западного императора Валентиниана III. Чувствуя себя потомком Римских императоров, он еще ранее установил добрые отношения с Константинополем и даже обменивался со св. Юстинианом подарками. Теперь же король немедленно отменил все распоряжения своих предшественников против православных и вернул ранее изгнанных епископов из ссылки²¹.

Последовательную политику Римского императора по защите Православия вскоре почувствовали во всех краях Ойкумены. Так, Юстин принял живое участие в судьбе христиан, подвергшихся гонениям в земле химьяритов, что находилась в юго-западной части Аравийского полуострова. В 523 г. новый царь этого государства, Зу-нава, ревностный поклонник иудаизма, вознамерился истребить христиан в городе Негране. Он одновременно предал казни всех римских купцов, проходивших через его владения в Индию, и устроил преследования своих соплеменников, принявших учение Христа. Когда в Константинополе узнали об этом, Юстин немедленно распорядился направить посольство к Аламундару, царю подвластных персам арабов, и к царю аксумитов, чтобы те воздействовали на гонителя. Царь Эла-Ашбех напал на Зу-нава, победил его и, взяв в плен, казнил. На его место был поставлен царем христианин по имени Эсимфей, и хотя вскоре он был смещен с трона, новый царь химьяритов, Авраам, также был христианином и более не досаждал своим единоверцам²².

Глава 3. Война с Персией. Выбор соправителем св. Юстиниана I и смерть императора Юстина

Хотя после последней войны мирный договор с Персией был заключен только на 7 лет, вплоть до смерти императора Анастасия, Кавад I (499—531) не решался его нарушить, несмотря на то, что крепость Дара, возведенная византийцами на границе, очень досаждала ему. Сразу же по восшествии Юстина на царство Сасанид направил к нему послов с требованием возобновить плату, которая во времена императора св. Феодосия Младшего регулярно поступала персам из Константинополя, но также не получил удовлетворения. Видимо, это обстоятельство и послужило причиной для начала новой войны между двумя самыми великими державами своего времени.

Впрочем, не лишена любопытства и другая версия причины войны, изложенная современниками. По сохранившимся сведениям, Кавад имел трех сыновей, один из которых, Хосров, пользовался его особой любовью. Опасаясь, что другой сын, Зам, несмотря на отсутствие одного глаза давно уже снискавший любовь персов за свои военные успехи и доблесть, пренебрежет посмертной волей отца и попытается занять царский трон, Кавад обратился к Юстину в 521 г. с необычным предложением. Ссылаясь на старую историю времен императора Аркадия, когда его далекий предок Йезидегерд (399—420) усыновил малолетнего св. Феодосия II, он просил теперь царя Юстина усыновить Хосрова.

Первоначально император, посоветовавшись со св. Юстинианом, был настроен принять предложение Кавада, но тут в дело вмешался некий сановник Прокл, занимавший пост квестора. Он обратил внимание царей на то, что такое усыновление имеет и вторую сторону: в случае чего Хосров получит право претендовать на трон Римских царей, как сын Юстина. Нельзя сказать, что эти доводы можно принять безоговорочно, но так или иначе Кавад получил отказ, чрезвычайно обидевший Персидского царя²³.

Нашелся еще один повод – до недавнего времени Иверия находилась внешне в самостоятельных, но в действительности почти зависимых отношениях с Персией. Воспользовавшись тем, что в 522 г. Юстин принял под свою власть Иверию, ласково встретил нового царя Цафия (по другим источникам, Гургена), дал ему в жены знатную женщину и приветствовал его Крещение, Кавад I заявил претензию Юстину. Император ответил уклончиво, что, мол, Иверийского царя никто в Константинополь силой не звал, но Кавада такой ответ не устроил²⁴. Правда, он не решился начать немедленно войну и пока что направил на границу своих послов, должных совместно с послами Юстина исследовать дело. Но послы рассорились друг с другом и даже между собой, и переговоры зашли в тупик²⁵.

Раздосадованный неудачным исходом посольства, Кавад дал приказ арабам Аламундара совершить набег на римские земли в области Антиохии, Эмессы и Апамеи, и те разграбили их. Это разбойное нашествие осталось в памяти современников историей зверского умерщвления 400 монахинь из монастыря св. Фомы в Эмессе, которые были зарезаны в честь языческой богини Уцца. Следующей жертвой должны были стать лазы, но их царь со своим семейством спрятался в неприступных горах, и персы ничего не смогли сделать. Император направил на помощь союзникам полководца Иринея, а молодые военачальники римлян Велизарий и Ситта с большими силами напали на области Персидской Армении, прошли глубоко в глубь этих земель и возвратились обратно с богатой добычей. Правда, второй поход молодых вождей закончился неудачно, но они не потеряли расположения своего патрона св. Юстиниана²⁶.

Желая поскорее завершить войну с персами, Юстин направил послов к гуннам, хана которых просил за деньги предоставить ему 20 тысяч конных воинов. Он не знал, что с аналогичным предложением к этому же хану обратился и Кавад. Хитрый гунн, на свою беду, принял деньги от обеих сторон, но решил помогать только персам. Узнав об этом, Юстин предпринял

хитроумную комбинацию, принесшую ему успех. Он уведомил Кавада о том, что хан принял деньги от него, и спросил: «До каких пор нам, братьям, надлежит воевать друг с другом, когда псы смеются над нами?» Он сыграл на тонкой струне Персидского царя – его честолюбия, и тот, получив подтверждение о двойной игре гунна, ночью перебил его воинов и умертвил самого хана. По-видимому, после этого и наступил мир между Византией и Персией²⁷.

Конец царствования императора Юстина I ознаменовался многими печальными и страшными событиями. В 520 г. Константинополь захлестнули кровавые схватки между венетами и прасинами – вечно борющимися друг против друга ипподромными партиями. В 522 г. сильнейшее землетрясение почти полностью разрушило родной город царя Диррахий, который тот на собственные средства отстроил заново. В 525 г. другое землетрясение полностью уничтожило административный центр провинции Киликии Аназарб, который Юстин также заново отстроил и назвал Юстинополем. Наводнение смыло множество домов и зданий в Эдессе, погибло большое число людей.

В октябре того же злопамятного 525 г. начались жуткие пожары в Антиохии, не прекращавшиеся почти полгода и уничтожившие большую часть города. Однако еще большее несчастье ждало столицу Сирии в следующем году. В день Вознесения Господня, 26 мая 526 г., началось разрушительное землетрясение, длившееся с перерывами почти год. Практически весь город, здания и церкви оказались разрушенными, в огне погиб даже патриарх Евфразий, а с ним множество жителей, почти 250 тысяч человек. Рассказывают, что на третий день после начала бедствия на небе был виден крест, и в течение часа, пока он светился над городом, люди плакали и молили о пощаде.

И Господь внял молитвам искренне кающихся: после 20-ти и даже 30-ти дней, когда все надежды вытаскать оставшихся в завалах людей иссякли, многих находили живыми и невредимыми. Случалось, роженицы разрешались от бремени, и их вытаскивали наверх вместе с новорожденными детьми. Конечно, монофизиты немедленно воспользовались катастрофой, чтобы обвинить во всем виновным царя и своего погибшего патриарха. «Все эти бедствия, – кричали они, – произошли из-за забвения православной веры, из-за несправедливого изгнания патриарха Севира, из-за злых деяний императора Юстина и из-за его отказа от веры боголюбивых императоров, его предшественников»²⁸.

Доложили императору – потрясенный услышанным, царь снял с головы царский венец, отложил багряницу и во вретнице молился всю ночь. Даже в воскресенье Юстин отказался надеть царскую одежду. Вместе с сенатом он отправился в храм, где оплакал погибших. Затем царь в очередной раз выделил многие средства из государственной казны на восстановление города и пожертвовал личные деньги²⁹.

Когда совсем уже престарелый император почувствовал слабость, он решил узаконить права на царский трон своего любимого племянника св. Юстиниана I и 1 апреля 527 г. назначил его своим соправителем. Поскольку царь очень страдал от старой раны на ноге (ее когда-то пронзила вражеская стрела), ранее полученной в одной из войн, церемония посвящения Юстиниана прошла по упрощенной процедуре во внутренней зале императорского дворца. Там был созван сенат, представители армии и школы. Патриарх прочитал молитвы над молодым соправителем, и того объявили царем. 1 августа 527 г. император Юстин скончался³⁰.

Приложение. «Сакрализация статуса императора, его положение в Церкви и государстве в IV —V вв. и новый обряд престолонаследия»

Для более содержательного понимания некоторых последующих событий, желательно проследить ту идейную эволюцию императорской власти, которая произошла с ней со времени св. Константина Великого до конца V в.

Древний человек жил религией и не отделял ее от публичной и частной сферы своего бытия. Неразделенность религии и нравов, политики и морали всегда являлась неотличимой чертой древнего правосознания³¹. Античный мир вообще смотрел на религию как на закон не только для частных лиц, но и для целых народов и государств. Считалось безусловным, что религиозные обязанности так же точно подлежат исполнению со стороны народов и государств, как и со стороны частных лиц. Но, в отличие от последних, государство исполняет этот закон не непосредственно, а через институт руководителей в деле религии, священнослужителей, посредников между ним и Богом. Исполнение этих обязанностей со стороны государства считалось тем лучше, чем безупречнее был этот институт и чем большую силу представительства он имел перед Богом³².

И политическая власть первых монархов возникала как естественное следствие их священнического достоинства. «Не сила установила начальников или царей в древних гражданских общинах. Было бы несогласно с истиной сказать, что первым царем был у них счастливый воин. Власть вышла... из культа очага. Религия создала царя (выделено мной. – А. В.) в гражданской общине, подобно тому, как она создала семейного главу в доме»³³. Первейшей обязанностью царя было свершение религиозных церемоний. И, как верховный жрец, царь был блюстителем нравственности в государстве. Это сознание являлось безальтернативным, и Рим не составлял исключения из правил.

Рим никогда принципиально не отрицал сакральности верховной власти. Более того, как отмечают исследователи, по своей природе римская государственность была теократичной, и религия освящала государственную жизнь. Объединение в руках императора полномочий республиканских магистратур шло рука об руку с процессом сакрализации императорского статуса. Это больше, чем все остальное вместе взятое, сблизило императорский статус с царским. Верховным жрецом римского народа, *pontifex maximus*, признавался уже легендарный Римский царь Нума Помпилий (715—673/672 гг. до Р.Х.), установивший жреческое сословие и считавшийся «отцом-учредителем» римской религии³⁴.

Он же назначал весталок и построил дом, в котором жил, и приносил как жрец жертвы богам. Этот дом впоследствии служил официальным помещением главы понтификсов, в котором собиралась их коллегия и делались наставления молодым жрецам. Авторству Нумы Помпилия приписываются также индигитаменты или наставления, каким божествам следовало молиться при той или иной житейской надобности, а также все молитвы, предписанные для торжественных государственных богослужений. Полагают, и, конечно, небезосновательно, что первые Римские цари обладали статусом *rex sacrorum*, то есть обязаны были приносить жертвы от имени жрецов³⁵.

Но, желая ни в чем не зависеть от царей, римляне после изгнания Тарквиния Гордого (534—509 до Р.Х.) учредили должность *rex sacrorum* («священный царь», «царь священнодействий»), которой передали царские полномочия. А для некоторых священнодействий, ранее совершавшихся исключительно царями, даже была введена специальная должность *rex sacrificulus* («царь-жертвователь») ³⁶.

Отказ римлян от царства в древние времена вовсе не привел к их негативному отношению к существу царской власти. «Имя царя отнюдь не обратилось в порицание, осталось почетным прозванием. Обыкновенно говорят, что слова эти вызывали ненависть и презрение: странное заблуждение! Римляне прилагали его к богам в своих молитвах. Если похитители власти не осмеливались никогда принимать этого титула, то это не оттого, что он был ненавистен, а скорей оттого, что священен»³⁷.

Когда группа децемвиров пыталась узурпировать власть, сенаторы сказали: «Мы изгнали царей. Но людям отвратительно было не время царя, коим благочестием дозволяет называть Юпитера, да и Ромула, основателя Рима, и тех, кто царствовал после. При отправлении священных обрядов имя царя также привычно, ибо вызывало ненависть не оно, но царская гордыня и произвол!»³⁸ Замечательно также, что даже в республиканское время первым делом вновь избранного консула было совершение жертвоприношений на форуме³⁹.

Таким образом, в Риме религия являлась государственным учреждением, которым Римское государство пользовалось как воспитательным средством для достижения поставленных перед собой целей. Право и обязанность исповедовать национальную религию принадлежало только римским гражданам, поскольку религиозные верования влияли на все публичные и гражданские права. Покоренные народы сохраняли свои национальные верования, если только те не вступали в конфликт с римским пантеоном. Однако всякий культ и суеверия, казавшиеся вредными, преследовались по всей строгости римского закона⁴⁰.

Любопытно, что многие термины, относящиеся к исполнению государственных полномочий, носили сакральный характер и имели религиозное происхождение. Например, латинское «*fidelis*» означало одновременно и «верующий» и «верный слову». Древнее латинское слово «*sacramentum*» во времена древней Церкви применялось к церковным таинствам, но по своему исходному значению обозначало солдатскую присягу. Первые христиане называли варваров и язычников термином «*pagani*», которым римские солдаты обозначали штатских лиц, не имевших понятия о воинской присяге и чести⁴¹.

В силу древней правовой традиции вопросы осквернения святынь и проступков против веры не рассматривались в Риме отдельно от иных споров. Различие таилось лишь в компетенции органов, в чьи правомочия входили те или иные судебные дела. Институт понтификов заведовал всеми делами, касающимися общественной религии, но сама область права религиозного была гораздо шире и включала в себя такую отрасль, как право публично-религиозное. Оно составляло предмет общего законодательства, доступного вмешательству государственной власти.

Став единоличным правителем государства, Октавиан почти сразу же принял титул «август», что само по себе свидетельствует о многом. Дело в том, что имя «август» происходит от латинского «*augere*» («умножать»), связывалось со жреческим титулом «*augur*» («умножитель благ», «величественный»). И теперь это имя напоминало всем римлянам о легендарном Ромуле (753—716 гг. до Р.Х.), основателе Рима, «*augusto augurio*», введенном в сонм богов. Таким образом, Октавиан признавался вторым основателем Рима – как говорят, ему даже предлагали принять имя «Ромул», но он отказался⁴². Легко понять, почему в 12 г. до Р.Х. Октавиан отверг половинчатые решения и стал *pontifex maximus*⁴³.

Вскоре, как цензор, император сосредоточил в своих руках блюстительство над законами и нравами⁴⁴. Таким образом, еще в языческие времена верховная власть сосредоточила в своих руках высшую ординарную юрисдикцию, а также и специальную юрисдикцию по делам веры⁴⁵.

В дальнейшем процесс сакрализации и даже обожествления императоров развивался легко и естественно. Современники описывали императора как повелителя земли, моря и космоса, спасителя человеческого рода. В некоторых случаях его отождествляли с Зевсом, и в одной из надписей в Галикарнасе значится, что бессмертная и вечная природа дала людям высшее благо – цезаря Августа, «отца своего отечества богини Ромы».

На монетах той эпохи, особенно чеканенных на Востоке, Октавиан именуется «явленным богом» и даже «основателем Ойкумены» (!). С этих времен стало традиционным изображать Римских императоров, подчеркивая два их «врожденных» признака – божественность и победоносность. Император изображался также босым, как и все боги, с земным шаром, «державой» в руках, на котором размещалась Ника, богиня победы, и посохом (скипетром). В после-

дующих изображениях императоры увенчиваются венками из дубовых листьев, что далеко не случайно, поскольку дуб являлся деревом, посвященным Юпитеру⁴⁶.

Император Домициан (81—96) начинал свои послания со слов: «Государь наш и бог повелевает». Калигула требовал именовать себя богом, и сенат послушно назвал его «Юпитером Латинским»⁴⁷. А затем традиция причислять императоров после смерти к сонму богов становится совершенно привычной для римлян. Теперь император не только приобрел контроль над общественными нравами, но и статус его стал священным.

Восстановление престижа императорской власти в государстве при Диоклетиане также сопровождалось укреплением традиции обожествления императорского титула. Сам Диоклетиан, человек с глубоким религиозным сознанием, воскресил культ почитания Юпитера и отождествил себя с его детьми. Именно от Юпитера и Геркулеса происходила его власть и власть соправителя Максимиана, полагал он. Не случайно оба августа праздновали свой день рождения одновременно, как духовные «божественные» братья.

Образование тетрархии Диоклетианом также не обошлось без религиозной идеи. В римском политеистическом мире Юпитер считался как бы отцом всех олимпийских богов, основателем их рода и одновременно повелителем. Равным образом его земной сын, Диоклетиан, считался первенствующим в тетрархии, получившей от него свою жизнь.

И Диоклетианом, и его предшественниками двигали различные чувства, среди которых желание укрепить императорский титул и сделать его в известной степени независимым от армии и сената, но лишь от воли бессмертных богов. Нужно было убедить всех, что когда кто-либо, пусть даже и армия, поднимает руку на императора, то он совершает не просто убийство, но величайшее святотатство. Поскольку традиционные клятвы верности уже не действовали, нужно было сыграть на религиозных чувствах и табу армии и современников.

В скором времени стало обязательным размещать изображения императора везде, где вводились в действие его законодательные акты. В армии изображения императора воспринимались как объекты религиозного культа, а клятва гением императора стала считаться более прочной, чем клятва именем богов.

Вскоре на персидский манер возникла практика внешнего отделения «божественных» императоров от всех остальных «обычных» людей. Во дворце Диоклетиана в Никомидии все было оформлено надлежащим образом. Похожие на жрецов чиновники с большими церемониями вели гостей в святая святых дворца – тронный зал, где восседал повелитель мира в короне из солнечных лучей, в пурпурно-золотом одеянии, весь усыпанный драгоценными камнями. Когда император обращался к римлянам и являлся перед ними, это неизменно приобретало форму публичного праздника, откровения, где божественный владыка изливал благодать на своих подданных. Также пышно были оформлены его палантин и колесница, солдаты-телохранители и свита. Его проезд по городу сопровождался пением гимнов и кадением ладана⁴⁸.

Довольно быстро изменился и характер отношений императора с армией. Уже во времена ранней Римской империи армия начала приносить присягу не государству, а лично императору, почитая и уважая его как истинного бога. И хотя присяга вовсе не гарантировала от неповиновения, но постепенно в армии все более и более укрепляется традиция верности императору, появляется множество примеров непоколебимой преданности солдат своему царю. Как справедливо отмечают, «верность императору была в сознании солдат неотделима от высшей доблести, достоинства войска, его благочестия». Иногда происходят даже акты коллективного самоубийства легионеров на могиле умершего императора. Как видим, совершенно естественным путем фигура императора все более принимала сакральный характер⁴⁹.

II

Но чтобы император стал самим собой, монархия должна была найти основу там, где ей придавали более совершенное содержание. Инстинктивно или нет, но еще задолго до св.

Константина Великого взоры императоров устремлялись на Восток, имевший свою богатую и специфическую культуру.

Разве мог св. Константин Великий или Констанций игнорировать тексты Священного Писания, в которых излагается другое, к тому же данное непосредственно Богом, толкование царской власти? Ведь, еще в книгах Ветхого Завета говорится: «Где слово царя, там власть; и кто скажет ему: “что ты делаешь?”» (Еккл. 8: 4); «Царь правосудием утверждает землю» (Притч. 29: 4). «Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников; а при разумном и знающем муже она долговечна» (Притч. 28: 2). «Милость и истина охраняют царя, и милостью он поддерживает престол свой» (Притч. 20: 28). «Сердце царя – в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его» (Притч. 21: 1). «Как небо в высоте и земля в глубине, так сердце царей – неисследимо» (Притч. 25: 3). «Бойся, сын мой, Господа и царя» (Притч. 24: 21). «Слава Божия – облекать тайною дело, а слава царей – исследывать дело» (Притч. 25: 2). Естественно, императоры начинали проникаться той культурой, которая выросла на ветхозаветных и новозаветных книгах.

Перенос столицы на берега Босфора привел к формированию устойчивой и весьма содержательной новой религиозной тенденции, в течение буквально одного столетия изменившей самосознание императоров и их образ в глазах подданных. Правовое *pontifex maximus*, родившееся из древнего культа царя, должно было найти какое-то разумное примирение с христианскими первоосновами Римской империи. Этот процесс вовсе не означал полного отрицания римской политической и религиозной культуры. Поэтому вскоре обязанность правового регулирования вопросов общественной религии приведет императоров к необходимости напрямую вмешиваться в вопросы христианского вероучения.

Первый прецедент создал сам святой и равноапостольный Константин Великий. Хотя первоначально он старался по возможности уклоняться от решения сугубо догматических споров, но жизнь неуклонно брала свое. И вот однажды, угощая епископов, император признал себя «внешним епископом» Церкви. Термин, по обыкновению неопределенный с юридической точки зрения, что породило множественность его толкования. По одному, вполне заслуживающему внимания мнению, обращаясь с этими словами, император не мог не сознавать своих церковных прерогатив. Но, поскольку на этот момент он не был еще крещен и даже оглашен, то оговорился о себе как «внешнем» епископе⁵⁰.

Именно св. Константин Великий безоговорочно признал источником своей власти непосредственно Бога, и с этим связывал успехи своего царствования. Этим же путем шли и его дети. Говоря об императоре Констанции, св. Григорий Богослов писал: «Рассуждая истинно по царски и выше многих других, он ясно усматривал, что с успехами христиан возрастало могущество римлян, что с пришествием Христовым явилось у них самодержавие, никогда дотоле не достигавшее совершенного единоначалия»⁵¹. Затем святитель пишет еще более определенно: по его мнению, св. Константин Равноапостольный и Констанций положили основание царской власти в христианстве и в вере⁵².

Постепенно императоры стали именоваться на восточный манер царями, сохранив при этом, как синонимы, титулы «император», «август», а впоследствии – «василевс». Впрочем, точнее сказать, что термин «василевс» и ранее использовался в римской литературе (достаточно обратиться к сочинениям Евсевия Кесарийского) при обращении к царям, но он стал привычным и наполнился конкретным содержанием только к VII веку. Являясь августейшим («священнейшим»), верным воплощением Божества на земле, император сообщает священный характер всему тому, что от него исходит, делается его волей, говорится в его речах. Кто приближается к нему, тот простирается ниц и касается лбом земли, как живому воплощению Божества⁵³.

Свою главную задачу христианские цари видели уже не только в том, чтобы созидать общественное благо, вершить правосудие, творить право, воевать с врагами и оберегать терри-

ториальную целостность Римской империи. Это ранее делали все их предшественники, начиная с первых времен образования Римской монархии. Оказалось, что для христианских императоров появилась высшая цель, которую сформулировал еще св. Феодосий Младший: «Много заботимся мы обо всем общепольном, но преимущественно о том, что относится до благочестия: ибо благочестие доставляет людям и другие блага»⁵⁴.

Да и могли ли императоры качественно иначе понимать существо царской власти? Ведь с момента признания Римским государством христианства слова Господа нашего Иисуса Христа «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Матф. 6: 33) естественным образом трансформировались в аксиому, высказанную некогда еще св. Иоанном Златоустом. «Оттого многое и в общественных, и в частных делах идет у нас не по нашему желанию, – утверждал с амвона святитель, – что мы не о духовном наперед заботимся, а потом о житейском, но извратили порядок. От этого и правильный ход дела извратился, и все у нас исполнилось великого смятения»⁵⁵.

Следовательно, чтобы Римское государство жило благочестиво, нужно, чтобы духовная жизнь проходила под безукоризненно точным исполнением учения Христа. В условиях же наличия множества ересей, неизменно сопровождавших и омрачавших жизнь Церкви уже с первых веков ее существования, учение Христа нуждалось в государственной защите, предоставить которую мог единственно император. Само собой получилось, что для христианских государей оказалось невозможным думать только о политическом, оставляя в небрежении вопросы веры. Одно для них неразрывно связано причинно-следственной связью со вторым: если вера крепка и народ благочестив, все в государстве будет в порядке.

Так постепенно императоры становятся высшими хранителями Православия и защитниками Церкви. Этот статус единственно укладывался в религиозную систему Восточной Римской империи, где очень рано был понят как особая форма церковного служения. Это для всех было безусловно, так как «император в совете Божиим предопределен Богом, чтобы управлять миром», а даже сановники не просто служили, а священнодействовали⁵⁶.

Было бы бесконечно пошло и скучно приписывать стремлению Римских императоров возглавить Церковь исключительно тщеславные мотивы. Нужно помнить, какие традиции довлели над Римскими царями – чувство долга перед обществом, Империей, Богом, чтобы опускаться до aberrаций такого уровня. Глава Римского государства – не сугубый военачальник, а старатель общего блага, умножитель его. «Ты знаешь, – писал один автор императору Траяну, – что тебе всюду присягают, ибо ты присягнул всем. Мы тебя любим, насколько ты этого заслуживаешь, но это мы делаем не из любви к тебе, а из любви к нам, и да не настанет никогда такой день, о, цезарь, когда обеты за твое благоденствие произнесет не наша польза, а наша верность».

Смысл сказанного предельно ясен: принцепс признавался первым слугой Римского государства и был убежден, что его власть только тогда имеет внутренний смысл и заслуживает защиты богов, если он пользуется ею не для удовлетворения личных прихотей, а для обеспечения безопасности и спокойствия римского народа. Траян сам искренне считал, что если власть императора утратила нравственное начало, то он должен быть заменен другим лицом⁵⁷.

«Выросши среди лагерей, – писал современник об императоре Траяне, – он научился не только повелевать, но и повиноваться и подчинять свои личные интересы общим». И эти слова, за редким исключением, могут быть адресованы практически ко всем первым монархам Рима, в том числе, конечно, и православным⁵⁸.

Поскольку, следуя древней традиции, первые императоры не принимали таинства Крещения вплоть до смертного часа, никакого специального обряда посвящения их на царство не происходило. Однако множество чудесных событий буквально подталкивало христианских императоров к единственно верному пониманию первооснов своей власти. Весьма характерно также, что по Божественному Провидению, именно обожествление языческого императора

вольно или невольно способствовало широкому распространению христианского монотеизма. Идея «Человекобога» открывала дорогу и «Богочеловеку»⁵⁹.

Святой Феодосий Великий рассказывал о чудесном сневидении, в котором Антиохийский патриарх Мелетий (360—381) одел его в царскую порфиру и возложил на главу императорский венец. Когда во сне народ, заполнивший храм, стал выходить из него, огромная птица спустилась сверху и возложила радужный венец на царя. Все приняли этот сон, рассказанный царем, как знак признания Богом императорского достоинства св. Феодосия I. Хотя известно достоверно, что св. Феодосий Старший принял знаки императорского достоинства от императора Грациана, который и возложил на него диадему. А св. Маркиан заявлял, что стал на царство Божественным жребием⁶⁰.

Замечателен один отрывок из сочинений Евсевия Кесарийского, где он сравнивает власть монарха с властью Бога и вообще дает характеристику монархии как идеальной форме правления.

«Закон царского права, – пишет современник, – именно тот, который подчиняет всех единому владычеству. Монархия превосходнее всех форм правления, многоначалие же, составленное из членов равного достоинства, скорее есть анархия и мятеж. Посему-то один Бог (не два, не три, не более, ибо многобожие есть безбожие), один Царь, одно Его слово и один царский закон, выражаемый не речениями и буквами, не в письменах и на таблицах, истребляемых продолжительностью времени, но живое и ипостасное Слово Бога, предписывающее волю Отца всем, которые покорны Ему и следуют за Ним»⁶¹.

Таким образом, царство есть своего рода «естественный закон» человеческого общества, данный непосредственно Богом и потому обязательный для всех.

Присутствовал еще один мотив, который нельзя не учитывать. Было бы крайне сомнительно отказывать христианским императорам в тех правах и титулах, которыми обладали языческие Римские императоры. И с полным основанием римские солдаты в IV в. приносили императору следующие слова присяги: «Клянемся именем Бога, Христа и Святого Духа, величеством императора, которое человеческий род после Бога должен особенно почитать и уважать. Император принял имя Августа, и ему, как истинному и воплощенному Богу («*tanquam praesenti et corporali deo*»), должно оказывать верность и поклонение, ему должно воздавать самое внимательное служение. И частный человек, и воин служит Богу, когда он верно чтит того, кто правит с Божьего соизволения»⁶².

Многие исторические обстоятельства способствовали тому, чтобы Византийские императоры все более и более проникались сознанием своих высших обязанностей перед Богом и Православием. В свою очередь современники пытались определить «опытным» путем все той же спасительной рецепции то место, какое занимает и должен занимать Римский император в Церкви и православном обществе. В титулатуру императоров рано начали включать термин «святой», в этом нет ничего удивительного, поскольку еще апостол Павел полагал, что все члены Церкви – святые. Отсюда, кстати сказать, сохранившийся до наших дней возглас на Литургии «Святая святым!», когда наступает время причащения⁶³.

В то время многие христиане искренне полагали, будто подтвердить святость могут лишь те члены Церкви, кто сподобился мученического венца или засвидетельствовал себя как исповедник. Но, как справедливо пишут, было бы весьма проблематично отнести фигуру Римского императора к данной категории верующих.

Между тем оставалась еще одна категория святых – апостолы, проповедовавшие Евангелие всему миру. И параллель между ними и Римским императором, государем Вселенной, также распространявшим свет учения Христа по всей Ойкумене, не укрылась от взора древних христиан. Поскольку же апостолы занимали высшую строчку в иерархии святых, Римским царям вполне обоснованно определили высшее место в церковном управлении и предоставили полномочия (обязанности?), близкие к апостольским⁶⁴.

Есть еще одна причина, в силу которой царский сан был признан почти священническим и даже «как бы» епископским – об этом подробно будет говориться ниже. В онтологическом смысле понятия «Церковь» и «Божественная Литургия» суть тождественны. Для первых христиан выражение «идти в Церковь» подразумевало Евхаристическое собрание. И в посланиях апостола Павла (например, 1-е Послание к Коринфянам) термин «Поместная Церковь» употреблялся исключительно для обозначения ее проявления при совершении Божественной Литургии. «Как Евхаристия есть образ будущего, т.е. Царства Божия, так и сама Церковь есть и должна быть образом грядущего. Церковь не перестает быть Церковью и вне Евхаристии, однако она есть и пребывает Церковью именно потому, что она есть Евхаристия, т.е. образ Царства Божия».

По одному справедливому замечанию, Церковь участвует в истории только одним способом – перенесения своего евхаристического опыта на повседневную жизнь людей, хотя и не связывает себя мирскими методами разрешения проблем. В этом отношении земная Церковь есть Церковь странствующая, временно пребывающая в миру, но не поселяется в нем. И своим устройством Церковь также обязана Евхаристии⁶⁵.

По своей внутренней структуре Церковь состоит из клира и народа: предстоятели, приносящие бескровную жертву, и те, кто отвечает «аминь». При этом церковным народом, или мирянами, называли не вообще всех неклириков, а лишь тех, кто прошел через свое «рукоположение», обряд Миропомазания, и занял свое место в Евхаристическом собрании. Епископ же, предстоящий на Евхаристии, являет собой образ Христа, незримо присутствующий на Литургии. Его власть – от Бога, поскольку в Церкви никакого источника власти в принципе помыслить невозможно. Поскольку же Церковь остается Церковью и вне Евхаристии, епископ действует в ней не только как представитель Христа, но и как представитель Его Церкви. В этом качестве епископ участвует на Соборах, включая Вселенские, хотя этим правом не обладают викарные или титулярные архиереи⁶⁶.

Отсюда следует очень важный вывод, напрямую касающийся Римского императора. Церковь вошла в Римскую империю, а государство начало жить законом Христа, и в этой «симфонии властей» немыслимо разделение двух союзов. Василевс по факту является носителем высшей власти в Римской империи, а, следовательно, эту власть ему предоставил Христос – точно так же, как и епископу. Царь, как и архиерей, представляет народ, в том числе церковный, и в этом он опять же подобен епископу. Его высшие властные полномочия требуют определить место царя в церковной иерархии – довольно сложное занятие, но в любом случае быть просто мирянином он не может – это очевидно.

Таким образом, сам собой напрашивается вывод о священническом достоинстве Римского царя, которое, однако, никак не может быть квалифицировано по привычной для всех системе иерархии, сложившейся к тому времени в Кафолической Церкви. Поэтому, как мы увидим неоднократно, императору разрешалось многое из того, что напрямую и категорично запрещено мирянам, включая вход в Алтарь царскими вратами и каждение в нем.

Следует отметить, что в значительной степени идеология Римского царства-Империи и царского служения была почерпнута византийцами из текстов Ветхого Завета. Царская власть над избранным народом, в данном случае христианами, могла быть только и исключительно даром Божиим. И, как замечал один тонкий исследователь, «в Византии Ветхий Завет имеет основополагающее, почти конституционное значение, он служит таким же нормативом в политической области, как Новый Завет – в сфере морали».

История еврейского народа, тщательно очищенная христианским прочтением от всего исторического и еврейского, рассматривается как набросок того, какова будет или, по крайней мере, какова должна быть история Империи, как способ осознать, при каких условиях и в соответствии с каким библейским прообразом правитель приобретает или теряет легитимность, сын наследует власть собственного отца, а царь сможет называть себя священником⁶⁷.

Император являлся особой фигурой, олицетворяющей всю Римскую державу. Не случайно уже в первые века существования Империи личность императора признавалась сакральной. Император – первый солдат и первый гражданин. Он несет такие же тяготы службы, как и все римляне, и, более того, ведет жизнь, не похожую на быт всех остальных людей. Чрезвычайная скромность, величайшая ответственность, умеренность во всем, что касается самого императора.

Служение Империи – это главнейшая его обязанность, зато император являлся всевластным хозяином, полностью распоряжаясь всеми делами государства. «Все, что принадлежало императору, принадлежало государству; все, что принадлежало государству, принадлежало также и императору. Его личное состояние растворилось в государственном»⁶⁸.

Вообще, тексты Священного Писания открывают удивительные сочетания лиц и образов. С одной стороны, прообразом Христа является конкретный, хотя и легендарный ветхозаветный царь Салимский (Иерусалимский) Мелхиседек – царь, священник и пророк одновременно, сан которого блестяще раскрыт крупными мазками святым апостолом Павлом в известном его Послании к Евреям. Салимский царь – «священник Бога Всевышнего», «царь правды», «царь мира». «Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, оставаясь священником навсегда» (Евр. 7: 1—4).

Мелхиседек предвосхищает по времени левитское священство, поскольку Левий «был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его». По другой версии, факт наличия самой личности Мелхиседека вообще обосновывал право царя в Иерусалиме на какое-то особое, экстраординарное священство, отличное от «рядового» священства потомков Аарона⁶⁹.

Но и Новый Завет давал не менее красочные картины. И Христос, именуемый в тексте Священником, наподобие Мелхиседека восстает «не по закону заповеди плотской, но по силе жизни нарастающей». И о Спасителе говорится: «Ты священник вовек по чину Мелхиседекову» (Евр. 7: 1—3, 15—17). С другой стороны, Римский император – прообраз Христа на земле, уподобляющийся Мелхиседеку, также имеет Салимского царя своим идеалом. Отсюда легко перебрасывается мостик к его священническим полномочиям⁷⁰.

Сохранилось много свидетельств Учителей и Отцов Церкви, полных подобных размышлений о царском достоинстве. В частности, преподобный Ефрем Сирийский (IV в.) не сомневался в божественном предназначении Римской империи и Римского царя. В одном из своих произведений он прямо писал, что Христос и император царствуют одновременно. Единовластие Божие в Царствии Небесном и единовластительство василевса в царствии земном уничтожают многобожие и многовластие. И этим указывается миру путь к спасению.

Как и позднее, император святой Юстиниан I Великий, преподобный не отделяет Церкви от Римской империи и священства от царства. Император дает законы и следит за их выполнением, священство умягчает сердца и принимает кающихся перед Господом. Цари должны свидетельствовать о неправдах среди духовенства, исправляя ошибки уклоняющихся в ересь, что говорит о высочайшем доверии и культе царя, практически безгрешного в вере силой благодати Божьей. Не случайно преп. Ефрем Сирийский пишет: «Господи, сотвори мир между священниками царями, и в Единой Церкви пусть священники возносят молитвы за своих царей, а цари пощадят свои города. Так пусть будет мир внутри, будь же для нас внешней стеной!»⁷¹.

Впрочем, это произведение являлась далеко не единственным, и многие другие современники охотно разделяли общее убеждение преподобного Ефрема. Например, блаженный Августин, епископ Ипонский (память 28 июня), так описал в своем бессмертном произведении «О граде Божием» образ настоящего Римского императора. «Мы называем государей христианских счастливыми, если они управляют справедливо; если окруженные лестью и крайним низкопоклонством не превозносятся, но помнят, что они люди; если употребляют свою власть на распространение почитания Бога и на служение Его величию; если боятся, любят и чтут Бога; если любят более то царство, в котором не боятся иметь сообщников; если медлят нака-

заниями и охотно милуют; если самые наказания не употребляют как необходимые средства для управления и охранения государства, а не как удовлетворение своей ненависти к врагам; если и помилование изрекают не для того, чтобы оставить неправду безнаказанной, а в надежде исправления; если в том случае, когда обстоятельства вынуждают их произнести суровый приговор, они смягчают его милосердием и благотворительностью; если обстановка и род их жизни тем скромнее, чем более могли бы быть роскошными; если они лучше желают господствовать над дурными наклонностями, чем над какими бы то ни было народами, и делают все это не из желания какой-нибудь пустой славы, а из любви к вечному счастью; если не пренебрегают приносить Богу за грехи свои жертву смирения, сожаления и молитвы. Таких христианских императоров мы называем счастливыми»⁷².

А в произведениях английских богословов IV века возникла и была обоснована другая, еще более категоричная максима: «*Dei imaginem habet rex sicut et episcopus Christi*» («Государь – образ Бога, так же как епископ – образ Христа»). Впоследствии эта теория ляжет в основу многих средневековых трактатов о Божественном правосудии и монархе, как его орудии. И многие авторы будут упорно доказывать, что император – даже не викарий Христа, которым является в лучшем случае Римский епископ, а легат Бога-Отца. Для религиозного сознания разница более чем очевидная.

Эту формулу будут спустя несколько веков озвучивать в посланиях к Карлу Великому (765—814) – с которым мы вскоре столкнемся, и Генриху I Английскому (1100—1135): «Поистине, король в своем королевстве, как представляется, занимает место Бога-Отца, а епископ – место Христа. И поэтому все епископы оказываются по праву подчинены королю, подобно тому как Сын, несомненно, подчинен Отцу – не в силах Своей природы, но в силу чина»⁷³.

Стоит ли удивляться, что святой Константин Великий воспринимался современниками как тринадцатый апостол? А после того, как Церковь освободилась от гонений, а затем стала государственной, участие императоров в церковных делах возрастает невероятно. Вплоть до того, что уже в IV в. они утверждают вероисповедание и святые догматы, запрещая одновременно с этим государственным законом всякую ересь.

«Состояние нашего государства, – отмечал император св. Феодосий Младший, – зависит от образа богопочтения, и у них много общего и сродного. Они поддерживают одно другое, и каждое из них возрастает с успехами другого, так что истинное богопочтение светится правдивой деятельностью, а государство цветет, когда соединяет в себе и то и другое. Посему, поставленные Богом на царство, назначенные быть средоточием благочестия и благополучия подданных, мы всегда храним союз их неразрывным, служа Промыслу и людям... Преимущественно пред прочим мы заботимся о том, чтобы состояние Церкви оставалось достойным Бога и приличным нашим временам, чтобы от единомыслия всех происходило спокойствие, и от мира в церковных делах – невозмутимая тишина, чтобы богопочтение и богослужение было безукоризненно, чтобы находящиеся в клире и совершающие великое служение священства были свободны по жизни от всякого упрека с худой стороны»⁷⁴. Здесь можно выделять курсивом практически каждую строчку.

В другом письме св. Феодосий II пишет: «Все известно, что состояние нашего государства и все человеческое утверждается и поддерживается благочестием к Богу. Когда благоволит Верховный Судия, то все дела текут и направляются счастливо и по нашему желанию. Итак, получив по Божественному промыслу царство, мы должны прилагать величайшую заботливость о благочестии и благоповедении наших подданных, чтобы и истинная вера и наше государство сияли искреннею ревностью о высшем благе и полным благочестием»⁷⁵.

Итак, торжественно провозглашается, что не народная воля и не сенат, а Бог ставляет императора на царство, и защита Его Церкви становится первой обязанностью монарха, который непосредственно перед Спасителем отвечает за чистоту веры. Поэтому для византийцев статус монарха не подвластен в полном объеме человеческому суду. Император – ставленник

Бога на земле, Его прообраз, равно как и Римская империя, которая представляет собой земное, хотя бы как «сквозь мутное стекло», но зримое отображение Царствия Небесного.

Вселенские Соборы являли собой, конечно, чудо, которое Господь даровал (опять же, через посредство императоров) Кафолической Церкви для наилучшего и единообразного усвоения Учения Христа. Вполне естественно современники ждали от Вселенских Соборов церковного мира и четких вероисповедальных формул. Но зачастую вследствие различных обстоятельств этот желанный результат достигался далеко не сразу. Объективные причины – различие языка, лексики, нюансы богословских традиций различных школ, и субъективные – человеческие слабости и пороки, подрывали единство и целостность Церкви.

Нередко Поместные церкви прерывали друг с другом евхаристическое общение, внутри епархий различные общины искали высший центр церковной власти, к которому можно было бы апеллировать. В различных церковных общинах варьировалось почти все: день празднования Пасхи, дисциплинарная практика, литургическая служба и т.п. И решения Соборов далеко не для всех являлись безусловными – каждый из них прошел свой нелегкий и небыстрый путь общецерковного признания, рецепции. И единственным лицом, способным обеспечить повсеместное признание соборных актов как на Востоке, так и на Западе, являлся император⁷⁶.

Непосредственное участие царей в рецепировании вселенских актов имело громадное значение. Поскольку ложные или откровенно еретические «догматы» рано или поздно отвергались Вселенской Церковью, никакой акт императора, никакие самые решительные действия политической власти и ее союзников в лице епископата не имели шансов закрепить в православном сознании и практике решения лжевселенских соборов. Но в тех многочисленных ситуациях, когда истина с громадным трудом преодолевалась ереси, именно сила и авторитет императорской власти становились тем спасительным орудием, при помощи которого Церковь сохраняла свою целостность и единство вероучения.

Теоретически, как справедливо заметил один автор, в таких случаях все должна была решать церковная рецепция, то есть свободное усвоение и принятие этих догматов православным обществом. Но на практике очень многое решала личная санкция императоров и их позиция⁷⁷.

Сама жизнь неизменно требовала от императоров действий, могущих умиротворить Кафолическую Церковь, обеспечить ее внешнее единство и единство вероисповедальное. Император Констанций и его царственные братья вынуждены были ставить последнее слово во многих богословских спорах и при разрешении канонических прецедентов, иначе никакое нормальное существование церковных общин оказывалось невозможным. Императоры Валентиниан и Валент старались не вмешиваться во внутрицерковную жизнь, но это было возможно только на Западе, слабо подверженном арианству. Но на Востоке дистанцированность Валента привела только к новым затяжным расколам, гонениям на православных со стороны арианствующих епископов и в итоге к обвинению царя в поддержке, которую он якобы оказывал еретикам.

Святой Феодосий Великий, тонко чувствующий ситуацию и понимавший свои обязанности перед Богом, выступил решительным антиподом некоторым царственным предшественникам. Поэтому в его царствование Православие обрело уверенную и твердую основу, а ереси были развеяны силой императорской власти.

И это обстоятельство предопределяло место царя в церковной иерархии и его церковные полномочия, растущие и ширящиеся по объему из века в век. «Широкие права императора в делах Церкви, – отмечал Ю.А. Кулаковский (1855—1919), – не подлежали никакому сомнению еще со времени св. Константина. Церковь живет в государстве, и тем самым глава государства является главой Церкви»⁷⁸.

В свою очередь, обязанность защищать Церковь немыслима без признания за царем высших административно-правительственных полномочий по управлению Церковью. А также

права царя или, скорее, обязанности вторгаться в сакральные вопросы, то есть в самое вероучение. Действительно, как можно законом гарантировать сохранение истинной веры, если формирование догматов неподвластно императору? И уже император св. Гонорий в письме императору Аркадию прямо пишет, что «попечение государево простирается на таинственные и кафолические вопросы»⁷⁹.

Эти естественные выводы очень рано укоренились в сознании как самих христиан, так и уже первых христианских императоров. Еще в деяниях св. Константина Великого можно найти следы двойственности его статуса, некоторую нерешительность царя в реализации тех полномочий, которые сформулированы выше. Его крайне занимал вопрос формального единства Кафолической Церкви, но он старается уклониться от содержания богословских диспутов. Однако некоторое время спустя царь начинает охотно вступать в богословские дебаты и, уже не смущаясь, утверждает, что исследует истину наравне с епископами.

Окруженная многочисленными врагами, раздираемая церковными расколами и местным сепаратизмом, Римская империя могла существовать исключительно в условиях единоличной, сильной и могущественной власти. Кроме вселенских патриархов (Римского, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского), Кафолическая Церковь нуждалась в высшем своем представителе, который, с высоты царского престола являя образец нравственного сознания, гарантировал бы ее единоверие и целостность. В глазах всего христианского мира император стал верховным покровителем, главой Церкви, охранителем и защитником вселенской, христианской истины. И в этом отношении правильно отмечают, что Византийская империя держалась лишь нравственной верой в силу своей самодержавной власти⁸⁰.

По общему убеждению, власть дана императору не только для охраны государства, но преимущественно для защиты Церкви. Признавая, что им вместе с *imperium* вручена Богом и забота о Церкви, Римские императоры со времен Грациана и св. Феодосия Великого провозглашают определенное христианское исповедание веры, как принципиально единственную и истинную религию, такую, которая должна стать всеобщей. Церковь предоставляла императору исключительные, едва ли не абсолютные полномочия, вменяя ему в обязанность налагать на государство церковный закон⁸¹.

На гневные возражения ересиарха Доната чиновникам императора Константа: «Какое дело епископам до императорского двора, какое дело императору до Церкви», св. Опат Милевский (память 4 июня) ответил: «Не государство находится в Церкви, а Церковь в государстве, т.е. в Римской империи. Над императором нет никого, кроме Бога, Который его создал. Если поэтому Донат возвышает себя над императором, то он переступает границы, поставленные нам, людям. Если он не подчиняется тому, кто всего выше почитается людьми после Бога, то немного не хватает, чтобы он сам себя сделал богом и перестал быть человеком»⁸².

Конечно, никаких законов, никакой правовой регламентации этих полномочий в том системном виде, в каком мы привыкли видеть римское право, здесь не обнаружить. Более того, в описываемое нами время это даже не стало еще признанным каноническим обычаем, но уже приобрело характер устойчивой тенденции, рано или поздно должной стать твердым правилом управления Церковью. Практически всегда решали два фактора – благочестие и личность императора, а также состояние дел в Церкви. Если второй фактор оставался хотя бы относительно стабильным, императоры не стремились наглядно проявить свою власть на церковном поприще.

Так было при императорах Аркадии и св. Гонории. Но когда мягкий и излишне щепетильный в церковных делах св. Феодосий Младший попытался скопировать поведение отца в других условиях, это привело к жесточайшему кризису, с которым Церковь и государство справлялись несколько десятилетий. Не только Церковь раскололась на противоборствующие партии, но пришлось немало потрудиться, чтобы обеспечить рецепцию III Вселенского Собора,

прошедшего помимо воли царя и не признанного им. Более того, оказалось необходимым принять меры для восстановления репутации царской власти в лице самого св. Феодосия Младшего. Твердые характеры св. Маркиана, св. Пульхерии, св. Льва Великого все поставили на место, по крайней мере насколько это было в их силах. И IV Вселенский Собор в Халкидоне стал самым проимператорским из всех ранее созывавшихся.

Хрестоматийно звучат слова одного современника: «Когда некоторые заявляют, что василевс не подвластен закону, а сам является законом, то же самое говорю и я. Однако пока во всех своих действиях и законоположениях он поступает хорошо, мы повинемся ему. А если он сказал бы: “Пей яд!” – ты, конечно, не сделал бы этого. Или хотя бы сказал: “Войди в море и пересеки его вплавь”, – но ты и этого не можешь исполнить. Поэтому знай, что василевс как человек подвластен законам благочестия. Итак, именно поэтому мы составляем это сочинение для будущих благочестивых и христоролюбивых василевсов. Господь вознес тебя на царский трон и милостью своею сделал тебя, как говорится, земным Богом, способным поступать и действовать по своему желанию. Поэтому да будут дела твои и поступки исполнены разума и истины, справедливость да пребудет в сердце твоём. Да не обделишь одних без причины, других же не облагодетельствуешь вопреки всяким справедливым основаниям. Напротив, будь нелицеприятен со всеми. Виновный пусть получит в меру за свой поступок, а если ты исполнишься сочувствия к нему и простишь его ошибку, то это дело божественное и царское»⁸³.

Такое положение дел накладывало многие обязанности и на самого императора. Конечно, царь обязан был быть православным – это требование также нигде не было закреплено правовым образом, но являлось безусловным и обязательным, само собой подразумевающимся. С другой стороны, нет ничего невероятного в том, что цари иногда заблуждались (Зенон) или даже (как Василиск) пытались использовать богословские споры для собственных карьерных целей. Как обладающая благодатью быть свободной от плена ада, Кафолическая Церковь никогда не ошибается и способна восстановить то, что могло быть потеряно даже при «нерадивых» или не вполне правоверных императорах.

Для объяснения политики Зенона и некоторых других царей, непопулярных среди ригоричных ортодоксов, следует сделать одно общее замечание. Принципиально неправильно нередко бытующее мнение, будто при православных императорах Церковь оказывалась с государством в одних отношениях, а при императорах, склонявшихся к той или иной ереси, в совершенно противоположных. На самом деле разницы не было никакой, поскольку те и другие отношения вытекали из одного и того же начала. «Догматическое учение Православной Церкви не составляло чего-либо окончательно выясненного и формулированного; для него потребовался продолжительный процесс выяснения и формулирования, и нет ничего необъяснимого в том обстоятельстве, если император не всегда оказывался на стороне православной партии, а принимал сторону противоположной партии»⁸⁴.

Теократическая идея в редакции отдельных западных отцов, певцом которой был еще блаженный Августин, не нашла сочувствия на Востоке, для которого мысль о принадлежности всей полноты церковной власти только священству была совершенно чужда. Центр тяжести церковной власти всегда для Востока лежал в мире, в общине, которой принадлежала рецепция. Поэтому едва ли не автоматически вся полнота церковно-правительственной власти перешла к императору, как представителю мира всей Вселенской Церкви⁸⁵.

Это выражалось хотя бы в том, что вместе с кратким формулированием правильного исповедания веры цари указывали и епископов, представителей данного исповедания, с которыми должно установить общение⁸⁶. Только представители этого вероисповедания признавались Церковью и имели права, предоставленные законодательством Империи православным. Начиная с X в. Церковь называет императора святым, то есть освященным в своей власти для мира своего царства. С этого же времени чин венчания включает в себя миропомазание⁸⁷.

Для понимания древнего образа мыслей полезнее, пожалуй, не пытаться пересказать его современными понятиями, а просто воспроизвести слова, торжественно и благородно звучащие полторы-две тысячи лет назад.

Отцы Эфесского Собора 431 г. так обращаются к императорам: «Ваше благочестие, христоролюбивые и боголюбивейшие государи, приняв истинную веру от предков и приумножая ежедневно, прилагаете великое попечение о догматах истины»⁸⁸.

Евсевий Дорилейский вопиет к императорам: «Цель вашей власти – заботиться как о всех подданных и оказывать помощь всем оскорбляемым, так и особенно – о священнодействующих, служа этим Богу, от Которого даровано вам царство и власть над сущими под солнцем»⁸⁹.

Халкидонский Собор в едином порыве восклицает: «Для сильных болезней нужны и сильные лекарства, и мудрый врач. Поэтому-то Господь всех приставил, ваше благочестие, к страданиям Вселенной, как наилучшего врача, чтобы вы исцелили их приличными лекарствами. И вы, христианнейшие, принявши Божественное определение, пред всеми другими приложили приличную заботливость о Церкви, предписывая первосвященникам врачество согласия. Ибо, собрав нас отовсюду, вы употребили все средства, чтобы уничтожить случившееся разногласие и укрепить учение отеческой веры»⁹⁰.

И дальше, обращаясь уже к императрице святой Пульхерии: «Блеск вашего благочестия озаряет всех. Через вас совершилось течение Апостольского учения; ревностью вашей любви к Богу рассеян мрак неведения и возвращено согласие веры; мы соглашаемся с вселенскими учительствами благочестия, получая помощь к тому в ваших подвигах; через вас теперь наши овчарни наполняются стадами верных; через вас сходятся теперь те, которые прежде были рассеяны и возвращены пастыри овцам и учителя ученикам»⁹¹.

И потом – ко всем царям: «Мы знаем, какой страх внушает злым ваша почтенная власть, и какую заботливость вы оказываете о церковном мире, будучи научены опытом. Посему и молим Бога всех сохранить надолго вашу власть, которая обычно покровительствует благочестию, царствует над вселенной мирно, судит каждого подданного справедливо, покоряет поднятые руки врагов и заставляет повиноваться вашим скипетрам»⁹².

«Бог праведно даровал вам царство и власть над всеми для благоденствия Вселенной и для мира святых церквей. Поэтому, благочестивейшие и христоролюбивые императоры, прежде всего и вместе со всем вы заботитесь о догматах православной и спасительной веры, то прекращая рыкания еретиков, то выводя на свет права благочестивых догматов»⁹³.

Это – общий голос Церкви, среди которого звучат голоса самих царей и мирян. Некто Елпидий, военачальник, участвующий в качестве представителя царя на Халкидонском Соборе, заявляет буквально следующее: «Виновник зла демон никогда не оставляет войны против святых церквей: и благочестивейший император всегда противостоит ему, несправедливо воюющему, – справедливо рассуждая, что будет иметь в Боге защитника своего царства, если сам вооружится на брань за благочестие»⁹⁴.

«Христоролюбивая ревность вашей тихости, благочестивейшие и благовернейшие, принявшие от Бога обладание всеми царствами», – обращается к св. Маркиану и св. Пульхерии натарий Халкидонского Собора Аэций⁹⁵.

Было бы очень наивно говорить, будто данная доктрина могла родиться только на Востоке и вызываться к жизни некими специфическими чертами восточного менталитета. Запад в лице своих лучших представителей чувствовал и осознавал священство и высшие обязанности императора часто не менее тонко и полно, чем Восток. Папа Целестин так понимает полномочия царя: «Хотя достаточно было бы того, чтобы попечение вашей милости о защите Кафолической веры, на которое вы, по любви к Христу Богу нашему, правителю вашей Империи, поспешаете со всем усердием, сохраняло ее чистой и неповрежденной, осуждая ложь развращенных догматов, и чтобы вы всегда полагали в этом ограждение вашей власти, зная, что царствование, укрепляемое соблюдением святой веры, пребудет твердо и непоколебимо»⁹⁶.

А Западная царица обращается к своему восточному соправителю со следующими словами: «Всем известно, что твоя кротость имеет такое попечение и заботливость о вере Кафолической, что вы совершенно воспретите делать ей какое-либо оскорбление»⁹⁷.

Справедливо говорят, что III и IV Вселенские Соборы подняли на невиданную высоту авторитет и статус Рима. Халкидон узаконил исключительные полномочия, равные папским, Константинопольского патриарха. Но эти два Собора демонстрируют чрезвычайно возвышенное отношение к царской власти со стороны даже тех архиереев, которых никогда и никто не упрекнет в конъюнктуре и «дипломатизме».

«Мы радуемся, что в Вас не только императорская, но и священническая душа: потому что сверх императорских и публичных забот Вы имеете благочестивейшее попечение о вере христианской, т.е. печетесь о том, дабы в народе Божиим не усиливались расколы или ереси или какие-либо соблазны; ибо тогда только будет в отличном состоянии и Ваша империя, когда сохранится в ней исповедание единого Божества в вечной и неизменной Троице», – писал Римский папа св. Лев I Великий императору св. Феодосию II Младшему.

Он же обращается к св. Маркиану: «Вера вашей милости твердо пребывает и увеличивается славными приращениями; и сия вера вашей милости утешает и укрепляет не только меня, но и всех священников Господа, когда мы в христианском государе находим священническую ревность»⁹⁸.

Не менее торжественно звучат слова его послания и к императору св. Льву I Великому: «Вы со святым и духовным старанием охраняете мир в Церкви во всем мире... Господь обогатил твою милость таким просвещением своего таинства, что ты немедленно должен усмотреть то, что царская власть сообщена тебе не только для управления миром, но и особенно для охранения Церкви, чтобы ты обуздал незаконные дерзости, и добрые постановления защитил, и истинный мир восстановил»⁹⁹.

Признание божественных основ царской власти постепенно приводит к тому, что светская, военная коронация, некогда имевшая основное значение, совсем исчезает, церковное же венчание на царство, первоначально ее лишь дополнявшее, не только стало важнейшим, но и единственным коронационным актом. И сам чин коронации и связанные с ним церемониальные действия вскоре приобретают культовый характер.

Царское венчание, впервые известное с императорства св. Льва Великого, соединяет собой, по мнению специалистов, элементы старого римского военного обряда (поднятие царя на щит, опущенные копыя солдат) и персидские церемонии. В дальнейшем чин венчания все более проникается христианским духом и наполняется церковным содержанием.

Царь коронуется, венчается на царство, как священник, как епископ, и, обрученный с Империей, как архиерей со своей епархией, становится ее отцом, настоятелем. Нет, по-прежнему процедура согласования очередной кандидатуры предусматривала необходимость заручиться согласием сенаторов и фаворитов, военачальников и командиров гвардейских отрядов, но все чаще и чаще стали звучать иные оттенки. То, что впервые произошло при императоре св. Льве Великом, потом неизменно повторялось при всех последующих царях без исключения.

Даже больше – в последующие времена коронационный чин принимает исключительно сакральные черты, практически полностью заменив собой светские элементы. Венчание происходило в храме, вследствие чего наглядно демонстрировалось новое качество императора – он стал таковым не в силу решения армии или сената, а по Божественной воле¹⁰⁰. Таким образом, подытожим – государственный чин венчания царя превращается в церковный обряд.

Но как быть в таком случае с престолонаследием? Ведь стало уже классическим утверждение, совершенно правильное в своей основе, что еще со времен древнего Израиля правильной, соответствующей истинному царству, считалась передача власти от отца к сыну. Но человеческая жизнь гораздо сложнее тех теорий, которыми полна научная жизнь. В Римской

империи одновременно существовало и развивалось по своим собственным законам (то переплетаясь друг с другом, то изолируясь) множество самых различных тенденций и практик.

Римские понятия о народе как источнике власти не исчезли, но, вытесненные содержательно, формально оставались действенными и требовали своего закрепления. И сенат, несмотря на безальтернативность императорской власти и ее полноту, сохранял значение органа государства, предоставлявшего власть царю. Правда, нередко сенат в действительности обеспечивал политическое равновесие и общественную стабильность, особенно в годы смены династий или при слабых императорах. Поэтому в течение долгого времени законодательно вопросы престолонаследия не могли быть урегулированы привычным для нас образом.

Византиец был беззаветно предан своей родине, Священной Римской империи, но его отношение к императору было гораздо практичнее. Он оставался верным ему лишь до тех пор, пока считал, что василевс действует на «общее благо». В обратном случае царя ждала, как правило, смерть – физическая или политическая. Поэтому для Византии характерны такие события, которые невозможны, скажем, для России, и наоборот. В частности, для Византии немыслим князь Курбский, поскольку перебежчик, ушедший к варварам, как бы переходил в небытие. Единственным и святым государством, может быть, и является только Римская империя. Напротив, феномен самозванства и узурпаторства, столь часто встречавшийся в истории Византии, совершенно не характерен для Святой Руси. Византиец не понял бы также и факт прославления святых Бориса и Глеба, русских святых князей, мучеников за веру, страстотерпцев, а также убиенного царевича Димитрия¹⁰¹.

В византийском понимании царского титула были свои очевидные минусы, но присутствовали и положительные стороны. Отсутствие четкого порядка престолонаследия вело в том числе к тому, что императоры нередко искали себе поддержку в народной массе. Поскольку же «народ» представлял собой не что иное, как саму Вселенскую Церковь, эта связь становилась двусторонней и взаимозависимой, живой и действенной, поскольку в народном сознании, воспитанном Церковью, сохранялся свой образ православного императора. И «неограниченный монарх должен был покоряться форме. Над монархом личным стоял монарх отвлеченный, который сдерживал его и ограничивал»¹⁰².

Чем более значительным авторитетом пользовалась та или иная царствующая династия или конкретный император, по воле которого новый царь наследовал трон, чем традиционнее был способ передачи власти, тем меньшее значение играло мнение общества. Напротив, в ситуациях, когда данные обстоятельства, что называется, «висели на волоске», поддержка Церкви, сената, аристократии и, наконец, видных групп византийского общества имела чрезвычайное значение¹⁰³.

Внешне никакой системы в престолонаследии не было, но это только на первый взгляд. На деле мы видим целый ряд институтов и критериев, влияющих на выбор нового императора. Это в первую очередь, конечно, «право крови» и даже хотя бы отдаленное кровное родство с правящей династией. Во-вторых, благородство происхождения или государственные заслуги претендента на высший государственный пост, даже если он был из простой семьи. Его, безусловно, должны были признать армия и сенат. А вскоре сюда добавится еще одно условие – нового царя должна была признать Церковь. И наконец, народ в лице своих выборных органов или известных людей, либо стихийно, на митинге. Все эти способы и критерии варьировались, так что никогда нельзя было положиться на какой-то один из них, чтобы доказать свои права на царский титул.

Под влиянием христианских идей происходит решительный переворот в умах римлян. Женщина, еще вчера не имевшая права голоса и обладающая правовым статусом, сравнимым со статусом вещи, так же приобретает свои права, как товарищ и соратник христианина. И женщина на троне становится такой же сакральной фигурой, как и император. Титул августы имели Евдоксия, жена императора Аркадия. Затем в 16-летнем возрасте августой при номи-

нальном императоре, совсем еще мальчике св. Феодосии Младшем, стала св. Пульхерия. Августой была и св. Ариадна, что позволило легитимно передать власть от умирающего Зенона его преемнику. И хотя св. Феодосий Младший в свое время ответил Атилле, что женщина не наследует Римской империи, чуть позже императрица стала как минимум тем «правовым мостиком», через который Божественная благодать переходила с главы почившего царя на чело его преемника.

II. Святой благочестивый император Юстиниан I Великий (527—565)

Глава 1. Св. Юстиниан и св. Феодора

Вступивший на царский трон св. Юстиниан был уже зрелым мужем и опытным государственным деятелем. Родившись ориентировочно в 483 г. в том же селении, что и его царственный дядя, св. Юстиниан был в юности затребован Юстином в столицу. Несколько слов о его детстве: родители императора Савватий и Виглениза были людьми самого простого звания и ревностными христианами. В кругу семьи будущий святой царь получил первоначальное представление о Православии и остался ему верным до конца своих дней.

Вызванный дядей из деревни в столицу, когда ему было уже за 20 лет, он, неграмотный и простой юноша, под его чутким и отзывчивым опекуном получил прекрасное и разностороннее образование, в том числе богословское. После того как дядя усыновил его, юноша из чувства благодарности к опекуну сменил свое имя Петр Савватий на Юстиниан. Доброе отношение к нему дяди привело св. Юстиниана в число первых лиц Римской империи. Он последовательно становился комитом, патрицием, консулом, главнокомандующим войсками столичного гарнизона. Несколько лет св. Юстиниан провел в качестве заложника (или дипломатического агента) при дворе Остготского короля Теодориха Великого. Помимо непосредственного знания варварских устоев и дипломатического опыта, он близко познакомился с жизнью Италии и глубоко проникся римскими идеями; самыми серьезными его увлечениями, которым он сохранил верность всю жизнь, стало богословие и римское право¹⁰⁴.

Своим православием он нравился Риму, а благочестием – епископам и монахам. По одному преданию, за свою приверженность Православии они с дядей едва не пострадали: по наветам врагов Юстина, ненавидевших его за приверженность к Халкидону, велением царя Анастасия I он и племянник были брошены в темницу и собирались принять мученический венец. По счастью, до казни дело не дошло, и Анастасий через какое-то время освободил их¹⁰⁵. На момент воцарения Юстиниану исполнилось 45 лет, он был высокообразованным и разносторонне развитым человеком. Достаточно сказать, что его педагогом был известный богослов св. Леонтий Византийский, а философии царя обучал св. Феофил.

Это был человек среднего роста, розовощекий и несколько плотноватый, как многие крестьянские дети, но не толстый, простодушно круглолицый, с прямым носом и светлыми, вьющимися волосами. Среди пышного императорского двора с его сложнейшим этикетом царь демонстрировал неподдельную простоту обхождения: был доступен, милостив, не злобен и не тщеславен. Император отличался широкой благотворительностью и состраданием к несчастным, был щедр и не злопамятен к своим врагам, благодарен к старым слугам. В самых сложных обстоятельствах св. Юстиниан не терял хладнокровия и спокойствия духа, не позволял себе повышать голос и не опускался до личных оскорблений.

Несмотря на внешнюю пышность царского двора, св. Юстиниан вел жизнь удивительной простоты. Император никогда не пил вина и был непритязателен в еде, ограничиваясь обычно малой порцией вареных овощей. Ревностный христианин, он строго постился и поэтому иногда по нескольку дней оставался вообще без еды или как минимум без твердой пищи. Царь не случайно получил прозвище «неусыпный»: он спал очень мало – не более 3—4 часов в сутки. Ложился спать глубокой ночью и вставал с рассветом, чтобы тут же начать работать. Он был военным стратегом, но не стал полевым полководцем и не испытывал желания водить войска в сражения. В некотором роде это был типичный «кабинетный» ученый в сане царя.

Его трудолюбие не знало границ: он постоянно изучал текущие дела Римской империи, рассматривал жалобы лиц, записавшихся к нему на аудиенцию, и вел богословские диспуты с епископами. О св. Юстиниане говорили, что он «император, который никогда не спит». Царь охотно собственноручно писал документы, и ему нельзя отказать в удивительной способности к труду, в чрезвычайной любви к порядку и во внимательной заботливости о регулярном ходе правления¹⁰⁶.

Об этом он открыто говорит в одной из своих новелл: «Случается, что целые дни и ночи мы проводим без сна в заботах о том, чтобы доставить полезное нашим подданным и вместе с тем угодное Богу. И не напрасно это бодрствование, ибо оно ведет к планам дать счастливую жизнь, свободную от всяких попечений, нашим подданным и принять на себя заботу обо всех»¹⁰⁷. Благороднейший мотив, замечательные слова!

Более того, его дворец был открыт всем посетителям – от высшей знати до рядового гражданина, и все имели возможность высказать императору свои просьбы или просить удовлетворения. Даже самые записные недоброжелатели св. Юстиниана Великого не могли сказать, что царь эгоистичен или злопамятен. Его скромность и даже аскетизм отмечали все современники. Нельзя не заметить, что «кабинетный» стиль своего правления св. Юстиниан компенсировал редким умением удачно подбирать назначенцев на самые ответственные должности. Причем, ревностный христианин, император доверял высшие государственные посты умеренным язычникам, например Иоанну Каппадокийцу¹⁰⁸.

Но, как и любой смертный, император имел свои недостатки, вполне, впрочем, извинительные. В частности, он был недоверчив и стремился взять под личный контроль самые сложные и разнообразные дела, одновременно вынося судебные приговоры, выполняя работу архитектора, устанавливая налоги и описывая своим полководцам детальные планы кампаний. Однажды он писал своему вельможе такие строки: «Если какой-либо вопрос покажется сомнительным, пусть о нем доложат императору, дабы он разрешил таковой своей самодержавной властью, которой одной лишь принадлежит право истолкования закона». Поскольку же таких «сомнительных» дел накапливалось очень много, св. Юстиниан дни и ночи выполнял функции высшей судебной и законодательной власти.

На фоне такой централизации управления самые верные сановники и самые преданные военачальники опасались выглядеть чрезмерно самостоятельными, и никто никогда не имел гарантии, что избежит ложного обвинения в своеволии. Впрочем, для такого поведения императора были веские причины, и сам он едва ли мог быть уверен в том, что кто-то не попытается его обмануть или свергнуть с престола. По крайней мере, три раскрытых заговора против него не способствовали чрезмерному доверию к сановникам и столичной аристократии. Как ни странно, но при этом св. Юстиниан нередко был чрезвычайно доверчив к лицам из ближнего окружения, и слова, будто многие его добрые начинания не были реализованы вследствие бойкота высшего света или искажения велений царя, не кажутся преувеличением¹⁰⁹.

Брезгливо относясь к всевозможным случайным половыми связям, презирая эту страсть, св. Юстиниан никогда не был ловеласом и, прожив до зрелого возраста, так и не нашел спутницу жизни. И вот тогда, когда ему исполнилось почти 40 лет, в жизни этого человека произошла удивительная встреча: он встретил свою единственную любовь – св. Феодору.

Будущая императрица родилась около 500 г. Вопрос о ее родине до сих пор остается открытым: некоторые называют местом рождения св. Феодоры о. Кипр, другие – Сирию. Простое человеческое чувство нетерпимости к скабрёзностям не позволяет удовлетвориться грязными пасквилями Прокопия Кесарийского в его «Тайной истории», где императрице уделено немало места, и обязывает нас воспользоваться более выдержанными в оценках источниками, не пытаясь ни облагородить ее облик (а святая императрица в этом вовсе не нуждается), ни осквернить его.

Почти достоверно известно, что она происходила из простой семьи, и ее отец, дрессировщик медведей в цирке, погиб, когда св. Феодора и ее сестры были совсем девочками. Мать и дочки оказались в крайне бедственном положении. Хотя их глава семьи относился к ипподромной партии «зеленых», помощи от них женщины не дождались; помогли, как ни странно, их извечные враги «синие», давшие им приют и небольшое содержание.

Святая Феодора рано приобщилась к жизни простого народа и узнала далеко не лучшую ее сторону – театральные подмостки. Но, с другой стороны, это знание дурных наклонностей и человеческих страстей помогло ей воспитать свой характер, привило стойкость и мужественность, глубокую неприязнь к человеческой непристойности. Едва ли могут возникнуть сомнения в чистоте ее нравственных качеств и безосновательности возводимых на нее обвинений. Примечательно, что никто из современников, даже из числа тех, кто упрекал ее в ереси, ни словом не упоминали о каких-либо «увлечениях молодости» святой царицы. Между тем очевидно, что, будь слова Прокопия истинными, недоброжелатели не преминули бы упрекнуть ее в безнравственности¹¹⁰.

Сам св. Юстиниан не раз говорил о своей супруге, что она «является женщиной в высшей степени благочестивой». А суровость его законов в отношении прелюбодеяний, по-видимому, напрямую опровергает любые сплетни современных ей недоброжелателей о юности царицы – такая женщина, какой иногда рисуют императрицу, никогда не могла бы стать рядом с царем в качестве его законной супруги¹¹¹.

Подросши, она стала прелестной молодой женщиной небольшого роста, но чрезвычайно грациозной. На ее красивом, слегка матовом лице особенно выделялись большие, полные жизни глаза. Святая Феодора относилась к первым красавицам Константинополя, но отличалась и другими способностями. Царица была очень умна, смыслена и обучаема. Веселый, игривый характер делал св. Феодору очень коммуникабельной, но женщина также умела ответить на оскорбление дерзкой насмешкой, остроумие которой умножалось ее актерским талантом. Будущая царица не ждала милости от судьбы и считала, что сама обязана добиться успеха.

Совсем юной девушкой волею случая она оставила столицу и много путешествовала по Востоку. Некоторое время она жила в Александрии, где встречалась со многими отшельниками, святыми подвижниками Православия и одновременно с вождями монофизитства. Говорят, влияние на нее патриархов Тимофея и Севира было огромно, да и самой св. Феодоре, наверное, был более предпочтителен образный и идеалистичный взгляд монофизитов на тайну Боговоплощения, чем ортодоксальный Халкидонский догмат. Неизвестно достоверно, насколько в действительности она прониклась монофизитством, но во всяком случае почти бесспорно то, что она лично знала многих его вождей и те доверяли этой женщине.

Вернувшись в Константинополь, св. Феодора представляла собой уже не озорную девочку, а уверенную в себе и умудренную опытом жизни женщину. Ей было за 20 лет – возраст для византийской женщины почти предельный, если она хотела устроить личное счастье. Но наша героиня даже и не пыталась использовать последние шансы. По преданию, в столице она поселилась в маленьком домике на окраине города, где случайно встретила с будущим императором св. Юстинианом¹¹². Позже, после замужества, императрица поставит на месте старого домика великолепный храм в честь св. Пантелеймона.

Встреча со св. Феодорой перевернула всю душу внешне спокойного и сдержанного св. Юстиниана Великого. Он быстро и окончательно сделал свой выбор и реализовал его с присущей ему последовательностью и осторожностью. Поскольку его тетка, жена императора Юстина, была категорически против этого брака, он, не перечая ее воле, терпеливо дождался, когда та умрет, и лишь после этого предпринял следующие шаги. Сам император, выросший в простой среде, не стал возражать против такого союза, и по настоянию племянника отменил закон, который запрещал браки высокопоставленных лиц с актрисами, танцовщицами и вообще с особами из низших социальных групп.

Святой Юстиниан настолько дорожил своей будущей супругой, что еще до женитьбы решил обеспечить ее финансовую независимость. Он передал ей довольно крупную сумму денег, но затем предпочел, чтобы его избранница имела более надежный и постоянный источник дохода – недвижимость и землю. Безусловно, женитьба преемника императора не могла оставить равнодушными ни высший свет, ни Церковь, ни армию. Поэтому св. Юстиниан очень осторожно выяснил мнение всех трех общественных групп на этот счет, и лишь после того, когда понял, что они расположены к св. Феодоре, решил узаконить с ней отношения¹¹³. В 523 г. состоялась, наконец, свадьба – св. Феодора к тому времени по просьбе св. Юстиниана получила титул патрицианки.

Редко история демонстрирует такие любящие, удачливые и гармоничные семьи, как св. Юстиниана и св. Феодоры. В какие-то моменты времени они являлись полными противоположностями друг другу, восполняя недостатки своей второй половины. Святая Феодора очень быстро освоилась с ролью императрицы и всецело поддержала желание мужа максимально возвысить престиж императорской власти. Потеряв маленькую дочь – плод их брака с императором, св. Феодора всецело отдалась делам государства и Церкви¹¹⁴.

Императрица являлась прирожденным политиком и прекрасно понимала проблемы государственного управления. Все летописцы единогласно утверждают, что в государственных делах св. Феодора была первым соратником и товарищем императора и пользовалась авторитетом едва ли не большим, чем он сам. Императрица обладала великим даром эффективного организатора, и ее двор стал фактически «интеллектуальным ведомством». Святая Феодора знала все или почти все, что происходило в государстве, и нет полной уверенности в том, что все свои тайны она делила с мужем. Царица без всякого кокетства говорила, что император ничего не решает без совета с ней, и сам св. Юстиниан Великий писал, что «посоветовавшись в этом случае еще раз с нашей преосвященнойшей и благочестивейшей супругой, которую Бог нам даровал, мы решили...» и далее по тексту¹¹⁵.

Ее приказания исполнялись немедленно, и если так случалось, что веление императора шло вразрез с мнением императрицы, нередко побеждала воля женщины. Она лично принимала послов, и многие желали попасть на прием вначале к ней, а затем уже представиться императору. При аудиенции гость также падал ниц перед ней и целовал туфлю. Она без всяких оговорок считалась фигурой, равной императору.

Ей присягали, как и василевсу, ставили статуи. Чиновники и патриции, полководцы и солдаты клялись «Всемогущим Богом, Его Единородным Сыном, Господом нашим Иисусом Христом, и Святым Духом, святою славною Богородицей и Приснодевой Марией, четырьмя Евангелиями, святыми архангелами Михаилом и Гавриилом, что будут хорошо служить благочестивейшим и святейшим государям Юстиниану и Феодоре, супруге ее императорского величества, и нелицемерно трудиться ради преуспевания их самодержавия и правления»¹¹⁶.

Императрица вела во многом самостоятельную политику, подвергая опале высших сановников и поднимая талантливых, верных исполнителей ее воли. Многие решения царицы делают честь женскому уму и поражают своей оригинальностью и свежестью. При этом она оставалась женщиной памятной, и многие сановники, решившиеся обойти ее и подорвать авторитет государыни, поплатились за это. Начальник гвардии (комит экскувитов) Приск за интриги был по приказу императрицы сослан в Кизик и пострижен в духовный сан, а военачальник Буза за попытку провести альтернативного императора в дни болезни св. Юстиниана отсидел в тюрьме почти 3 года по ее приказу. В числе жертв царицы числится даже всемогущий Иоанн Каппадокиец, руководящий финансами страны¹¹⁷.

Приемы у императрицы были чрезвычайно многолюдны. Царица была педантом в одежде и всегда изысканно одевалась. Любила много спать и обожала морские ванны. Императрица стала настоящим «женским лидером», если можно так выразиться, и любая женщина могла обратиться к ней с жалобой на своего мужа или с просьбой о помощи¹¹⁸. Когда она путеше-

ствовала, ее сопровождала огромная свита, куда входили высшие сановники Римской империи и провинций, которые она посещала. Царица занималась большой благотворительной деятельностью и выделяла громадные личные средства на больницы, монастыри и храмы¹¹⁹.

Своим тонким умом она быстро поняла опасность той прямолинейной борьбы с монофизитством, что велась до последнего времени. Многократно бывая на Востоке и глубоко зная его менталитет, она стремилась смягчить политику супруга и вернуть Сирию и Палестину, где уже процветал религиозный сепаратизм, в лоно Империи. Именно ей Египет и Сирия обязаны терпимым отношением верховной власти к их религии вплоть до смерти императрицы. Она приютила у себя во дворце патриарха Анфимия и многих монофизитских монахов, гонимых в Сирии и Азии, и монофизиты не уставали называть ее «императрицей, любящей Бога, императрицей, любящей Христа, правоверной императрицей».

Она сумела возвести на патриаршие кафедры своих выдвиженцев: Севира – в Антиохии, Тимофея – в Александрии, Анфимия – в Константинополе. Впрочем, много доводов за то, чтобы признать ее действия результатом единой политики святых императора и императрицы, так сказать, распределением ролей¹²⁰. Не имея возможности уладить дела миром, василевс прибегал к помощи императрицы как авторитетной и полноправной фигуры. В подтверждение этих слов можно привести тот факт, что во время публичных мероприятий царица всегда приветствовала партию венетов, «синих», традиционных сторонников Халкидона, а не прасинов, «зеленых», придерживавшихся монофизитства¹²¹.

Правда, рассказывают, что когда она, страстно желая подарить императору сына, просила св. Савву помолиться об этом, тот грубо отказал, сославшись на то, что императрица способна рожать лишь врагов Церкви. Но этот эпизод в той же степени может быть правдоподобен, как и пасквили Прокопия Кесарийского¹²². По другой версии, св. Савва лишь уклонился от прямого ответа, произнеся: «Бог славы да сохранит ваше царство в благочестии и победе»¹²³. Откровенно говоря, эта версия представляется гораздо более близкой к истине.

К сожалению, супругам ненадолго выпало счастье быть рядом друг с другом. 29 июля 548 г. св. Феодора умерла от рака после продолжительной болезни, и св. Юстиниан долго оплакивал потерю, для него непоправимую. В память о царице он оставил на службе всех ее бывших слуг и, когда хотел дать наиболее торжественную клятву, обыкновенно клялся ее именем. Характеризуя св. Феодору, можно с полным основанием повторить слова одного автора: «Ее пороки принадлежали ее происхождению, ее царские достоинства принадлежали ей самой»¹²⁴.

Глава 2. Имперская и церковная идеология св. Юстиниана

Начиная жизнеописание одного из величайших самодержцев в истории человечества, императора, которого в равной степени можно назвать талантливым богословом и уникальным правоведом, следует сделать несколько отступлений, позволяющих более содержательно оценить специфику его царствования.

Государственная деятельность нового императора началась гораздо ранее того дня, когда из соправителя он стал единовластным правителем Римской империи. Еще в годы царствования своего дяди, с которым они не имели секретов друг от друга и полностью доверяли, он неизменно стоял за всеми нововведениями, провозглашаемыми от имени императора. Вне зависимости от того, касались они церковного вопроса, войны или внутренней политики. Вступив на царствие уже зрелым человеком со сложившимися убеждениями, св. Юстиниан I последовательно продолжил реализацию тех идей, которые сформировались у него ранее.

Церковная и государственная политика, которую разработал император и которую соби-рался начать реализовать немедленно, включала в себя строго определенные принципы и направления деятельности. Святой Юстиниан I в буквальном смысле слова являлся импера-

тором «нового типа». Не случайно целый ряд исследователей именно с его именем и царствованием связывают перерождение Римской империи в Византийскую империю, что в известной степени справедливо. Если понимать под Византией специфическую христианскую цивилизацию, сформировавшую знакомую нам европейскую культуру; если мы согласны с тем, что Византия жила под доминирующей эгидой идеи «симфонии властей», где принципиально невозможно говорить изолированно о Римской империи вне Церкви, а Кафолическую Церковь рассматривать как самостоятельный от государства институт; если, наконец, мы признаем органичным для византийского сознания понимание императора главой Церкви и святым, образом Божиим на земле; то, безусловно, почти все или даже все эти идеи были сформулированы в законченном виде или рождены гением св. Юстиниана.

Далеко не все ближайшие преемники св. Юстиниана обладали его талантами и были довольно равнодушны к римской идее всеединства, но не таким был сам святой император. Однако степень укоренения в римском сознании этих принципов в годы его правления была такова, что постепенно государство стало испытывать на себе внутренние метаморфозы, и многие идеи св. Юстиниана стали совершенно органичными и естественными для граждан, политической власти и Церкви. При этом греческий этнос, довлеющий в Восточной империи, постепенно сводит на нет многие старые римские традиции, и государство постепенно становится греческим по титульной нации, сохранив за собой старое название Священной Римской империи¹²⁵. Поэтому, фигурально выражаясь, его можно назвать «первым византийцем».

С другой стороны, св. Юстиниан представляет собой выдающийся образец носителя классического политического и правового римского сознания, в известной степени перед нами «последний римлянин». Никто не доводил римское право до такого совершенства, как он, и никто из современников не понимал его духа лучше св. Юстиниана. Едва ли кто-то был так беззаветно предан римской идее вселенского государства, Империи, принципу римского универсализма, как святой царь. Ради него он легко шел на жертвы на Востоке, чтобы восстановить Римскую империю на Западе.

Во внешней политике он хотел реставрировать естественную для имперского сознания римского народа идею владычества над всей Ойкуменой, единого вселенского государства. Внутри него царь стремился получить всю власть, которая по политической идеологии того времени была передана римским народом своему императору. Будучи последовательным, он полагал, что все подлежало централизации: власть, религия, закон, на которых и держится государство и Церковь.

Серьезные преобразования ждали Армению, реформам которой император посвятил свою 31-ю новеллу (536 г.). Прежняя должность комита упраздняясь, ей на смену была введена должность стратига, резидентировавшего в Феодосополе. Ему были переданы в подчинение все воинские подразделения, квартировавшие в различных областях Армении, а также два вновь назначенных дукса (вместо многочисленных правителей армянских сатрапств), ответственных за защиту границ. Это позволило св. Юстиниану нивелировать властные структуры и социальные отношения. Вся Византийская Армения была разделена на четыре провинции с архонтами во главе: Первая Армения, в которую входили Полемонийский понт, Каппадокийский понт, Халдия и 7 городов; Вторая Армения, объединившая 5 городов (Брис, Зела, Комана, Себастополь, Себастья); Третья Армения, в которую вошли 6 городов (Арабисос, Ариаратия, Арка, Комана Каппадокийская, Кукусон и Мелитена); Четвертая Армения со столицей в Мартирополе.

Помимо этого, две царских новеллы были направлены на распространение римского закона на армянские земли и упразднении прежнего майоратского права. Как следствие, права и возможности земельной олигархии в Армении были серьезно подорваны¹²⁶.

Как правильно отмечают, постоянным принципом Византии было – никогда не признавать понесенных территориальных потерь. Римские императоры, неизменно считавшие себя

законными наследниками древних цезарей, мало смущались тем, что в действительности многие провинции уже давно превратились в независимые варварские королевства. Они никогда не считали такое отчуждение законным и, в чем нет никаких сомнений, полагали себя имеющими исключительное и полное право на них. Какие бы титулы ни давали себе варварские вожди, для императоров на берегах Босфора это были их уполномоченные, вассалы, зависимые слуги, которым царь жаловал те или иные пышные звания. А потому любая попытка с их стороны признать себя самостоятельными от императора рассматривалась в столице как государственная измена и переворот, покушение на основы государственной власти¹²⁷.

Эта идея была столь развита и популярна в Римской империи, что самые категоричные противники и недоброжелатели императора св. Юстиниана считали его требования к варварам о возврате римских земель их единственному легитимному властителю – Римскому императору, законными и обоснованными.

Но, безусловно, самым последовательным и категоричным сторонником имперской идеи был сам император. Как точно отмечал один исследователь, «этот выходец из темной массы провинциального крестьянства, достигший престола, сумел прочно и твердо усвоить себе две грандиозные идеи, завещанные традицией великого мирового прошлого: римскую идею всемирной монархии и христианскую идею Царства Божьего. Всемирное государство, создаваемое волей самодержца государя – такова была мечта, которую лелеял св. Юстиниан с самого начала своего царствования»¹²⁸.

Сохранились любопытные свидетельства современников из числа чужестранцев, пораженных той глубиной имперского чувства, которую демонстрировал св. Юстиниан. Остготские послы, побывавшие на аудиенции у василевса, со страхом говорили, что император желает захватить всю Вселенную и гонится за тем, чтобы покорить все царства.

Армяне гневно восклицали: «Целая Земля не вмещает этого человека, точно мало ему господствовать над всеми людьми в совокупности; он метит даже в эфир (т.е. в Небеса. – А. В.) и высматривает за океаном потаенные места с жадной жаждой приобрести там себе новый мир!»

Сам святой царь после первых удачных военных походов напрямую заявил в 30-й новелле: «После стольких издержек и войн Бог дал нам возможность заключить мир с персами, подчинить себе вандалов, аланов и маврусию, покорить всю Африку и Сицилию; и питаем лучшие чаяния, что с Божьей помощью нам удастся распространить власть и на те остальные земли, которыми владели древние римляне в пределах обоих океанов и которые потом отложились, вследствие их нерадения»¹²⁹.

То есть если Священная Римская империя и усеклась в своих естественных границах, то только потому, что прежде римляне были не совсем радетьельны. Иными словами, не природой вещей и Божественным предопределением некоторые провинции вышли из-под власти Священной Римской империи – единственной на Земле, а вследствие человеческой небрежности в исполнении своего долга.

В некотором роде св. Юстиниан был идеалистом от политики, но не в том понимании, что он витал в умозрительных построениях, – император был вполне опытным государственным деятелем и практичным человеком. Его идеализм заключался в том, что царь был творцом и – одновременно – рабом имперской идеи. И, раз признав для себя правильным этот путь, он никогда не сворачивал с него, чего бы это ни стоило. Однако здесь следует добавить, что идеализм св. Юстиниана имел солидную практическую основу.

В странах Африки местное население по-прежнему хранило живое и теплое воспоминание о Римской империи и нетерпеливо обращало взоры в сторону Константинополя, где находился их верховный глава, Римский император. Он был для них последней надеждой и последним утешением. Хотя бы иго варваров и было легким (а это случалось нечасто), оно разрушало римскую идею всеединства, и потому уже нерасположенность римлян к своим варварским завоевателям имела устойчивые причины. В тех же случаях, когда их политическое иго сопро-

вождалось еще и религиозными гонениями на православных, отвращение к вандалам тем более возрастало. В такие минуты буквально все население поголовно ожидало и добивалось прибытия имперских войск своего царя-освободителя.

В Италии была такая же картина. На фоне православных императоров Юстина и св. Юстиниана Остготские короли-ариане, только-только прекратившие преследования православных, выглядели чудовищами. Римская аристократия тянулась к императору и состояла с ним в тайной переписке, да и Римский епископ, принятый императором Юстином за 12 км от Константинополя с пышной свитой, остро чувствовал ту разницу, которая возникла для него после возвращения в Рим, когда по приказу варварского короля его бросили умирать в тюрьму. Поэтому св. Юстиниан действовал не столько и не только теоретически, но и как записной практик, тщательно рассчитывающий свои дальнейшие шаги на политической карте мира¹³⁰.

Конечно, здесь присутствовало и идейное обоснование имперской политики св. Юстиниана Великого. Кафолическая Церковь есть и может быть по замыслу Спасителя Церковью Вселенской. Следовательно, полагал св. Юстиниан, никакие исключения из этого правила невозможны. Любые ереси, всевозможные отклонения от истины неприемлемы, как искажающие подвиг Христа и саму цель Его воплощения, должны быть прекращены, в том числе и административным путем. Не разделяя государство и церковное общество, он полагал, что Церковь и Империя – лишь две эманации одной и той же сущности. В завершенном виде Римская империя являлась, по мнению родоначальника «симфонии властей», единой богоустановленной административной структурой, возглавляемой императором и исповедующей истину единого христианского Православия, определенную Вселенскими Соборами. В этой связи Римское государство и сама Кафолическая Церковь не могут нормально существовать в усеченных границах некогда единой Империи, на территории которой незаконно разместились отдельные племена варваров или их государства.

Поскольку Империя и Церковь – суть одно целое, остро вставал вопрос о должных, гармоничных и естественных формах их взаимоотношений. И здесь св. Юстиниан до совершенства развил те идеи, которые ранее, может быть, несколько эклектично, высказывали его знаменитые предшественники: св. Константин Равноапостольный, св. Феодосий Великий, св. Феодосий Младший, св. Маркиан и св. Лев Великий.

Для св. Юстиниана Церковь и Римское государство полностью совпадали и в географическом смысле, и в общности целей, и по составу их членов. Если Богу угодно было объединить под Своим началом всю Ойкумену, то эта политическая задача исторически была поручена Римскому императору. И царь в этом смысле слова исполняет на земле служение Иисуса Христа.

Церковь же должна сакрально осуществлять то, что содержит в себе православная вера. Таким образом, подытожим, народ Божий должен руководиться двумя различными иерархиями: первая ответственна за внешний порядок, благосостояние и безопасность, вторая должна вести народ Божий в сакральное предвосхищение Царствия Небесного. Поэтому хотя компетенция обеих иерархий (государственной и церковной) различна, но неотделима одна от другой. Кроме того, в практической деятельности они, безусловно, пересекаются и перекрывают друг друга¹³¹.

Вслед за своими великими предшественниками св. Юстиниан повторяет: «У нас всегда была и есть забота, правую и неукоризненную веру христианскую и благосостояние святейшей Божией Кафолической и Апостольской Церкви во всем соблюдать непричастными смятениям. Это мы поставили первую из всех забот, и мы уверены, что за нее и в настоящем мире нам Богом дано и сохраняется царство и покорены враги нашего государства, и надеемся, что за нее и в будущем веке мы обретем милосердие перед Его благостью»¹³².

Император был твердо уверен в том, что «благотворный союз Церкви и государства, столь вожделенный для человечества, возможен только тогда, когда и Церковь со всех сторон благо-

устроена, и государственное управление держится твердо и путем законов направляет жизнь народов к истинному благу». В 59-й новелле император торжественно объявил: «Мы убеждены в том, что наша единственная надежда на прочность Империи под нашим правлением зависит от милости Божьей, ибо мы знаем, что эта надежда есть источник безопасности души и надежности управления»¹³³.

Политическое кредо св. Юстиниана – неприкосновенность в государстве догматов веры и церковных правил, возвращение еретиков в лоно Православия и вообще торжество Православия внутри и вне Римской империи, и вместе с тем видимое благоустройство Церкви, усовершенствование ее состояния в государстве¹³⁴.

В замечательной 6-й новелле «О том, как надлежит хиротонисать епископов и пресвитеров, и диаконов, и диаконисс, и какие наказания преступающим предписания сего указа» св. Юстиниан пишет: «Священство и царство – два великих дара, данных Божеским человеколюбием. Первое служит божественному, второе правит человеческим и печется о нем; но оба они происходят из одного начала и оба украшают человеческую жизнь. Поэтому для царей не может быть большей пользы, как о чести иереев, потому что те непрестанно молят Бога о них. Ибо если священство во всех отношениях безупречно и обращается к Богу с полным чистосердием, а царская власть правильно и достойным образом устраивает государство, тогда образуется некая добрая гармония («симфония»), которая может доставить человеческому роду всякую пользу».

Как не раз отмечали исследователи, теория «симфонии» в изложении св. Юстиниана является откликом на теории церковно-государственных отношений, которые в конце V – начале VI в. излагали Римские папы. Те стремились показать превосходство духовной власти и подчиненное значение государства в церковных делах. Напротив, в предисловии к 6-й новелле св. Юстиниана говорится не о главенстве духовенства, но о единстве и согласии царства и священства внутри Церкви. Один авторитетный исследователь отмечает, что для верного понимания этого предисловия следует устранить распространенную ошибку, состоящую в отождествлении императором священства и Церкви.

Такой прекрасный богослов, как св. Юстиниан, не впадает в этот «клерикализм» – слово «Церковь» вообще отсутствует в его предисловии. Для него под «Церковью» понимается не «священство», а все человечество. Святой Юстиниан говорит о дарах Божьих не Церкви, но человечеству, и, таким образом, соотношение царства и священства вовсе не понимается как соотношение государства и Церкви, а как соотношение различных властей внутри Церкви-человечества. Речь идет о нераздельном и неслиянном единстве Церкви и Империи вполне в духе Халкидонского догмата.

Но это единство вовсе не симметрично. Если «священство» представляет собой собирательное имя всех патриархов, епископов и клириков, то, напротив, «царство» не отождествляется с государством и сосредоточено в единой личности императора. Как говорит сам св. Юстиниан, «священство служит вещам Божественным», но такое отличие духовенства от прочих членов Церкви относительно: дело священства – молитва, то есть предельно широко понимаемая литургическая и сакраментальная жизнь Церкви. На этом фоне утверждается безусловная супремация (превосходство) царства¹³⁵.

Конечно, это – лишь идея, но идея единственно верная для св. Юстиниана и некогда, как он полагал, почти осуществленная в жизни. Однако в начале его правления практическое проявление идеальной «симфонии» было нарушено и извне, и изнутри. В нарушение богоустановленных принципов варвары покусились на абсолютность Империи, создав свои политические союзы на римских территориях. Изнутри Церковь-Империя страдала от монофизитов и других иноверцев, которых необходимо было привести или вернуть к истинной вере.

Одним из традиционных врагов Римской империи являлась Персидская держава Сасанидов, не принявшая христианства и представлявшая серьезную угрозу безопасности государ-

ству. И потому св. Юстиниан не исключал ее из списка первоочередных противников, которых необходимо усмирить. Однако за Персией стояла ее древность, а Рим испытывал пиетет к седой старине и в известной степени за этот счет оправдывал существование Персидского царства.

Помимо таких «романтических» причин, император по достоинству оценивал силу Персидского царства. Это было компактное, хорошо организованное государство, имевшее сильное войско и умелых полководцев. А национальному чувству персов могли позавидовать сами римляне. Древний враг был бы еще опаснее, если бы, по счастью для Константинополя, Персия сама не страдала некоторыми внутренними недугами, и ее северные границы не беспокоили кочевники, отвлекавшие персов от римских земель. Помимо всего, существовала так называемая «проблема Армении» – армяне, христиане по вероисповеданию, легко шли на контакты с римлянами и охотно помогали им в Римо-персидских войнах. Но и в таком состоянии это государство было невероятно сильно¹³⁶.

Конечно, когда-нибудь и оно должно пасть от Божьего гнева, но сейчас св. Юстиниан был готов удовлетвориться безопасностью христиан в Персии, в отношении которых периодически устраивали гонения персидские власти, неизменностью восточных границ и возможностью вести миссионерство среди диких народов Кавказа. Как здравомыслящий практик, он понимал, что одним только желанием Персидское царство не разгромить. Поэтому в практической политике он хотя и не собирался уступать Персии, но при открывавшихся возможностях неизменно с удовольствием шел на мирные переговоры, концентрируя силы для войны с другими врагами.

Несравнимо более опасными для императора казались остготы и вандалы, еретики, покусившиеся на римские владения, узурпаторы, уронившие римскую славу. Возможно, св. Юстиниан еще мог бы мириться с фактом появления варварских политических обществ в Италии и в Африке, если бы они являлись православными государствами. Но, как известно, и вандалы, и остготы были арианами и не раз поднимали руку на «святая святых» для императора – Кафолическую Церковь, а с этим мириться было нельзя. Остро и глубоко чувствуя свою обязанность быть хранителем веры и первым защитником Церкви, св. Юстиниан не мог принять такое положение дел.

Безусловно, он отдавал себе отчет в том, что монофизитство на Востоке пустило глубокие корни, и был бы искренне расстроен, если бы узнал, что и сегодня оно существует в Египте. Однако какой бы трудной ни казалась задача, ересь должна быть искоренена. Для св. Юстиниана наличие еретических общин в государстве – такой же нонсенс, как наличие в Империи территорий, живущих вне рамок римского права, игнорирующих государственные законы. Но это только теоретически – в действительности император старался, насколько возможно, без ущерба имперской политике смягчить те гонения, которым подверглись противники Халкидона, подключив к этой деятельности свою жену, императрицу св. Феодору; к этой истории мы еще вернемся. Но без официального восстановления Православия в этих провинциях императорским законом никакой союз с Римским епископом становился невозможным. А такой союз был необходим, так как только папа обладал в Италии и вообще на Западе тем авторитетом, который единственно мог обеспечить св. Юстиниану успех в деле возвращения западных провинций под власть Римского императора.

Необходимость прибегнуть к помощи апостолика обуславливалась и теми изменениями в церковном устройстве, которые произошли в 537 г. Ранее, несмотря на все споры и ереси, никогда иерархи церковной партии, находившейся в меньшинстве, не пытались создать параллельную Церковь. Все конфликты воспринимались, как происходящие исключительно внутри Церкви. Если кто-то был не согласен с вероучительной позицией какого-нибудь архиерея, то он мог переехать в другую область и войти в состав иной церковной общины. И, как правило, подавляющее большинство населения сохраняло общение со своим епископом, веруя так, как и он. Однако в 537 г. этот неписанный порядок был нарушен. Пусть и с сомнениями, но в конце

концов Севир Антиохийский и епископ города Теллы Иоанн начали практиковать формирование собственной, монофизитской иерархии, так что к ним для рукоположения порой приходило до 300 человек.

Это вызвало не только шок на православном Востоке, но и создало многие политические проблемы. Христианские племена арабов, проживавшие между Палестиной и Евфратом, систематически обращались в Константинополь с просьбой направить им епископов. С учетом того, что они играли большую роль в противостоянии между Римской империей и Персией, настроениями и симпатиями арабов нельзя было пренебрегать. В 541 г. в Константинополь прибыл посланник вождя племени Гассанидов Ал-Харида, просивший направить к нему исключительно монофизитского по своей вере епископа. Присутствие в столице патриарха Феодосия Александрийского (535—537) в практическом сиюминутном плане позволило решить эту проблему: александриец хиротонисал двух епископов, один из которых – Яков Барадей, «вселенский митрополит Эдессы», в течение почти 35 лет рукополагал монофизитов в иереи по всей Малой Азии, Сирии, Армении и даже в Египте. С его именем связано появление новой, «Яковитской» церкви¹³⁷.

Впрочем, нельзя не сказать, что, по мнению ряда исследователей, организация «параллельной» Церкви на Востоке у арабов была попущена святыми императрами вполне сознательно, хотя и под давлением объективных обстоятельств. Когда Гассаниды, столь много сделавшие для Римской империи в последнюю войну с персами, попросили себе епископа, ни у кого не было сомнений в том, что они примут лишь монофизитов, поскольку уже довольно долго находились под влиянием монофизитского миссионера Симеона Бетаршамского. Разумеется, и для филарха арабов Джабалы и его сына Арефы тонкости богословия были малопонятны. Но они желали, чтобы церковными делами у них управляли люди, сходные с ними языком и культурой. Для императоров выведение монофизитов на окраину Империи и создание «параллельной», ограниченной национальными чертами церковной организации, казалось выходом из тупика противостояния. И если бы не последующие события, связанные с появлением новой мощной религии Ислама, о чем у нас вскоре пойдет речь, замысел царей имел все шансы на успех.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что хотя в ту эпоху Церковь уже сформировала для себя ряд процедур, должных обеспечить ее правоверие и целостность: Соборы как способ примирения и отыскания истины, и канонические прещения, налагаемые на неправомыслящих собратьев, они оказались бессильными перед лицом широкомасштабных расколов. Первый способ (Соборы) к тому времени находился в руках имперской администрации и халкидонитов, а потому был отвергнут монофизитами и несторианцами. И когда Севир Антиохийский принял предложение св. Юстиниана в 532 г. принять участие в богословском споре, то ехал в Константинополь с искренним убеждением его бессмысленности. Как следствие, обе стороны горячо и систематически прибегали к каноническим прещениям своих соперников (второй способ), что, как и следовало ожидать, ничего не дало для церковного мира.

Кроме того, под влиянием ряда обстоятельств (внешнее давление государственной власти, культурная разнородность и т.п.) в сирийской и египетской церковной среде начали преобладать «конспирологические» версии. Монофизиты и несториане утверждали, что греки организовали заговор против веры, что стало, по их мнению, следствием их распущенности и роскоши. А потому были готовы к образованию своих собственных церковных организаций, сохранивших якобы истинную веру¹³⁸.

Очевидно, в таких условиях, когда со всей остротой вот-вот должен был встать вопрос о том, какая же из Церквей является «правильной», очень многое решал авторитет Рима, на который единственно могли опираться императоры в своей церковной политике.

Поэтому во имя Римской империи и Православной Церкви император пошел на то, чтобы бросить тень – нет, не в еретичестве, а только в неправоверии царей Зенона и Анастасия I,

когда согласился устами императора Юстина принять ультиматум папы Гормизды и исключить имена василевсов из диптихов. Святой Юстиниан простил даже известную измену понтификов идее Римской империи, признание ими власти над собой Остготского короля, вовсе не собиравшегося обеспечивать преимущественное положение православных в своем государстве. К слову сказать, религиозные отношения между варварами и итальянцами были совсем не безоблачными и периодически осложнялись серьезными беспорядками. Так, в 520—521 гг. в Италии случились волнения по поводу еврейского погрома в Равенне, когда христианами была сожжена еврейская синагога, аналогичные эксцессы случились и в Риме. Тогда король Теодорих решил примерно наказать виновных и приказал христианскому населению Равенны возместить евреям убытки, что вызвало бурное негодование. Следующим шагом стал политический процесс, организованный Остготским королем против патриция Альбина и его товарищей, которых обвинили в переписке с Римским императором и предали казни¹³⁹.

Но папа никак не проявил себя в этих ситуациях, и, конечно, его поведение едва ли могло вызвать сочувствие в Константинополе. Однако император пропустил и это, надеясь, что в дальнейшем союз с Римским епископом с лихвой окупит такие нюансы. Потому с таким почтением и обращается император к Римским папам, всячески подчеркивая их первенство в Кафолической Церкви. В принципе и в этом св. Юстиниан не лукавил: если в свое время возвышение столичного архиерея было вызвано тем, что императоры желали получить рядом с собой помощника по делам Церкви, то теперь такой помощник св. Юстиниану был нужен не в Константинополе, а в Риме.

Правда, как и раньше, славословя понтифика, василевс не забывает и Константинопольского патриарха, который, хотя и уступает первенство чести папе, зато стоит вторым вслед за ним в иерархии Церкви, оставляя позади себя Александрию и Антиохию. Впрочем, оценки св. Юстиниана статуса апостолика имеют вовсе не безусловный характер – стоило папам только на йоту отойти в сторону от предуготовленных им ролей, как император немедленно демонстративно заявил, что их власть является производной от власти царя, и никогда не терпел вольной самостоятельности понтификов, когда это шло во вред государству. И когда выдавалась подходящая ситуация, царь откровенно становился на сторону столичного епископа.

Так, в 531 г. некий Стефан был избран в митрополиты Фессалоник Собором иллирийских архиереев, однако через год Димитриадский епископ Пробриан явился в Константинополь с жалобой на него по причине якобы имевшей место неканоничной хиротонии. Патриарх Епифаний (520—535) тут же направил в Фессалоники своего диакона Андрея, дабы тот проверил изложенные факты (на самом деле вопрос был уже предрешен в столице) и огласил местному сообществу акт о запрете Стефана в служении. Нюанс, однако, заключался в том, что Фессалоникский митрополит к тому времени уже почти как полтора столетия считался викарием Апостольской кафедры и канонически подчинялся Риму, хотя с политической точки зрения территория Иллирики относилась с конца IV столетия к Восточной империи. Тем не менее, совершенно игнорируя права Римского папы, Епифаний созвал Собор в Константинополе, куда был доставлен и Стефан. Напрасно бывший митрополит утверждал, что подвластен лишь суду папы – его лишили сана и едва не отправили в тюрьму за строптивость.

В отчаянии Стефан апеллировал в Рим, где его жалоба вызвала соответствующую реакцию папы Бонифация. Разумеется, тот не оставил жалобу без рассмотрения, и уже 7 и 9 декабря 531 г. на Римском соборе этот вопрос был тщательно разобран. Но поскольку ссора с царем не входила в планы понтифика, Бонифаций направил послание императору, в котором просил того отменить акты Епифания. Однако в Константинополе письмо и решение папы посчитали пристрастным (!), а потому просто не стали отвечать. Лишь спустя 4 года св. Юстиниан ответил в Рим, что, пока шли споры, по его приказу на Фессалоникскую кафедру уже был поставлен некто Ахилл, и ограничился извинением понтифику, которое тот вынужденно принял. Папа лишь ограничился письменным «выговором» патриарху Епифанию в том, что тот-

де не смог внушить императору, «защитнику привилегий престола блаженного Петра», что данный вопрос относился к его компетенции¹⁴⁰.

Поскольку, по мысли св. Юстиниана, царь являет собой стержень, основу существования государства, то необходимо раскрыть существо царской власти и дать ей должное обрамление. По словам древнего историка, св. Юстиниан «первый среди царствовавших в Византии показал себя не на словах, а на деле Римским императором»¹⁴¹. Как нередко отмечают исследователи, немногие из царей высокого происхождения обладали в большей мере, чем св. Юстиниан, чувством римского достоинства и благоговейного отношения к римской традиции. Человек чрезвычайно скромный, он был наполнен чувством гордости за свой титул, ощущая себя в полной мере наследником св. Константина Великого и св. Феодосия Великого. Когда он вспоминал, что императорские регалии, захваченные вандалами при разграблении Рима, находятся у варваров, то испытывал чувство нестерпимого оскорбления¹⁴².

Его видение исторического предназначения христианского императора не являлось чем-то искусственным, выделяющимся на фоне общего сознания, тем более – противоречащим православной традиции. Известно, что еще в начале царствования св. Юстиниана диакон храма Святой Софии Агапит поднес ему писанный труд о царской власти, и идеи, изложенные там, почти полностью тождественны мыслям самого императора. Сочинение написано в стиле своего времени: разбито на 72 главы, каждая из которых содержит одну-две важных мысли. Приведем для наглядности некоторые из них.

«Имея сан превыше всякой чести, государь, почитай прежде всего Бога, Который тебя им удостоил, ибо Он, наподобие Небесного Царства, дал тебе скипетр земного владычества, чтобы ты научил людей хранить правду и удержал лай хулящих Его, повинувшись сам Его законам и правосудно повелевая подданными».

«Тебе от Бога дарована эта власть, в которой ради нас нуждается твое промышление».

«Уподобляясь кормчему, многоочитый разум царя бодрствует непрерывно, крепко держа руль благозакония и мощно отражая волны беззакония, чтобы корабль вселенского царства не впал в волны нечестия».

«Мы, люди, научаемся первой и божественной науке – знать самих себя, ибо знающий сам себя познает Бога, а познающий Бога уподобляется Богу, становясь достойным Бога. Достойным Бога является тот, кто не делает ничего такого, что недостойно Бога; но, помышляя божественное, изрекая то, что помышляет, делает то, что говорит».

«Выше всех красот царства украшает царя венец благочестия. Богатство уходит, слава проходит, а хвала богопроникновенной жизни живет бессмертные века и ставит ее обладателей превыше забвения».

«Существом тела царь равен всем людям, а властью своего сана подобен Владыке всего, Богу. На земле он не имеет высшего над собой. Поэтому он должен, как Бог, не гневаться и, как смертный, не возноситься. Если он почтен Божьим образом, то он связан и земным прахом, и это поучает его соблюдать в отношении всех равенство».

«Как глаз прирожден телу, так миру – царь, данный Богом для устройства того, что идет на общую пользу. Ему надлежит печься обо всех людях, как о собственных членах, чтобы они успевали в добром и не терпели зла»¹⁴³.

Другой современник св. Юстиниана, магистр оффиций Петр Патрикий, также известен своими политическими трудами, в которых высказывает сходные мысли. Государство имеет своим источником Бога, писал Патрикий, и являет собой отражение и подобие Божественного мироправительства. Цель государства – обеспечение благополучия и благочестия, и для ее достижения ему дается царская власть. Царь, как Бог, обладает четырьмя главными качествами: 1) благодать, 2) мудрость, 3) сила, 4) справедливость. И, подражая Богу, царь должен царствовать не для себя, а для народа, имея конечной своей целью спасение человека¹⁴⁴.

Эти мысли, повторимся, были чрезвычайно близки царю. В своей 105-й новелле василевс отмечает, что «Бог подчинил императору самые законы, посылая его людям как одушевленный закон». В другом акте, устанавливая, что постановление императора, состоявшееся по какому-нибудь делу, имеет на будущее силу закона для всех однородных случаев, он дает этому принципу следующую мотивировку, крайне интересную.

«Если императорское Величество изучит дело посредством судебного разбирательства и вынесет решение противоборствующим сторонам, пусть все сановники, находящиеся под нашей властью, знают, что это постановление имеет законную силу не только по отношению того случая, по поводу которого принято, но и относительно всех подобных случаев. Ведь что может быть величественнее, священнее, чем императорское величие? Или кто преисполнен столь большим высокомерием, что отвергает толкование со стороны императора, тогда как и знатоки древнего права дают ясное и понятное определение, что конституции, происходящие от императорского декрета, получают силу закона? Когда же мы обнаружим, что и в постановлениях прежних императоров высказывается сомнение в случаях, когда в императорском постановлении содержится толкование закона, должно ли такого рода толкованию иметь законную силу, мы потешались над их столь напрасной тщательностью и сочли необходимым ее исправить. Мы выносим определение считать всякое императорское толкование законов как по отношению к прошениям, так и к судебным процессам, или сделанное каким-то иным образом, несомненно имеющим законную силу. Ведь если только одному императору позволено в настоящее время принимать постановления, то и подобает, чтобы только один он был достоин обладать правом их толкования. Кто может считаться правомочным в разрешении неясностей постановлений и разъяснении их для всех, если не тот, кому одному позволено быть законодателем? Только император будет законно считаться как творцом, так и толкователем законов: при этом данное постановление ничего не отменяет в отношении законодателей древнего права, поскольку и им это позволило императорское величие»¹⁴⁵.

Как Божий ставленник, император во всем ищет Божьей помощи и Его благоденствий. «Властью Бога нашего управляя Империей, которая передана нам Небесным величием, мы и войны счастливо преодолели, и мир украшаем, и устои государства поддерживаем, – пишет он в своих знаменитых “Дигестах”, – и таким образом возлагаем чаяния наши на помощь Бога Всемогущего, чтобы полагались мы не на оружие, не на наших воинов, не на военных предводителей или на наш гений, но всю надежду обращаем только к высшему видению Троицы, от коей произошли сами первоосновы всего мира и установлено их распределение в земном кругу»¹⁴⁶.

Его вера в небесное покровительство была так крепка, что он без колебаний прилагает к себе слова пророков и стихи Псалмопевца, по его приказу вырезанные на базисе конной статуи, поставленной в его честь: «Он воссядет на коней Господних и езда его будет спасение. Царь возлагает надежду свою на Бога, и враг его не сможет его одолеть»¹⁴⁷.

В другой новелле св. Юстиниан Великий поясняет: «Великому Богу и Спасу нашему Иисусу Христу все пусть воздадут благодарственные гимны за этот закон, который создает для них великие преимущества: жить спокойно в своих отечественных местах, с уверенностью в завтрашнем дне, пользоваться своими имуществами и иметь справедливых начальников. Ибо мы с той целью издали настоящее распоряжение, чтобы, почерпая силу в праведном законе, войти в тесное общение с Господом Богом и препоручить Ему наше царство, и чтобы нам не казаться невнимательным к людям, которых Господь подчинил нам на тот конец, дабы мы всемерно берегли их, подражая Его благодати. Да будет же исполнен долг наш перед Богом, ибо мы не преминули исполнить по отношению к нашим подданным все доброе, что только приходило на ум»¹⁴⁸.

В одном из законов василевс пишет: «Так высоко поставил Бог и императорское достоинство над человеческими делами, что император может все новые явления и исправлять, и упо-

рядочивать, и приводить к надлежащим условиям и правилам»¹⁴⁹. Здесь что ни слово, то – жемчужина.

Чрезвычайно щепетильный в делах веры, он никогда не шел на измену своим убеждениям, даже если ему обещали скорый результат. Как следует из одной легенды, некогда в Константинополь прибыл известный чародей, который сумел внушить некоторым близким сановникам царя веру в свое волшебство. Они принялись уговаривать св. Юстиниана принять услуги мага, ссылаясь на то, что тот, хотя и черпает силу от ада, поможет римлянам сокрушить персов. Император призвал чародея, но лишь затем, чтобы сказать ему: «Ты хочешь, чтобы я, христианский император, торжествовал с помощью демонов? Нет, помощь моя от Бога моего и Господа моего Иисуса Христа, Творца небес и земли». А потом велел выгнать кудесника из города¹⁵⁰.

В политической философии, если можно так выразиться, св. Юстиниана нет и следов римского народного суверенитета времен республики и ранней Империи. Характерно, что император не отрицает само существование или ошибочность этого принципа, но качественно иначе обыгрывает его: «Так как по древнему закону, который называется царским, все право и вся власть римского народа были перенесены на власть императора, безусловно, и мы не дробим незыблемое это постановление на те или иные части учреждений, но желаем всю ее власть целиком иметь нашей».

В другом месте это звучит так: «Ведь раз по древнему закону, который называется царским, все право и вся власть римского народа переданы императору, и мы не разделяем закон на части, относящиеся к его различным создателям, но повелеваем, чтобы он был целиком нашим»¹⁵¹.

Хотя св. Юстиниан признавал сенат и народ источниками права, но в 1-м титуле 1-й книги Институций прямо заявлял: «То, что угодно императору (princeps), имеет силу закона, так как по царскому закону, который принят относительно высшей власти императора, народ ему всю свою высшую власть и полномочия уступил. Таким образом, то, что император постановил путем письма и подписи, или предписал, исследовав дело, или вообще высказывал, или предписал посредством эдикта, как известно, является законом»¹⁵².

Неудивительно, что в 541 г. император решил вообще упразднить титул консула, как напоминание о республиканских атавизмах, давно утративших содержательную часть, но сохранившихся в Империи. И хотя затем, после его смерти, этот титул был восстановлен, все же в IX в. консульство окончательно исчезло из перечня римских титулов¹⁵³.

Едва ли не все правовые акты царя содержат мысль о Богоустановленности императорской власти и той высокой ответственности, которую царь несет перед Богом за состояние дел в Церкви и Империи. В 86-й новелле царь замечает: «Поскольку Бог вручил нам Римскую империю, мы заботимся направлять все к пользе подданных дарованного нам от Бога государства».

Закончив свой великий свод законов, император славословит Бога за тот труд, который не по силам человеку, но есть дар Божий. А на престоле в Софийском соборе сохранилась надпись, сотворенная по приказу императора: «Твоя от Твоих, Тебе приносим, Христе, Твои рабы, Юстиниан и Феодора, прими милостиво, Сыне Божий, нас же сохрани в сей истинной вере, и царство сие, которое вручил нам, на честь Твою умножай и защищай, ходатайством Пресвятой Богородицы Девы Марии».

Принцип – «царская власть установлена Богом» красной нитью проходит через многие законодательные памятники св. Юстиниана. В 6-й новелле он пишет, что «царская власть – дар Божий», в 77-й новелле говорит о «людях, вверенных Богом императору», в 85-й новелле – «об управлении, вверенном императору Богом». В 73-й новелле царь озвучивает главную задачу своей власти: «Бог установил царскую власть, чтобы она уравновешивала несогласия добром».

В уже упоминавшейся 77-й новелле эта мысль выражена еще рельефнее: «Всем благомысленным людям, мы думаем, вполне ясно, что забота наша и желание направлены на то, чтобы вверенные нам от Господа Бога люди жили достойно, и чтобы они нашли у Него благоволение, ибо человеколюбие Божье хочет не погибели, а обращения и спасения людей, и согрешивших и потом исправившихся Бог приемлет»¹⁵⁴.

Как легко догадаться, перед нами не образчик абсолютизма, а основанная на православных догматах и римском праве всесильная обязанность императора выполнять Божью волю, классическое христианское понимание существа верховной единоличной власти. Да, конечно, Бог вручил императору право законодательствовать и творить закон, и потому уже царь стоит выше закона: источник права не может подчиняться производной от него норме. Но, во-первых, имея в своей основе высшую правду, являясь через посредство императора Божьим творением, этот закон становится тем более обязательным для всех подданных и судей, правителей, военачальников и, естественно, самого царя. Во-вторых, помимо позитивного закона царь связан нравственным законом, данным в учении Христа, и потому уже не имеет абсолютной власти, но самодержавен.

Безусловно, царь волен в некоторых случаях менять закон и даже игнорировать. Пример этого подхода содержится в 113-й новелле, где дается строгое предписание судьям принимать решения только на основе общего закона, а не особенных царских повелениях. Исключения составляют дела, переданные непосредственно императору, которые тот решает на основании своего свободного усмотрения. Само понятие «свободного усмотрения» говорит не о возможности царя творить злое, но, напротив, предусматривает возможности с его стороны смягчить требования закона в отдельных случаях, если это способно оказать помощь несчастному и облегчить его нужду.

В 133-й новелле св. Юстиниан Великий пишет: «Нет ничего недоступного для надзора царю, принявшему от Бога общее попечение обо всех людях. Императору подобает верховное попечение о церквях и забота о спасении подданных. Император есть блюститель канонов и Божественных Законов. Царь через Соборы священников утверждает правую веру»¹⁵⁵.

Как первый слуга Бога на земле, император в своем достоинстве обладает свойством, сходным с непогрешимостью, имевшую своим источником Божественную благодать. «Наше величество, – писал он, – по рассмотрении доложенных ему проектов, исправило по Божественному вдохновению все неопределенности и неясности и придало делу его окончательный вид»¹⁵⁶.

В этой идее нет, по существу, ничего нового. Византийское сознание четко отделяло высший титул от конкретной личности и вовсе не собиралось обожествлять конкретного человека, как того требовали некогда языческие цари. Еще со времен св. Константина Великого считалось само собой разумеющимся, что Соборы епископов, водимые Святым Духом, не могут по Природе своего Покровителя творить несправедливое – Благодать Божья неуклонно ведет к Истине. Поэтому нет ничего удивительного в том, что такое же свойство непогрешимости и с этим же содержанием приписывалось и императору, защитнику и хранителю Церкви, получившему особые дары при вступлении в сан, руководимому непосредственно Богом.

При этом нужно понимать, что император – вовсе не абсолютный деспот, которому подвластно все. Над ним стоит Божий Закон, церковная иерархия, Вселенские Соборы, «страж благочестия» – римский народ и монашество. И невидимую для формального права границу своего всевластия император прекрасно осознавал. Хотя сам св. Юстиниан был талантливым богословом, он никогда не претендовал на то, чтобы доктринально и законодательно закрепить право царя на роль источника христианского вероисповедания. Царь всегда признавал тот принцип, который другие православные императоры также исповедовали задолго до него, что издание догматических постановлений является прерогативой епископов. Правда, в практической деятельности в силу различных объективных причин он издавал собственные тол-

кования, которые, по его мнению, должны были правильно отобразить истинный дух Церкви и содействовать порядку в Римской империи. Но это не являлось ординарным полномочием царя, скорее, вынужденным исключением из общего правила.

Кстати сказать, будучи великолепным богословом, он часто снискивал восхищение современников, имевших счастье слушать его рассуждения. Один архиерей писал: «Если бы я не слышал своими ушами слова, которые по милости Божьей исходили из благословенных уст государя, то с трудом бы тому поверил, настолько в них обретались соединенными кротость Давида, терпение Моисея и благодать апостолов»¹⁵⁷.

Естественно, в понимании св. Юстиниана внешние формы императорской власти должны были соответствовать ее идейному содержанию, подчеркивая величие царского сана, хотя сам носитель этого звания и был величайшим скромником. Едва став консулом в первый раз, 1 января 521 г., св. Юстиниан ознаменовал получение титула зрелищами невероятной пышности. На подарки и оплату увеселений было потрачено почти 4 тысячи фунтов золота – невероятные по своей величине средства. Приняв по старой традиции консульство на новый, 528 г., император вновь выразил свое понимание величия императорского сана великолепными играми и щедрыми подарками народу, которых не раздавал до сих пор никто из его предшественников.

На ипподроме он перестроил и богато украсил императорскую кафизму и портики, где члены сената наблюдали за игрой. В самой столице он возвел огромную цистерну для питьевой воды и провел в нее воду из старого водопровода, сооруженного еще при языческих императорах. В той части города, которая носила название Сики, он построил стены и соорудил театр, а сам пригород переименовал в Юстианополь¹⁵⁸.

После его воцарения старые правила придворного этикета многократно усложнились. Ранее императоры были доступны почти всем желающим, теперь же аудиенции предшествовал многочисленный и детально расписанный обряд. В прежние времена сенаторы, явившиеся к царю, лишь преклоняли колена, а глава сената, положив правую руку на сердце, склонялся в глубоком поклоне. Теперь все изменилось до неузнаваемости. Все сановники, явившиеся на прием к царю, включая патрициев, падали ниц и целовали обе ноги высочайшей особы, выражая тем самым свое верноподданничество императору. Жены сановников совершали такую же процедуру на приемах у императрицы. Назначение высших чиновников также происходило в торжественной обстановке по строго отработанному сценарию, имевшему своим аналогом царский обряд¹⁵⁹.

Очень четко был выработан церемониал приема послов. Ему предшествовал запрос от того двора, от которого тот являлся: угодно ли будет императору его принять? А по приезде посол должен был предварительно повидаться с магистром двора и с ним же решить вопрос о регистрации подарков, переданных императору. Прием посольств сопровождался большой торжественностью: сенат являлся в полном составе в парадных одеждах, сам посол падал ниц перед императором до трех раз, пока ему не разрешалось встать. Обыкновенно все церемонии сопровождалась увеселениями и великолепными обедами, требовавшими значительных средств¹⁶⁰.

Желая возвеличить статус царя, св. Юстиниан большое внимание уделил своей «малой родине», провинции Дардинии, в пределах которой лежал город Бедериана. Небольшой поселок вскоре преобразился в цветущий город, украшенный общественными зданиями, и, получив именование Первой Юстинианы, стал административным и церковным центром северного диоцеза Иллирика. Другая старая крепость, обновленная и расширенная по проекту императора, получила имя Второй Юстинианы. Вследствие уже образовавшихся традиций, перенесение центра гражданского управления одновременно с этим предполагало придание высшего статуса и лицам, управлявшим данной территорией по церковной линии. Как следствие, импе-

ратор пожаловал епископа новой резиденции правами архиепископа. Первым архиереем новой епархии стал некий Кателлиан¹⁶¹.

В связи с тем что с канонической точки зрения Иллирика подпадала под юрисдикцию Римского епископа и находилась под управлением его викария – Фессалоникийского митрополита, император несколько лет сносился с папой по вопросу предоставления епископу Первой Юстинианы искомого статуса. Более того, он пожелал, чтобы и «его» архиерей имел статус викария Апостольской кафедры, как и Фессалоникийский митрополит. Но инициатива императора встретила оппозицию Рима, который, не желая открыто конфликтовать с царем, тем не менее не испытывал восторгов от таких перспектив. И тогда, в 535 г., св. Юстиниан сам издал 131-ю новеллу и узаконил свое желание. Кстати сказать, этот прецедент из области канонического права чрезвычайно важен, поскольку впоследствии многие императоры будут самостоятельно принимать решения по вопросам административно-территориального устройства Церкви.

В круг церковной власти митрополита Первой Юстинианы вошли провинции: Вторая Македония, Дардания, Превалитана, Средиземная Дакия и Прибрежная Дакия, Первая Мезия и Вторая Паннония¹⁶². Поскольку вследствие этого юрисдикция Фессалоникийского митрополита резко ограничивалась, Рим опять стал возражать против новеллы императора. И лишь в 538 г. папа Вигилий (537—555), в ту минуту не смеявший отказать царю, своим актом узаконил с церковной точки зрения то, что император уже давно определил с позиций публичного права¹⁶³.

Глава 3. Кодификация римского права. Каноническое творчество императора

Император был глубоко уверен, что Рим черпал свою непобедимую силу в сочетании военной мощи с блеском права, и хотел восстановить эту победоносную гармонию. В одном из своих актов царь писал: «Наивысшее попечение о государстве берет начало из двух источников – заботы о военных делах и о правопорядке. Поэтому благословенный род римлян, черпающий свою силу из этих источников, как в прошедшее время превознесся над всеми народами и всеми владычествовал, так и будет вечно с Божьей помощью владычествовать. Ведь одно из этих дел всегда укреплялось с помощью другого, и как военное дело сохранено в целостности законами, так и законы сбережены защитой оружия. Поэтому мы, с полным основанием обратив наши помыслы и наши усилия к первому основанию поддержания государства, с одной стороны, исправили течение военных дел, с другой стороны, мы укрепляем защиту законов, сначала сохраняя уже принятые, затем издавая новые»¹⁶⁴.

С самого начала самостоятельного правления св. Юстиниан Великий решил провести гигантскую по сложности работу, направленную на кодификацию римского права. Полагая, что «императорское величество должно быть украшено не только трофеями, но должно быть вооружено законами для того, чтобы государство могло быть управляемо и в военное время и в мирное надлежащим образом», он поставил перед собой гигантскую задачу: составить сборник из императорских постановлений, разрешить противоречия, сделать и обобщить извлечения из сочинений юристов и подготовить учебник римского права для обучения студентов¹⁶⁵.

Уже 13 февраля 528 г. своим эдиктом он создал специальную комиссию из десяти правоведов, куда вошел впоследствии знаменитый, но тогда еще малоизвестный Трибониан, в задачу которой входило обобщение всех императорских указов, вышедших после «Кодекса Феодосия». И всего через год, в апреле 529 г., император известил сенат об окончании работы и издании нового сборника, получившего название «Кодекса Юстиниана». В традициях римского права Кодекс был разделен на 12 книг (по аналогии с «12 таблицами»), куда вошли многие законодательные акты самого св. Юстиниана¹⁶⁶.

Примечательно, что, в отличие от «Кодекса Феодосия», «Кодекс Юстиниана» основывается на иной структуре изложения материала. Так, в частности, первый титул первой книги начинается с главы «О Верховной Троице, Кафолической вере, и чтобы никто не дерзал публично состязаться с ней». Последующие за ним 12 глав первой книги посвящены исключительно вопросам религии, и только потом идут чисто государственные узаконения.

Затем пришел черед для другого свершения: император решил обобщить в одном системном сборнике все сочинения древних юристов, имевших силу закона. Указом от 30 декабря 530 г. вновь была создана комиссия из 16 человек, председателем которой стал уже сам Трибониан, продемонстрировавший по предыдущей работе замечательные способности юриста. Эта работа была грандиозной по масштабу и по технике ее исполнения, но император питал надежду на выполнение своего плана и обещал санкционировать сборник, решения которого будут рассматриваться как истекающие из конституций и «божественных уст царя». В откровенных беседах он даже публично сомневался в возможности выполнения всего задуманного даже в течение 10 лет, но, с упованием на Бога, приступил к работе¹⁶⁷.

Несмотря на невероятные трудности в обобщении материала, работа была закончена за 3 года (!), и 16 декабря 533 г. в свет вышли «Дигесты» или «Пандекты» в составе 7 частей и 50 книг, 432 титулов и 9132 отдельных фрагментов. Сам царь так комментировал свой труд: «Столь велико по отношению к нам Провидение Божественного человеколюбия, что оно всегда, с постоянным милосердием соизволяет поддерживать нас. Господь позволил нам привести к новой красоте и умеренному сокращению древние законы, уже отягощенные своей старостью. До нашего правления никто даже в глубине души никогда не надеялся, что это по силам человеческому гению. Ведь удивительным было то, что римские узаконения, накапливавшиеся от эпохи основания Рима вплоть до времени нашей власти в течение почти 1400 лет, расшатывавшиеся междоусобными войнами и дополненные императорскими конституциями, вдруг возродились в едином созвучии настолько, что теперь в них нельзя найти ничего ни противоречивого, ни повторяющегося, ни прочего подобного рода, и нет среди них ни двух одинаковых законов об одном и том же предмете. Ведь это было некоей особенностью Небесного Провидения, ибо ничто из подобного рода деяний не под силу человеческой немощи. Но с помощью Господа Бога нашего Иисуса Христа нами в меру наших возможностей и нашими помощниками в этом деле все это было превосходным образом завершено»¹⁶⁸.

За месяц до издания «Дигестов» вышел в свет и другой замечательный юридический сборник – «Институции» в 4 книгах, который представлял собой краткое руководство по изучению римского права. О мотивах подготовки этого документа император говорит так: «Усмотрев, что непривычные люди и те, кто, стоя в преддверии законов, спешат войти в тайны законов, но не в силах снести такую громаду мудрости, мы нашли, что необходимо дать предварительное образование, чтобы, войдя во вкус и как бы напившись начатками всего, они могли проникнуть в глубины тайника и принять не мигающими глазами прекрасную форму законов»¹⁶⁹.

Действительно, новые законы качественно изменяли жизнь римского общества, наглядно демонстрируя, что они являются законами христианского государства. *Jus gentium* («право народов») окончательно уничтожило узкие в своем национализме нормы «12 таблиц» и внесло новый дух времени в римские понятия. Например, полностью исчезает старое, языческое понимание семьи. Резко ослабляется власть отца семейства, до сих пор тираническая по отношению даже к взрослым детям. Дети также получили имущественные права на собственность отца; теперь ничто не напоминает в сыне вчерашнего раба, каким он был под властью *paterfamilias*; отныне он самостоятельный и ответственный человек, личность¹⁷⁰.

По законам императора женщина становится равной в правах с мужчиной, а в некоторых вопросах получает даже более привилегированное положение. Закон определяет ее право на приданое, упрощает способы возврата его в случае расторжения брака, ограничивает право мужчины по распоряжению приданым. Более того, для обеспечения прав женщины

закон обязывает мужчину обеспечить будущую жену некоторыми средствами, которые отходят к женщине после развода. Нетрудно догадаться, что здесь чувствуется сильное влияние св. Феодоры. Ригоричный защитник христианского благочестия, св. Юстиниан был негативно настроен по отношению к разводам, основания для которых резко ограничил. Более того, новеллами 117 и 134 был запрещен развод по соглашению сторон, как богопротивный поступок. И лишь после его смерти данный закон был смягчен.

Закон декларирует, что все люди рождены свободными и равными перед Богом, и потому категорически не приемлет рабства, хотя и не отменяет его полностью. Но выход из него облегчается, и такая практика поощряется. Разница нововведения по сравнению с прежней практикой становится особенно рельефной, если мы учтем некоторые важные обстоятельства. Хотя уже со времен Римского императора Клавдия I (41—54) убийство раба приравнялось к убийству римского гражданина, а при святом равноапостольном Константине Великом законом было запрещено распродавать семьи рабов в разные руки, уничтожение рабства даже не рассматривалась современниками.

Именно св. Юстиниан Великий уничтожил те ограничения, которые не позволяли римским гражданам отпускать своих рабов на волю, а тем – становиться полноправными гражданами. Если ранее закон воспрещал гражданам по завещанию отпускать всех своих рабов на волю, то отныне это ограничение упразднялось. Если раб находился в собственности двух и более лиц, и одно из них изъявляло желание дать рабу вольную, то остальные были обязаны продать ему свою долю в праве собственности на раба.

По закону св. Юстиниана свободная женщина, вышедшая замуж за раба, не теряла своей свободы, как это предусматривалось ранее. Он же категорически запретил проституцию со стороны господ рабынь, которые, если такой факт обнаружится, немедленно получали свободу как возмещение своего вынужденного бесчестия. Теперь и навсегда любой вольноотпущенник становился полноправным римским гражданином и, более того, даже не имел права отказаться от этой милости со стороны собственного господина, поскольку, как говорил святой император, «никто не вправе отвергать дарование этого высокого права».

Не менее замечательным был и другой закон, в соответствии с которым рабыня, являвшаяся наложницей какого-либо римского гражданина, по смерти оно и при отсутствии завещания становилась тут же свободной, равно как и ее дети, нажитые в этом сожительстве¹⁷¹. Нужно ли говорить, что это был решительный поворот в отношении общества к рабам?!

Сам император не оставался посторонним и принимал самое деятельное участие в законотворческой работе, с полным правом не только признав «Кодекс», «Дигесты» и «Институции» вершиной правовой мысли, самым совершенным сборником римского права, но и назвав себя их идеологом и автором. Конечно, как настоящий римлянин и знаток права, св. Юстиниан писал законы по-латыни и разрешал их использование на греческом языке только в виде отдельных компиляций.

Правда, вскоре обнаружились и некоторые недостатки этих сборников, вследствие чего св. Юстиниан Великий вместе со своими сотрудниками еще раз пересмотрел их, добавил вышедшие после первого издания эдикты, и 18 ноября 534 г. новая редакция вышла в свет. «Прошли века, и право Юстиниана стало живым и действующим во всех западноевропейских государствах, – писал о результатах кодификации права один автор. – Наряду с единым универсальным исповеданием веры христианской стало единое универсальное римское право как великое наследие будущему от древнего мира»¹⁷².

Но правотворческая деятельность императора на этом, конечно, не закончилась. Публикуя вторую редакцию сборника, царь упомянул, что новых «Дигестов» больше не будет. Он указал, что новые законы императора, изданные после выхода в свет второй редакции, должны быть собраны в отдельный сборник под названием *Novellae constitutiones*. Чрезвычайно плодотворный как законотворец, св. Юстиниан издал за 30 лет 168 новых законов,

«новелл» (Novellae leges), вышедших в свет после 534 г., но объединить их в специальный сборник уже не успел¹⁷³.

Примечательно, что почти все новеллы написаны царем уже по-гречески. До нашего времени дошли лишь три частных собрания новелл: 1) epitome Juliani, латинское извлечение 124 новелл, вышедших до 555 г.; 2) Autenticum, собрание 134 новелл в латинском переводе; 3) сборник из 168 новелл, из которых 153 принадлежат св. Юстиниану, а остальные – его преемникам¹⁷⁴.

Величие св. Юстиниана как законодателя заключается не только в кодификации права. Впервые в истории Римской империи государственные законы и церковные каноны (правила) не были разделены по различным сборникам, но естественно и органично вошли в состав одних и тех же книг. Так, появились на свет первые номоканоны, государственно-церковные юридические сборники – еще одна отличительная и неизменная черта византийского права.

В 4-й и других новеллах император откровенно пишет: «Первым предметом нашей заботы являются догматы Бога и достоинство священства», и далее: «Если мы так стремимся усилить гражданские законы, силу которых Бог доверил нам для безопасности наших подданных, то сколь же ревностно надлежит нам стремиться укрепить каноны и священные законы, созданные для спасения наших душ».

А в начале трактата против Оригена он отмечает: «Мы всегда стремились и стремимся всюду защищать истинную и безупречную веру христиан и мир в самой Святой Кафолической и Апостольской Церкви. Это наша первая и главнейшая задача. Мы убеждены, что императорская власть вручена нам в этой жизни и утверждается Богом, обуздавшим врагов нашего правления. И мы надеемся, что в будущей жизни Он не оставит нас и окажет нам Свою милость в Своем совершенстве»¹⁷⁵.

Поскольку государственный закон и церковный канон имели по мысли императора один источник, хотя и регулировали различные стороны деятельности римского общества, в «Кодексе» и новеллах содержится масса актов, напрямую относящихся к области канонического права. Некоторые из них впоследствии были подтверждены канонами Вселенских Соборов, другие послужили основой для принятия самостоятельных норм церковного права, значительнейшая же часть имела прямое действие и даже в настоящее время воспринимается не в качестве актов императора, а как церковные каноны. Надо сказать, что в этом отношении св. Юстиниан значительно опередил время, вновь продемонстрировал высочайшую юридическую технику и знание основ церковной жизни.

Поставив перед собой цель наилучшим образом обеспечить благосостояние Церкви, император издал ряд узаконений, определяющих ее права. В первую очередь святой Юстиниан старался государственными мерами усовершенствовать ту сторону Церкви, которой она соприкасалась с государством и обществом. С другой стороны, в целях нравственного совершенства римского общества, он отдал в ведение Церкви множество вопросов, традиционно входивших в круг полномочий государственной власти. Всего по этим вопросам он издал 14 содержательных новелл.

Своим законом царь установил иерархию патриарших кафедр, покончив с неопределенностью, связанной с 28-м канонем Халкидона. В 131-й новелле от 545 г. он написал: «Основываясь на правилах Святых Соборов, определяем святейшему епископу древнего Рима быть первым пред всеми, а блаженнейшему епископу Константинополя, нового Рима, занимать второе место после престола древнего Рима и быть выше всех прочих». Следом по очереди шли патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима. Затем была определена и иерархия остальных епископий. Как уже говорилось выше, император особенно оговорил права своего детища: митрополиту Первой Юстинианы, как местоблюстителю патриаршего престола, надлежало быть первым в своем церковном округе.

В отличие от поздних идеологов папизма царь не признавал патриаршество четвертой степенью священства, поэтому установил, что патриархи также подлежат утверждению императором после их избрания – царь неоднократно возвращался к данному вопросу и установил на этот счет четкие правила.

Замечательно, что, считая Римского епископа архиереем своего государства, св. Юстиниан не сделал для него никаких исключений из общего правила, хотя охотно признавал его авторитет как верховного епископа Кафолической Церкви. Император установил законом, что постановление понтифика римским клиром, сенатом и народом непременно должно основываться на предварительном одобрении царя и его последующем утверждении избранной кандидатуры. В противном случае папа подлежал лишению сана, как незаконно избранный¹⁷⁶.

Сторонник централизации во всем, царь последовательно провел этот принцип и в государстве, и в церковном управлении, закрепив права епископов и клириков своими законами. Так, патриархам предоставлялось право в пределах своей области поставлять митрополитов, созывать Соборы и председательствовать на них, принимать кассации на решения митрополитских судов и даже Поместных Соборов, привлекать к своему суду митрополитов и остальных епископов (37-я, 123-я и 137-я новеллы). Аналогичные права по отношению к подчиненным им епископам имели митрополиты. Желая сохранить древние церковные традиции, царь подтвердил, что хотя бы раз в год патриархи обязаны призывать подведомственных им епископов, клириков, монахов и исследовать дела в патриархии и епархиях (123-я новелла).

Озабоченный нравственной чистотой предстоятелей Церкви, св. Юстиниан обращается к епископату и устанавливает такие знакомые нам нормы, как возраст епископа. По закону им мог стать мужчина старше 35 лет (123-я новелла). Как следует из императорского закона, кандидат в архиереи должен отличаться особым благочестием, и потому епископом мог стать либо неженатый мужчина, либо женатый, но бездетный, и в любом случае после хиротонии кандидат обязывался оставить супружество (137-я новелла). Иными словами, император ввел celibat епископата – норма по тем временам хотя и предуготовленная жизнью, но до последнего момента никогда не содержавшая четкого императива и не сформулированная в виде конкретного закона. Как известно, это правило впоследствии было повторено VI Вселенским Собором. Те же лица, которые в браке жили невоздержанно или были женаты не на девицах, хотя бы и принадлежали к духовному званию, не допускались к хиротонии.

Помимо требований к кандидатам, император установил и порядок избрания в епископы (6-я и 137-я новеллы). Император трижды – в 535-м, 546-м и 565-м гг. обращался к данной проблематике и установил, что такое избрание является прерогативой местной церковной общины и должно происходить в собрании клира и знатнейших граждан. Приговор об избрании должен завершаться скреплением акта подписями избирателей и их клятвой в том, что избранник общины обладает всеми необходимыми нравственными качествами. На этом основании митрополит хиротонисал епископа¹⁷⁷.

Нет никаких сомнений в том, что император желал в первую очередь укрепить в народе почтительное отношение к священству в целом и к епископам в частности, искренне полагая последних приемниками святых апостолов. В знаменитой 6-й новелле он писал: «Если священство повсюду свободно от укоров, а Империя, полная уверенности в Боге, управляется беспристрастно и справедливо, то всем будет от этого лучше и всякое благо будет даровано всему человечеству»¹⁷⁸.

В свою очередь избираемый в епископы обязан был засвидетельствовать свое православие и собственноручно изложить истины православной веры. Помимо этого, кандидат должен был публично пообещать соблюдение со своей стороны церковных правил и постановлений в будущем. Наконец, кандидат в епископы должен был обладать ученостью и образованием.

Очевидно, под эти правила более всего подходили монашествующие лица и «белые» клирики, благочестие которых основывалось не только на личном духовном подвиге, но и на долж-

ной внешней обстановке. Светское лицо также могло быть хиротонисано в епископы, но только по прошествии трех месяцев пребывания в клире (123-я новелла). Впрочем, по мнению царя, это должно было стать исключением из общего правила, и то при соблюдении двух условий.

Во-первых, кандидат должен был с детства жить постоянно в монастыре, и, во-вторых, после хиротонии отдать третью часть имущества в государственную казну. В 6-й новелле прямо отмечается, что если при таком избрании не были соблюдены все указанные правила, то лицо, избранное в епископы, принудительно возвращается в прежнее звание. Если же избираемый в епископы обвинялся в непозволительной торговле, то хиротония становилась возможной только после установления его невиновности в возводимых обвинениях. Известно, что представители военного сословия подвергались некоторым ограничениям с точки зрения церковных правил, например в части допущения их к принятию Святых Даров. Но и им позволялось хиротонисаться в епископы. Вместе с тем согласно 123-й новелле военные никак иначе не могли стать епископами, как пробыв перед этим 5 лет в монастыре.

Урегулировав порядок и обязательные условия избрания лица епископом, св. Юстиниан определил и требования к архиереям после хиротонии. В частности, новопоставленный епископ обязан был жить в своей епархии неотлучно, занимаясь ее делами, и мог выезжать в столицу только ввиду неотложных дел или по приказу императора. В первом случае архиерей обязывался получить у патриарха или своего митрополита письменное разрешение на пребывание в Константинополе, а если дела вынуждали его обратиться непосредственно к царю, то он обязан был прежде снестись с патриархом или его референтом и только после этого ожидать приглашение на аудиенцию императора (6-я новелла).

Живя в своей епархии, епископ должен проповедовать Слово Божье, и неисполнение этой главной обязанности приравнивалось к святотатству. В отношении же образа жизни архиереев св. Юстиниан Великий прямо указывает, что им единственно приличны посты, молитвы, ночные бдения и размышления о Христе. Лица, замеченные в играх, посещениях развлекательных мероприятий и иных непристойных мест, подлежали запрету служения сроком на 3 года с высылкой в монастырь на покаяние, хотя сана не лишались (123-я новелла).

В контексте принципа централизации любой власти в Римской империи епископы по законодательству св. Юстиниана получили широкие полномочия в своей епархии. Без согласия, торжественного освящения молитвой архиерея места закладки престола и водружения епископом креста не позволялось строительство ни одного храма (5-я новелла). Ему же вменялось в обязанности осуществление контроля строительства храмов, на которые дано предварительное разрешение. Но здесь архиерей должен был руководствоваться гражданским законом императора, который детально определял права и обязанности жертвователя. Так, если жертвователь на новый храм предоставлял достаточно средств на его строительство и содержание, ему предоставлялось право выбирать священнослужителей в своей церкви (123-я новелла). Но это право влекло и конкретные обязанности. Согласно 131-й новелле, если жертвователь нового храма умирал, то расходы по его достройке брал на себя наследник умершего. В любом случае строительство не могло продолжаться более 5 лет¹⁷⁹.

Ведению епископов подлежали и другие дела, в том числе публично-правовые, связанные с жизнедеятельностью римского общества. В частности, они должны были участвовать в надзоре за состоянием общественных темниц, посещать их каждую неделю не менее одного раза, заботясь о содержании узников и благоустройстве самой тюрьмы. Кроме того, епископы обязывались надзирать за благотворительными учреждениями: больницами, вдовьими, сиротскими и странноприимными домами (86-я новелла). Архиереям вменялся в обязанности контроль за ценой продовольствия на рынках, обеспечение прав сирот и наследников, определение опекунов и попечителей. Они же осуществляли надзор за состоянием общественной нравственности и народными зрелищами.

Особенно царь обязал их заботиться о том, чтобы женщины не были принуждаемы записываться в актрисы. Епископы наблюдали за отправлением правосудия местными городскими начальниками и соразмерностью назначенных наказаний преступлению (134-я новелла). Наконец, по 116-й и 128-й новеллам, архиереям предписывалось участвовать в выборах и назначении городских чиновников и вносить ходатайства об увольнении нерадивых лиц¹⁸⁰.

Епископы должны были строго следить за тем, чтобы на протяжении 15 дней после праздника Святой Пасхи везде прекращались общественные работы, публичные и частные дела, не собирались налоги и не взыскивались долги. Исключение составляли случаи выдачи рабам вольной – по таким делам открытое производство не приостанавливалось.

Другим исключением являлись случаи расследования дел в отношении лиц, совершивших святотатство в самый день Святой Пасхи, а также оскорбление императорского величества, ограбление усопших, отравление, прелюбодеяние, хищничество, убийство¹⁸¹. Добавим также, что в дни Рождества Христова, Богоявления, Пятидесятницы, в дни памяти апостольских страданий, в продолжение двух месяцев жатвы и сбора винограда, в дни основания Рима и Константинополя, в дни восшествия на престол императора и в воскресные дни запрещались любые зрелища, игры в цирке и делопроизводство в судах. В дни Великого поста запрещалось производство уголовных дел, а в Страстную неделю прекращалось вообще любое судопроизводство.

Естественно, не были обойдены вниманием и попечением императора другие клирики. Согласно 4-й и 6-й новеллам, избираться в пресвитеры и диаконы могли только лица с безупречной репутацией, происходящие, как правило, из политической элиты или военного сословия. Кандидаты на эти высокие должности должны были иметь 31 и 25 лет от роду соответственно и так же, как и епископы, пресвитеры и диаконы, становились после рукоположения свободными, даже если являлись прежде рабами¹⁸².

Определяя требования к священникам, диаконам, иподиаконам, чтецам, певцам, заклинателям и дверникам, царь требовал, чтобы они были людьми грамотными. Неграмотным, как и двоеженцам, а также лицам, женатым на вдовах и на разведенных женщинах, путь в клир был заказан (6-я, 123-я и 137-я новеллы)¹⁸³.

Борясь с симонией (продажей церковных должностей), св. Юстиниан установил 123-й новеллой, что при рукоположении священник и епископ должны клятвенно подтвердить, что никакой платы за это не последовало и не обещано. В противном случае оба они лишались своего сана. В первую очередь от священников он требовал ревности по вере, ее охранение и распространение. Император узаконил, что богослужение и священные обряды должны составлять особенный предмет заботы пастырей и священники обязаны поддерживать в храмах благочиние и благопристойность, особенно в то время, когда проходит служба (123-я и 137-я новеллы).

Царь детально определил, при каких условиях лица могут попасть в клир. Для поставления в священники необходимо было достижение возраста 35 лет, диакона и иподиакона – 25 лет, причетника – 18 лет. При этом кандидаты в священники и диаконы должны состоять в браке (123-я новелла). Безбрачные также могли стать иереями, но при обязательном условии, что после рукоположения они останутся целибатными. Переход из духовного звания в светское в принципе был возможен, но при условии, что все имущество такого лица должно стать собственностью той церкви, в клире которой он состоял (6-я и 123-я новеллы)¹⁸⁴.

Помимо этого, еще в 527 г. император издал «Уложение о епископах, сиропитателях, экономах и странноприимцах», в котором определил, что они более не вправе делать духовные завещания и должны довольствоваться тем, чем владели до вступления в духовное звание. Кроме этого, он определил, что епископы утрачивают после хиротонии право распоряжаться своей собственностью и должны передать ее своей епархии¹⁸⁵.

Также детально была регламентирована жизнь и монашествующих лиц. Это было тем более актуально, что уже к 536 г. только в Константинополе и его окрестностях насчитывалось 67 мужских монастырей, не считая женских. Вообще, следует отметить, царь испытывал особый пиетет к монашеству, полагая этот институт идеалом христианской жизни.

Святой Юстиниан писал: «Монашеская жизнь столь почетна и делает вступившего в нее столь угодным Богу, что может освободить его от человеческих слабостей, от покорности естественным нуждам, обогатить его знания, очистить и возвысить его помыслы». Поэтому главная задача монаха – изучать Священное Писание и совершенствоваться в духовном подвиге.

«Если в монастыре нет церкви, то, поскольку монахам не позволяется совершать прогулки и общаться с другими людьми, мы приказываем, чтобы они присутствовали в церкви только во время службы, в сопровождении настоятеля, диакона и старших монахов, и чтобы после окончания службы они возвращались в монастырь и оставались там, славя Всемогущего Бога, и посвящали себя изучению Библии. Поэтому в монастырях всегда должно быть достаточное количество этих книг, чтобы каждый мог очистить свою душу и омыть ее водой Священного Писания, ибо частое и внимательное изучение освобождает от искушения, обмана и всех человеческих забот»¹⁸⁶.

Согласно 123-й новелле императора, поступать в монашеское звание разрешалось всем желающим, вне зависимости от сословной принадлежности; при этом родителям запрещалось препятствовать своим детям уходить в монастырь. Это право распространялось и на рабов при условии, что их господа дали на то согласие (5-я новелла). Даже в отсутствие завещания дети, желавшие по достижении установленного возраста стать монахами, получали четвертую часть наследства – законодательство св. Юстиниана вообще очень подробно определяло имущественные права лиц, желавших принять ангельский чин, и их родственников¹⁸⁷. «Мы не разрешаем родителям лишать наследства своих детей, а детям – родителей, и в неблагодарности лишать их доли в своем имении, если кто-то из них оставляет мирскую жизнь для жизни монашеской».

Конечно, имущественный статус – далеко не главное для кандидата в монахи. Поэтому император специально определил 3-летний испытательный срок для таких лиц, и обязанность настоятелей монастырей строго следить за духовным состоянием постригаемого послушника (123-я новелла). Император специально оговорил правило, согласно которому оставление иночества категорически запрещено – такие лица подлежали обратному водворению в монастырь и при повторной попытке вернуться в мир подлежали принудительному призыву на военную службу (123-я новелла).

Святой Юстиниан полагал, что все монастыри должны быть четко разделены на женские и мужские, и категорично запрещал их совмещение. Визиты монахинь в мужские монастыри и наоборот в принципе разрешались, но не поощрялись. В женских монастырях мужчины-пресвитеры, окормлявшие данные обители, ни при каких обстоятельствах не имели права проживать там постоянно, и их вход и выход контролировался привратником, имевшим безупречную репутацию¹⁸⁸.

Вновь, как и ранее в других законах, св. Юстиниан проводит начало централизации церковной власти в жизнь. Монахи обязаны были проявлять послушание своему епископу, постоянно пребывать в монастыре, не вмешиваться в церковные и гражданские дела. Главная их забота – упражняться в посте и молитве. Основной надзор за монастырями осуществлял местный епископ или его викарий. Кроме этого, все монастыри должны были иметь своих настоятелей, поставляемых на эту должность братией или архиереем; при этом одно лицо не имело права быть настоятелем двух и более монастырей (5-я, 123-я и 133-я новеллы) ¹⁸⁹.

Ревнуя о благочестии своих подданных, император своим законом разрешил частным семействам иметь молитвенные дома от приходских церквей, но при условии строжайшего контроля местного епископа за тем, чтобы в них не совершались Литургия, крещение, таин-

ство брака (58-я и 74-я новеллы). Но в целом, конечно, св. Юстиниан стоял на сохранении церковных приходов и церковных общин и совершении всех таинств непосредственно в церквях.

Благоговейно относясь к христианскому храму, император издал закон (120-я новелла), согласно которому ни сами храмы, ни церковная утварь не могли выступать в качестве залога, а также отчуждаться, вымениваться и облагаться податями. В строго определенных случаях исключение допускалось: во время общего голода для приобретения пищи прихожанам и для выкупа пленных. Но и тогда церковная утварь не могла приобретаться частными лицами, а исключительно другими церквями.

Сохраняя старинное право Церкви давать убежище лицам, жизни которых угрожает опасность, св. Юстиниан Великий подтвердил, что получившие таковое не могут быть силой выведены из храма. Епископам предоставили право ходатайства перед имперским судом в отношении таких лиц, если, конечно, те заслуживают снисхождения. Опять же, данное правило знало свои исключения. «Несообразно с целью этого права, – говорит царь, – принимать под защиту Церкви убийц, прелюбодеев, похитителей дев и других подобных преступников, тогда как право это предоставлено невинным, терпящим обиды и насилие; потому что закон дарует защиту в храмах не обидящим, а обидимым, и потому если кто из этих преступников будет пред алтарем искать себе убежища, такового должно оттуда исторгать и законным порядком подвергать заслуженному им наказанию»¹⁹⁰.

Разумеется, приведенные примеры составляют лишь незначительную толику церковных узаконений святого царя, позволяющие, впрочем, оценить масштаб канонической деятельности св. Юстиниана.

Глава 4. Война с Персией и бунт «Ника»

Римская империя за сменой императора жила своей обычной жизнью, полной опасностей и тревог как внутри государства, так и вне его. Особую обеспокоенность вызывали персы, и поэтому одним из первых мероприятий, которые предпринял новый царь, было усиление восточной границы. Война с Персией была неизбежной, поскольку помимо политических вопросов императора всерьез занимал и религиозный аспект. Известно, что нетерпимый к христианству Персидский царь Кавад перед нападением на Лазикку, правитель которой Зата принял Православие, обратился к жителям Иверии с категоричным запретом предавать мертвых христиан земле, чтобы «не осквернять погребением священной стихии», но предоставлять их тела на съедение зверям и птицам¹⁹¹.

Следует признать действия Византийского царя по подготовке к войне стратегически правильными. Еще в 527 г. по приказу императора все войско Римской империи было сведено в 5 полевых армий, не считая большого числа отдельных территориальных подразделений, гарнизонов и пограничных отрядов. Эти армии прикрывали государство с Востока, включая Армению, Месопотамию, Персию и Египет. Во Фракии и Иллирии находились два больших отдельных корпуса, которые обеспечивали помимо этого безопасность самого Константинополя. Особые части составляли личные дружины полководцев – пример создания такого подразделения дал Велизарий. Помимо них, была сформирована Палатинская гвардия – 7 полков по 500 воинов, находившихся под личным командованием царя. Еще одна особенность военной организации заключалась в том, что командующие армиями имели права наместников территорий, на которых их подразделения были расквартированы¹⁹².

Перед началом войны с Персией св. Юстиниан отправил на границу молодого полководца Ситту, усилил того четырьмя полками регулярной армии и начинающим военным гением Велизарием, своим бывшим оруженосцем. Самого Ситту царь наделил высокими полномочиями и приблизил к себе через женитьбу на сестре св. Феодоры. Прибыв по назначению, Ситта благоразумно создал специальный штаб, куда включил местных людей, и укрепил пограничные

крепости. Одна из вновь возведенных крепостей получила имя Феодориады, в честь государыни. Вездесущий Ситта не только упрочил власть императора на армянских землях, но и распространил ее на горную область, занятую племенем цаннов, которые отныне будут поставлять своих сыновей в римскую армию.

Аналогичные усилия были предприняты и на Сирийской границе, где командовал знатный римский полководец, этнический армянин Патрикий. Кроме этого, император завязал дружеские (насколько это было возможно) отношения с арабами, находившимися под властью персов, и предоставил одному из них, Аламундару, титул римского патриция и царя своего племени. Эти мероприятия принесли свои плоды: в 528 г. небольшой отряд персов, по обыкновению, сделал набег на римские земли, но был разгромлен Ситтой, вполне осведомленным обо всех их передвижениях.

Кавад направил в Римскую Армению другое войско под командованием полководца Мермероя, в котором состояло почти 3 тысячи гуннов. Но Ситта вместе с другим полководцем, Дорофеем, напал на вражеский лагерь и опрокинул врага; это был фрагментарный, но все же успех. Оправившийся от поражения, Мермерой вновь вторгся в римские пределы и стал лагерем в местечке Октава возле города Саталы, что находился в 100 км от Трапезунда. Но римские вожди действовали очень умело: Дорофей и Ситта разделили свои силы, и пока персы атаковали одну часть армии, Ситта ударил им во фланг. Тем не менее битва была очень упорной, и только мужество отряда конных фракийцев во главе с их командиром Флорентием, погибшим в схватке, решила исход сражения¹⁹³.

Как следствие, три талантливых персидских полководца – Нарзес, Аратий и Исаак (очевидно, этнические армяне) перешли на римскую службу, а последний вдобавок сдал византийцам еще и крепость Болон, что находилась неподалеку от города Феодосиополя¹⁹⁴.

Эти три военачальника прославились ранее победой над Велизарием в Римо-персидской войне при императоре Юстине I. Теперь они преданно будут служить Римской империи в других войнах – их имена мы еще услышим.

Однако, как это часто случается на войне, удача всегда ходит рядом с поражением. Весной того же 528 г. Велизарий был разбит персами, когда пытался построить новое укрепление, а многие его командиры погибли¹⁹⁵. Отметим, что по численности и опыту его войска заметно уступали персидским, поэтому поражение римлян в известной степени было предопределено не неумелыми действиями полководца, а более значимыми и не зависящими от него причинами. Встревоженный император направил подкрепление из исаврийских, гуннских, иллирийских и фракийских полков под командованием Помпея, родственника императора Анастасия I. Кстати сказать, неудача Велизария не охладила к нему императора – он верил в полководца и не ошибся.

Но, как можно понять, обе стороны не были расположены к серьезным действиям, поэтому благодаря умелой дипломатии византийского посла Германа, магистра оффиций, в 529 г. мир был заключен сроком на один год.

Правда, опасность пришла с другой стороны. В 529 г. на Римскую империю было совершено нападение со стороны гуннов, перешедших Дунай под руководством двух своих ханов. Они разбили гарнизонное войско римлян, но затем подоспевшие византийские части выиграли битву и захватили всю добычу гуннов. На беду, римские командиры не знали о другой орде, находившейся неподалеку, и попали в ловушку. После этого поражения св. Юстиниан всерьез озаботился защитой Дунайской границы и сооружением сети крепостей¹⁹⁶.

В 530 г. персидский полководец Фируз, командовавший войсками в Нисибине, на свою беду, возобновил военные действия и с большими силами подошел к городу Даре, где его поджидал с римским войском оправившийся от неудач Велизарий. Вследствие упорной битвы персы были наголову разбиты, а Велизарий впервые продемонстрировал свой военный талант в полном блеске. Под началом Велизария и его помощника Гермогена было около 25 тысяч

солдат, у персов – почти 40 тысяч воинов. Но вместо того, чтобы запереться в крепости, римский полководец вывел свою армию в поле, где организовал оборонительные сооружения – нечто среднее между траншеями и редутами. Почти два дня враги стояли друг напротив друга, наконец персы решили атаковать. По древнему обычаю от персов выехал всадник и вызвал на поединок сильнейшего воина римлян. Некто Андрей принял вызов и победил противника, затем он одержал победу и над вторым смельчаком, решившим бросить ему повторный вызов. После такого исхода поединков богатырей персы заметно приуныли и ввиду надвигающейся ночи отошли в свой лагерь¹⁹⁷.

На следующий день к персам подошло подкрепление в количестве 10 тысяч солдат, и атаки были возобновлены. Первоначально враги обстреливали друг друга из луков, но особенного успеха персы не имели: их луки были короче и слабее римских, да и встречный ветер ослаблял силу стрел. Поэтому около полудня персы бросились в атаку, нанося главный удар правым флангом. Первая линия персов, состоявшая из конницы, едва не опрокинула римлян, но, опасаясь фланговой контратаки, остановилась, что дало византийцам возможность перегруппировать свои силы. А встречный контрудар резервного отряда, располагавшегося в засаде, расстроил планы персов. Они смешались, а затем побежали; с их стороны пало до 3 тыс. воинов из первой линии.

Но персы были очень сильным противником и так быстро не сдавались. Их полководец Фируз перегруппировал силы и нанес новый удар по правому флангу византийцев. Теперь в атаку пошли самые сильные полки персидской армии – знаменитые «бессмертные». Они буквально смели римские части, но Велизарий и здесь сумел выровнять положение, прислав помощь отступающим легионам. В результате персидская армия оказалась разрезанной надвое, и пока одна часть преследовала бегущих византийцев, вторая оказалась в окружении.

Персы попытались организовать круговую оборону, но беглецы окончательно сломали их строй, и сопротивление практически прекратилось. Персы бежали, потеряв до 5 тысяч гвардейцев. Преследование персов превратилось в кровавую бойню, и от тотального уничтожения их спасла ночь и опасения Велизария, что на помощь Фирузу могут подойти свежие подкрепления. В целом впервые за много лет это была первая крупная победа римлян над сильнейшим врагом, добытая в меньшинстве. Кроме того, великий Велизарий впервые продемонстрировал свои блестящие тактические способности¹⁹⁸.

Однако надежды императора на быстрое окончание войны после такой славной победы не оправдались: восставшие еще в 529 г. самаритяне фактически вызвали к себе на помощь Персидского царя. Через своих послов они пообещали тому выставить со своей стороны 50 тысяч войска, и перс замедлил проявлять мирную инициативу¹⁹⁹. И, что называется, угадал: весной 531 г. Аламундар, изменивший римлянам, и персидский военачальник Азарет вторглись в области Антиохии. Им противостояли византийские войска, среди многих командиров которых значился и Велизарий.

Возле реки Калинник 19 апреля 531 г., в день Святой Пасхи, состоялась битва, против которой резко возражал Велизарий, но, увы, не был услышан высшим командованием. Воспользовавшись отсутствием у римлян единого руководства, персы одержали блистательную победу²⁰⁰. Правда, самому Азарету эта победа стоила дорого: узнав, какие потери понесли персы, Кавад не только не наградил своего полководца, но отстранил от командования и зачислил в число неудачников.

На этот раз св. Юстиниан I все же отозвал Велизария (он уже начал готовить того к походу на Запад, хотя и не оглашал своих планов) и заменил полководцем Мундом, действовавшим совместно с Ситтой. Им противостояло большое персидское войско, полководец которого Мермерой решил взять город Мартирополь. Казалось, город не сможет долго защищаться, но римский лазутчик явился в персидский лагерь и «по секрету» сообщил им, что гунны заключили союз с римлянами и вскоре придут к ним на помощь. Пока персы пребывали в нерешитель-

ности, произошли важные события. 8 сентября 531 г. в возрасте 83 лет, процарствовав 43 года, престарелый Кавад умер от паралича. Персидская армия отошла от осажденного города, и редкие военные действия переместились на армянские земли.

При новом Персидском царе Хосрове I (531—579), пусть и с большим трудом, мирный договор без указания срока все же был заключен сторонами осенью 532 г. Хотя эта война и, тем более, мир не могут быть зачислены в актив Римской империи, св. Юстиниан с благодарностью Богу принял известие о заключении нового договора²⁰¹. Мир развязывал ему руки для главного – освобождения Африки и Италии от варваров и реставрации Римской империи в ее первоизданном виде.

Но тут ему был нанесен страшный удар изнутри, удар тем более неожиданный, что никаких внешних предпосылок этому событию император не ощущал до последнего мгновения – мы говорим о бунте «Ника» («Победа!», «Побеждай!»), потрясшем Константинополь в 532 г. Волнения возникли так неожиданно, а события развивались настолько стремительно, что власть оказалась просто не готова дать своевременный и действенный отпор заговорщикам. Дошло до того, что в определенный момент времени всем казалось, будто никаких шансов на спасение и сохранение царского титула у св. Юстиниана уже не осталось.

Впрочем, объективные причины, приведшие к бунту, конечно, были. Например, восставление общения с Римским епископом, ради которого на алтарь победы императором были принесены в жертву авторитетные на монофизитском Востоке патриархи и епископы. Категоризм властей в 518 г. и методы официального навязывания Халкидона при царе Юстине I не были забыты монофизитами, и, разумеется, они не могли простить того унижения, которому подверглись 10—15 лет назад. Последующая религиозная политика св. Юстиниана, направленная на упрочение отношений с Римом, имела для них вид крайне негативной тенденции, которую нужно было оперативно пресечь.

Внешняя политика св. Юстиниана и его имперские замыслы также вызывали мало сочувствия среди придворных и даже в ближайшем окружении царя. Относительно неудачная война с Персией, в которой открылись недостатки римской армии, едва ли внушала оптимизм. Можно с легкостью предположить, что мирная инициатива св. Юстиниана по прекращению войны с Персией не встретила большого сочувствия у военной и финансовой аристократии. Во-первых, мир не был получен с позиции силы, скорее, выстрадан римлянами, а это больно било по честолюбию сановников и военных. Во-вторых, царский двор прекрасно знал, что после заключения мира император захочет начать войну с вандалами. Перспектива этой кампании казалась совершенно мрачной, и ни у кого не возникало сомнений, что гораздо правильнее воевать с Персией, что называется, «до победного конца», чем ввязываться в изначально проигрышное мероприятие в Африке.

Внутренние реформы царя, особенно в финансовой сфере, тоже сформировали большую группу недовольных его режимом лиц. Уже в это время, задолго до войны в Африке и в Италии, финансовые дела в Римской империи оставляли желать лучшего. И личность Иоанна Каппадокийца вызывала крайнее раздражение среди населения, не говоря об аристократии, не пришедшей к таким жестким, почти грабительским способам взыскания с их имуществ налогов и недоимок, которые применял главный финансист государства. А последовательное устранение св. Юстинианом Великим от государственных дел и законотворчества сената, ставшего вдруг фигурой «второго плана», рисовало совсем уж пессимистические картины в глазах старой политической элиты.

И, как показали ближайшие события, едва ли могут возникнуть сомнения в том, что «Ника» явилась не плодом экспромта рядовых жителей столицы и тем более не результатом противостояния двух ипподромных партий – венетов и прасинов. «Синие» и «зеленые» традиционно враждовали друг с другом, часто допуская кровопролитные стычки, где жертвы исчислялись десятками. И до «Ники», и много позднее, чуть ли не ежегодно, в том числе

и в последующее время царствования св. Юстиниана, как свидетельствуют летописные источники, эти вечные антагонисты неизменно решали спорные вопросы кровью. Да, св. Юстиниан симпатизировал «синим», но это никак не могло стать причиной волнений для «зеленых». В течение всего времени существования Константинополя каждый из императоров традиционно брал покровительство над одной из партий. И партия, временно оказавшаяся без высшего патрона, всегда надеялась, что следующий царь изберет объектом своей привязанности именно ее. И естественное чередование симпатий императоров к той или иной партии действительно имело место.

Нет, это был настоящий государственный заговор, где представители высших кругов государства вступили в альянс с монофизитскими вождями, заранее организовались и лишь использовали внешне ничем не выделяющийся повод для реализации своих планов.

Все началось на ипподроме утром, в воскресенье, 11 января 532 г. В перерыве между двумя заездами на трибуне «зеленых» поднялся человек и обратился с речью к императору, присутствовавшему здесь же. Правильно говорят, что это было далеко не случайное, хотя и оставшееся для истории безымянным, лицо. Зная размеры ипподрома, представляя гул, стоявший на нем в ходе соревнований, можно с уверенностью сказать, что это был заранее подготовленный глашатай.

Он громко обвинил св. Юстиниана в том, что его права, как римского гражданина, нарушены, а царь бездействует, покрывая преступников. Император попросил назвать имя обидчика – им оказался один из вельмож, входивший в близкий круг василевса. Иными словами, глашатай фактически обвинил самого государя, подчеркнув, что покровительствуемые царем лица находятся вне закона. Император опроверг обвинения и открыто заявил, что выступление «потерпевшего» подстроено, но «зеленые» дружно закричали, будто им угрожает опасность и они ищут защиту у царя. Император опять возразил, что никаких признаков надвигающихся для прасинов бед он не видит; в общей суете и неразберихе все оставили ипподром и разошлись.

Хотя утреннее происшествие закончилось ничем, уже в полдень произошли более тревожные события. Казнили семерых преступников, двое из которых принадлежали к партиям «синих» и «зеленых». Каким-то чудом они остались живы, вырвались из рук палача, и их немедленно укрыли монахи в монастыре Святого Лаврентия. Отметим это слишком удивительное, чтобы признать его случайным, стечение обстоятельств. Профессиональный палач почему-то не смог умертвить свои жертвы, и они оказались представителями двух ипподромных партий, а не рядовыми обывателями. Так или иначе, но попытки префекта города арестовать скрывшихся преступников не принесли успеха²⁰².

Через день, 13 января, публика вновь собралась на ипподроме, и невооруженным глазом было видно, что представители обеих партий успели сговориться между собой, проявляя подозрительное единодушие. В перерывах между заездами они поочередно кричали в сторону императора, чтобы тот помиловал спасшихся преступников, но император ответил, что не видит причин вмешиваться в правосудие. И чем более напирала толпа и примкнувшие к ней обыватели, тем тверже был отрицательный ответ царя. По окончании заездов толпа с криками: «Да здравствуют человеческие “сине-зеленые”!» – направилась к зданию претории. Там они выломали двери и принялись избивать чиновников. Не остановившись на этом, мятежники принялись поджигать правительственные здания, включая Бронзовый дворец императора²⁰³.

Утро следующего дня не принесло никакого облегчения: толпы вооруженных (уже!) мятежников бродили по городу, громя здания. Часть их вернулась к ипподрому, где они начали выкрикивать политические требования об отставке самых близких св. Юстиниану чиновников: Трибониана, Иоанна Каппадокийца, Эвдимиона. Словесный камуфляж никого не обманул: по сути, это было требование к самому императору отречься от трона. То обстоятельство, что выступление носило отнюдь не стихийный характер, хорошо иллюстрируют требования вос-

ставших. Вскоре, забыв о преступниках, которых просили помиловать, и об отставке чиновников, толпа начала скандировать лозунги о возведении на престол нового царя из дома покойного императора Анастасия! После этого всем стало ясно, что заговор инициировали монофизиты, поскольку с именем старого императора они связывали довольно лояльную государственную политику по отношению к себе.

Стали искать племянников покойного василевса, но Ипатий и Помпей находились в царском дворце рядом со св. Юстинианом; их третий брат Проб вовремя скрылся из дома, который в отместку был сожжен восставшими. Таким образом, все стало на свои места: это была прямая попытка сместить св. Юстиниана, осуществленная руками двух партий и обезумевшей, слепой толпы.

Неизвестно, как бы развернулись дальнейшие события, но, на счастье императора, в Константинополе в это время были расквартированы части Велизария, должны составить основу экспедиционного корпуса для похода на Африку, и герульский корпус Мунда. Это были в буквальном смысле слова боевые части, солдаты которых владели всеми навыками рукопашного боя и отличались едва ли не полным индифферентизмом к монофизитству, вожди которого стояли во главе мятежа.

В четверг и пятницу шли мелкие стычки, не давшие перевес ни одной из сторон, отметим лишь, что пожары в городе множилось, и в огне сгорела больница с больными. Мятежники были очень многочисленны и сильны – достаточно сказать, что в субботу Велизарий со своими солдатами попытался взять штаб-квартиру мятежников в здании Октагон, но не сумел. Очевидно, им противостояли не только простые обыватели. Не добившись успеха, опасаясь потерять свою дружину в огне и в узких городских улицах, ночью полководец пробился к дворцу, где находился император. Ввиду того, что никто и никогда не предполагал, будто царский дворец может оказаться в осаде, царская семья и придворные уже испытывали недостаток в пище и воде. Не доверяя своим сенаторам, включая Ипатия и Помпея, св. Юстиниан приказал всем покинуть здания дворца, где теперь остался он с царицей и очень узкий круг близких соратников, включая Иоанна Каппадокийца и Трибониана²⁰⁴.

В воскресенье, 17 января 532 г., император предпринял последнюю попытку мирно договориться с зачинщиками мятежа. С Евангелием в руках он пришел на ипподром, где прилюдно пообещал объявить полную амнистию спасшимся преступникам и гарантировал мятежникам отказ от любых видов их преследований, если те перестанут бунтовать. Часть присутствовавших здесь людей, случайно вовлеченных в мятеж, присмирела, зато другие, инициируемые некой организованной группой, кричали царю: «Клятвопреступник!»

Трудно сказать, каким образом император покинул ипподром, но, очевидно, только чудом он вернулся во дворец невредимым. А толпа, узнав, что Ипатий, племянник императора Анастасия, находится дома, отправилась к нему. Вытащив его из покоев, мятежники понесли Ипатия на руках к форуму Константина, где и короновали, надев на голову узурпатора золотую цепь. Следующие за этим события полностью подтвердили самые плохие предчувствия св. Юстиниана, что мятеж – вовсе не случайное событие, но за ним стоят вполне реальные люди, относящиеся к политической элите государства.

Вслед за коронацией Ипатия состоялось экстренное заседание сената в полном составе. Сенаторы приняли Ипатия как нового императора и решили штурмовать дворец св. Юстиниана. Против этого высказался только один патриций по имени Ориген, да и то только потому, что считал, будто время работает на мятежников. Ипатия принесли на ипподром и посадили в царскую ложу; для собственного спокойствия (а узурпатор не отличался смелостью) он пытался навести справки о том, где находится св. Юстиниан, но его неверно информировали, что царь сбежал из столицы²⁰⁵.

Но царь не оставлял Константинополя. Как раз в это время он проводил совет с последними товарищами, которые действительно все без исключения предлагали ему покинуть город

и перебраться в Гераклею, чтобы оттуда начать новую борьбу за трон. Однако тут слово взяла св. Феодора, и ее речь, в общем-то краткая, была чрезвычайно зажигательной.

«Каждый из родившихся должен умереть, – сказала царица, – но это вовсе не значит, что каждый, кто занял императорский трон, должен быть насильственно его лишен. Так пусть этот день никогда не наступит! Если вы хотите спастись сами, то никто, даже император, не остановит вас. Море перед вами, суда готовы, и у вас достаточно денег, чтобы оплатить плавание в любом направлении. Что же касается меня, то я придерживаюсь старой поговорки: лучший саван – пурпурная императорская мантия!»²⁰⁶

Скажем откровенно, очень редкая женщина способна, как св. Феодора, сохранить самообладание, мужество и трезвый ум в такой ситуации. Это выступление воодушевило присутствующих, и более никто уже не помышлял о бегстве.

Как выяснилось вскоре, вооруженные мятежники не могли в действительности составить конкуренции солдатам Велизария. Если, конечно, над ними не довлел многократный численный перевес и была применена правильная стратегия уличных боев. Полководец незаметно вывел своих солдат на ипподром, где уже действовал евнух Нарзес (не путать с персидским военачальником Нарзесом, перешедшим на римскую службу), и поставил их в засаду. Евнух тем временем раздавал деньги вождям «синих» и доказывал, что новый царь от «зеленых» станет их врагом: неужели ради этого они вступили в мятеж? Не все, но, по крайней мере, значительная часть «синих» одумались и ушли с ипподрома – к счастью для себя, поскольку легионеры Велизария уже изготовили оружие к бою²⁰⁷.

Уменьшение численности мятежников дало имперским войскам перевес, и они решили действовать быстро. Отряды Велизария и герулы Мунда появились совершенно неожиданно для восставших, и пока первые действовали мечами, вторые, меткие стрелки, избивали из лука остальных. Всего за несколько часов в этой ужасной бойне погибло около 30 тысяч бунтовщиков, после чего восстание «Ника» перестало существовать²⁰⁸.

Весьма характерно для личности императора то, как он разобрался с оставшимися мятежниками. Хотя жизни св. Юстиниана угрожала серьезная опасность, он обошелся с ними довольно милостиво. Были казнены только Ипатий и Помпей – конечно, никакого милосердия по отношению к ним, узурпаторам, было в принципе невозможно, зато не пострадал ни один сенатор. Восемнадцать из них были высланы из Константинополя, а их имущество конфисковано, зато остальные избежали даже такого наказания. Впрочем, даже ссыльные недолго оставались в этом качестве: вскоре их дела были пересмотрены, и сенаторов освободили. Конфискованное имущество было возвращено всем бывшим владельцам, включая детей Ипатия и Помпея. В течение 40 дней город лежал в руинах и пожарищах, а затем появились рабочие, начавшие строительство нового храма – жемчужины византийской архитектуры на месте сгоревшей церкви Святой Софии²⁰⁹.

Глава 5. Войны на Западе. Освобождение Африки, Испании и Италии

Последовательно реализуя свои имперские идеи, св. Юстиниан начал подготовку к освобождению старинных римских владений – Италии и Испании, что, однако, было невозможно при наличии королевства вандалов в Северной Африке. Когда в 523 г. на вандалский трон сел полуримлянин-полугерманец, в чьих жилах текла кровь Римских царей, король Гильдерих, отношения между двумя государствами начали налаживаться.

Святой Юстиниан и Гильдерих дружили, и, по мнению вандалской аристократии, не было ничего невероятного в том, что некогда их король захочет перебраться в Константинополь, признав над собой власть Римского монарха. Собственно говоря, это действительно могло случиться по завещанию Гейнзериха, который предусмотрел наследование Вандалского

трона по крови. Поскольку же св. Юстиниан являлся далеким родственником уже немолодого Гильдериха, при некоторых обстоятельствах наследником мог стать и он.

Прекращение гонений православных в Африке по тем временам расценивалось вандалами однозначно как согласие их короля с христианской ортодоксией и покушение на суверенитет Вандальского королевства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 530 г. произошел дворцовый переворот – Гильдерих оказался в темнице, а на трон взошел Гелимер (530—534).

Византийский император тут же откликнулся на это событие и направил вандалам послание, в котором требовал вернуть трон Гильдериху. Ввиду старости сверженного короля он предлагал в качестве альтернативного варианта оставить за Гильдерихом только титул, а фактическое управление передать в руки Гелимера. Но национальная вандальская партия и их ставленник даже не удосужились дать ответ послу Римского императора, отправив того без аудиенции обратно. Они не знали упорства св. Юстиниана: в скором времени тот направил настоящий ультиматум, в категоричной форме потребовал безусловного исполнения договора между ним и Гильдерихом и недвусмысленно заявил права на Вандальское королевство.

Ответ варваров был не менее резок, чем требования императора. Они отметили, что прежний король свергнут за измену интересам вандальского народа, который, используя свое старинное право, выбрал себе другого вождя. Конечно, никаких прав Римского царя на Африку они не признали. Само обращение к св. Юстиниану было верхом нарушения дипломатического протокола того времени: «Василевс Гелимер василевсу Юстиниану», то есть как равный равному. После этого война стала неизбежной²¹⁰.

Как уже говорилось выше, в Константинополе подготовку императора к этой кампании воспринимали крайне негативно. Действительно, еще не истерлась из памяти экспедиция Василиска при императоре св. Льве Великом, окончившаяся катастрофой и разорившая имперскую казну. Новая попытка освободить Африку требовала серьезных денежных средств и значительного числа солдат, которые могли понадобиться на персидском фронте. Кроме того, только что подавленный государственный переворот «Ника» наглядно демонстрировал, что любая крупная неудача св. Юстиниана может стоить ему царского трона, а его сподвижникам – жизни. Особенно уговаривал царя оставить саму мысль об этой войне Иоанн Каппадокиец, волновавшийся за состояние казны. Даже мужественный солдат Велизарий скептически относился к данному походу, полагая, что ему предстоит сыграть роль смертника.

Однако император видел дальше и глубже, чем его советники. Он отдавал себе отчет в том, что в силу природных качеств и низкой политической культуры вандалы не сумели стать настоящими правителями захваченных римских областей, для которых оставались грабителями чужого имущества. Жесткое неприятие вандалами Православия ожесточило против них местное население. Ну и, самое главное, в течение века спокойной жизни вандалы утратили тот воинский запал и мужественную, непреодолимую силу, благодаря которой их предки неизменно выходили победителями в воинских баталиях. Теперь это были в значительной массе изнеженные рабовладельцы, самоуверенные и беспечные. Однако эти тезисы требовали практической проверки, и решиться на нее мог только сам царь. Правда это или нет, но по свидетельствам очевидцев, все решил случай.

Во дворец царя пришел епископ с Востока, просивший аудиенции. Представ перед императором, он сказал, что Бог в сновидении приказал ему явиться к василевсу и упрекнуть того, что, решив освободить христиан Африки от тирана и еретика, он без всякого основания передумал. По словам епископа, Господь велел передать следующие слова: «Я буду ему Помощником в этой войне и сделаю его владыкой Африки»²¹¹. После этого сомнения прекратились, и св. Юстиниан отдал приказ Велизариию готовиться к отплытию.

Надо сказать, Господь действительно благоволил св. Юстиниану, хотя складывается небезосновательное впечатление, что преференции, так неожиданно дарованные ему в войне

с вандалами, были в значительной степени плодами рук самого императора. Как только Гелимер начал готовиться к войне, внезапно выяснились неприятные для него детали. Первой неожиданностью стало восстание правителя провинции Триполитаны Пуденция, который решил отделиться от Вандальского царства. Он направил Римскому императору послание с признанием его власти и с просьбой о помощи. Туда немедленно был отправлен отряд под руководством полководца Таттимута, и вскоре Триполитана признала себя частью территории Римской империи. Одновременно с этим восстала Сардиния, где мятеж возглавил гот Года – трудно отделаться от ощущения, что эти события были подготовлены тайной византийской дипломатией. Гелимер направил в Сардинию войска, но Велизарий, которому поручено было возглавить эту чрезвычайно рискованную экспедицию, уже приближался к берегам Африки²¹².

21 июля 533 г. римская армия отплыла из Константинополя на 100 транспортных судах, причем войско, доверенное Велизария, было довольно немногочисленным. В состав экспедиционного корпуса входило 16 тысяч воинов: фракийцев, готов, герулов, гуннов. Наиболее боеспособной частью армии была личная дружина Велизария, состоявшая из настоящих профессионалов, приобретших богатый опыт на войне с Персией. Флот направился к Гераклею, где на суда погрузили лошадей, необходимых для римской кавалерии – третьей части армии²¹³.

Нельзя сказать, что все происходило гладко: в дороге хлеб зацвел, почти 500 солдат отравились им и умерли. Тогда Велизарий закупил зерно за собственные деньги и организовал свежую выпечку. Затем закончились запасы воды, и войска стали страдать от жажды. Наконец, византийцы достигли Сицилии, где Велизарий с удивлением узнал, что вандальский флот находится около Сардинии и враги вообще не в курсе его экспедиции. Такую неслыханную удачу нельзя было упускать из рук. Велизарий тотчас отдал приказ пересечь безопасное море и высадился в Триполитании, где их уже ждали восставшие против вандалов местные жители.

2 сентября 533 г. византийское войско спокойно высадилось в Капут Ваде, а через два дня они уже были в 19 км от Карфагена. Велизарий отправил гонца с посланием к Вандальскому королю, в котором объяснял, что война началась из-за нарушения установленного Гейнзерихом порядка престолонаследия. В ответ Гелимер отдал приказ казнить находившегося в темнице Гильдериха и его близких товарищей, что и было исполнено братом нового короля Амма-том²¹⁴.

Отдав приказ авангарду двигаться вперед, Велизарий ускоренным маршем шел к своей цели, навстречу ему надвигались колонны вандальской конницы. Возле города Децима враги столкнулись. 13 сентября 533 г. передовые части вандалов опрокинули авангард римлян, и те поспешно отступили. Но, на беду варваров, их войска были разделены на три армии, и несогласованные действия полководцев погубили вандалов. Кроме того, брат Гелимера Амнат погиб в одной из схваток, что стало полной неожиданностью и страшным горем для короля. Пока тот скорбел о покойном, римляне развернули свои силы и начали атаку – вандалы побежали. Только надвигающаяся ночь спасла их от полного истребления.

Желая закрепить успех, Велизарий не стал терять времени и двинулся вперед к Карфагену, отдав строжайший приказ своим войскам не мародерствовать – он крайне нуждался в поддержке местного населения²¹⁵. 15 сентября 533 г. римляне вошли в полном порядке в Карфаген. Но это еще не означало, что война закончена. Гелимер с остатками армии сосредоточился в Булла-Регии и ожидал подхода войск с Сардинии под руководством своего другого брата, Цацона, который разгромил восставших сардинцев во главе с Годом. Однако и у Велизария появились неожиданные союзники – вожди арабских племен, традиционно быстро менявшие объекты своих симпатий, быстро сообразили, в чьих руках удача, и отправили к римлянам посольство с предложением мира²¹⁶.

Гелимер и Цацон встретились и, объединив свои силы, подошли к Карфагену на расстоянии 30 км. Передовые отряды варваров испортили водопровод и практически отрезали

Велизарию выходы из города. Но и римский полководец не сидел сложа руки: он спешно восстановил стены Карфагена. Объективно оценив своего врага как внешне грозного, но в действительности уступающего ему по силе, византиец не собирался отсиживаться в осаде и в середине декабря 533 г. вышел навстречу вандалам. Возле города Трикамара состоялась битва, где войска Велизария вновь одержали победу. Уже в начале сражения погиб Цапон, а упавший духом Вандальский король бежал, чем вверх в панику своих воинов. Атака тяжелой римской кавалерии, личной дружины Велизария, вновь сыграла решающую роль²¹⁷.

Удача следовала одна за другой: в погоне за Гелимером Велизарий встретил группу вандалов, передавших ему всю казну королевства, чем лишили своего правителя финансовых средств для пополнения армии. Сам Гелимер спрятался в крепости на горе Папуа, но Велизарий просто обложил ее своими отрядами, а затем продолжил освобождение Африки. Посланный им на Сардинию отряд освободил остров от вандалов, и тот вошел в состав Римской империи. Затем были освобождены Корсика и Балеарские острова. Весной следующего года сдался, наконец, и Гелимер, не выдержавший мук голода. Его привезли в Карфаген, и Велизарий с огромной добычей, варварским королем и 5 тысячами пленных вандалов отплыл в Константинополь.

Нельзя сказать, что этот неожиданный отъезд совпадал с планами Велизария. Но верные друзья из столицы сообщили ему, что кто-то посеял у императора сомнения в верности полководца, насплетничав, будто тот собирается образовать свое царство в Африке и стать его государем. Конечно, слух был беспочвенным, но сколько св. Юстиниан видел вокруг себя предательства, чтобы с ходу отвергнуть такое серьезное обвинение? От греха подальше он предложил Велизарию вернуться обратно, и тот не стал множить сомнений императора. Осенью 534 г., по возвращении в столицу, ему был организован великолепный триумф в Константинополе, и в знак благодарности он получил консульство на 535 год. По словам историка, 600 лет (!) Римская империя не видела такого триумфа²¹⁸.

Дочери и родственники покойного Гильдериха были приняты с надлежащим почетом как члены дома св. Феодосия Младшего и родственники императора. Пленные вандалы составили 5 новых полков и были отправлены на границу Сирии и Персии. Замечательно, что Гелимера не казнили, и ему даже предлагали титул патриция, если он откажется от арианства. Поскольку этого не произошло, бывшего Вандальского короля просто поселили как частного человека на вилле в Вифинии, где он и жил до конца своих дней, умерев естественной смертью²¹⁹.

Сразу после окончания этой победоносной кампании, повергшей всех – и врагов, и царский двор – в изумление, император принялся восстанавливать управление Северной Африкой. Как и в старые времена, были обозначены семь провинций, руководимых префектами претория со штатом чиновников. Назначили и пятерых военачальников, в чьи обязанности входило обеспечение безопасности этих земель. Несколько преувеличивая свои возможности в Африке, император не считался с тем, что годы вандальской оккупации изменили жизнь в этих провинциях, а также не учитывал агрессивности диких племен, граничащих с римскими провинциями. Он отдавал распоряжения с таким размахом, будто речь шла об обычной территории, находившейся глубоко в тылу. К сожалению, эта искусственная политика через некоторое время принесла свои дурные плоды²²⁰.

Едва Велизарий удалился в столицу, как тут же арабские племена начали привычный для них грабеж цивилизованных территорий, не особенно интересуясь, под чьей властью те находятся. Один за другим гибли римские военачальники, пытавшиеся во главе своих слабых отрядов отбить нападения кочевников, только один из них – Соломон, товарищ Велизария по оружию, сумел разбить арабов в затяжном походе в глубь их территории. Но его успехи были крайне ненадежны: многие оставшиеся римские солдаты, ариане по вероисповеданию, переженились на пленных вандалках, и в армии началось брожение, подогреваемое арианскими

священниками. Часть помилованных св. Юстинианом вандалов вернулись на родину и восстали²²¹.

Весной 536 г. ситуация стала особенно тревожной: мятежники решили убить Соломона и захватить Карфаген. Первая часть их плана не удалась, но зато город был подвергнут грабежу, после чего они почему-то решили оставить его и организовать свою стоянку в Булла-Регии; командование над собой они предоставили некоему Стотце.

Этот бунтарь по крови, но талантливый военачальник и организатор быстро понял ошибку своих товарищей и первым делом решил занять Карфаген. По счастью, в Сицилии в это время находился Велизарий с войском. По приказу императора он должен был начать военные действия в Италии, но, получив известия из Африки, немедленно повернул на Карфаген и вошел в город буквально накануне того дня, когда им собирался овладеть Стотца. При нем находилось всего 100 человек его личной дружины, но слава полководца была такова, что уже на следующий день он имел под рукой 2 тысячи воинов, а из лагеря Стотцы началось повальное бегство. Близ города Мембресы противники встретились, и византийский полководец в очередной раз показал свои лучшие качества: мятежники были разбиты наголову, а Стотца бежал в Нумидию²²².

Однако дела не позволили Велизариию далее оставаться в Карфагене, и он отбыл в Сицилию, передав армию полководцам Феодору и Ильдигеру. На помощь им св. Юстиниан Великий прислал своего племянника, опытного военачальника Германа, который в очередном сражении разбил Стотцу и завязал мирные отношения с арабами. Но вскоре дела заставили и его покинуть Африку, на смену ему прибыл уже знакомый нам Соломон. Печально, но через некоторое время и он сложил свою голову в битве с арабами, которых подвигал к войне неутомимый Стотца и мятежные вандалы. Вслед за этим еще много раз менялись римские правители, но твердого и спокойного мира в Африке обеспечить так и не удалось. Фактически вплоть до конца правления св. Юстиниана это была территория битвы, требовавшая отвлечения сил и внимания²²³.

Как бы критично ни относиться к такому положению дел, нужно признать, что этой победой св. Юстиниан решил сразу несколько задач. Он разгромил вандалов и вернул территории Римской империи, обезопасил свои войска перед войной с остготами, предотвратил последующие экспансии вандалов на римские земли и восстановил Православие в Северной Африке, стерев там последние организованные следы арианства. Едва ли кто-либо другой может похвастаться большим успехом, чем св. Юстиниан.

Замышленная св. Юстинианом война в Италии, преследовавшая своей целью разгром Остготского королевства и возвращение западных владений под власть Римского царя, казалась не меньшим безумием, чем вандалская кампания. Готы являлись едва ли не самыми организованными воинами того времени, десятилетия нахождения Теодориха Великого в Италии было в целом временем покоя и благоденствия для итальянцев, и, за исключением некоторых с виду незначительных обстоятельств, никаких признаков грядущей победы византийского оружия не угадывалось.

Готская армия была сильна и прекрасно вооружена. Основу ее составляли конные дружины, и вообще престиж конника был невероятно высок. Облаченные в панцирные рубахи, со шлемом на голове, поножами на ногах, с длинным таранным копьем и мечом на боку, конный гот являл собой силу, способную преодолеть любую преграду. Пеших остготов также нельзя было недооценивать. С круглыми щитами, которые они легко превращали в непреодолимую стену, с длинными тяжелыми копьями, пехотинцы могли принять на себя удар даже тяжелой кавалерии римлян. После завоевания Италии армия готов пополнилась многочисленными отрядами гепидов, свевов-алеманнов и эрулов. Как полагают, единственным недостатком остготов являлось отсутствие тяжеловооруженных конных лучников, эффективность действий которых римляне познали еще в войнах с Персией. Но в целом это была чрезвычайно

боеспособная армия, состоявшая из свободных остготовов, для которых служба в армии давала «железную» (!) гарантию сохранения статуса свободного человека²²⁴.

Но св. Юстиниан учел некоторые нюансы, сыгравшие свою решающую роль. В первую очередь император правильно оценил слабость королевской власти у остготовов после смерти Теодориха, не имевшего мужского потомства. Его единственная дочь Амаласунта (526—534) была выдана замуж за храброго гота Евриха из царственного рода Амалов, но тот вскоре погиб в бою, оставив наследниками сына Аталариха и дочь Метасвинту. Десятилетний Аталарих (526—534) оставался номинальным «царем готов и римлян», а его мать – опекуном и фактическим правителем государства. Родившийся в 516 г. мальчик был объявлен 75-летним дедом своим преемником – готы не знали закона о престолонаследии – и все жители Италии, как готы так и римляне, присягнули ему.

Однако королева-опекунша не пользовалась расположением своих соплеменников – воспитанная в римском духе и культуре, Амаласунта напрасно пыталась привить остготам навыки римской жизни, чем только раздражала их и предоставляла поводы для обвинений ее в измене собственному народу. Дистанцируясь от прежнего жесткого курса Теодориха, Амаласунта от имени сына направила в Константинополь послание, в котором просила сохранить мир между обеими державами. Разумеется, нужен был еще и акт доброй воли, а потому семьям погибших Симмаха и Аэция вернули ранее конфискованное имущество²²⁵.

Несовершеннолетие Аталариха автоматически предполагало, что он не может стать предводителем остготской военной дружины, а потому пост главнокомандующего считался вакантным. Проблема была решена Амаласунтой на основе римского права: она назначила в качестве *patricius praesentalis* на эту должность представителя (правда, по жене) рода Амалов, уже не раз демонстрировавшего свое воинское умение на полях сражений, Тулуина. Но тем самым королева воссоздала должность патриция Запада в ранге вице-короля. Кроме того, она отдала высшую римскую должность готу, который автоматически становился римским сенатором. Едва ли этот шаг мог понравиться римлянам. Зато она сумела улучшить отношения со своим двоюродным братом Феодогастом (или Теодохадом), вернув тому конфискованное имение его покойной матери.

Правда, придворная партия, включавшая в свой состав Тулуина, Феодогаста и его трех знатных остготовов, недвусмысленно строила планы по свержению королевы и ее малолетнего сына. Поводом для этого стало откровенно римское воспитание наследника. Опасность была настолько реальна, что Амаласунта даже направила в Дуррацию парусник с королевской казной и послание св. Юстиниану, в котором просила его помощи и убежища. Однако, как вскоре выяснилось, в этом уже не было необходимости: умело защищаясь в хорошо укрепленной Равенне, Амаласунта растоптала все замыслы мятежников. Теперь уже аналогичные переговоры затеял и Феодогаст, а королева срочно вернула свой парусник с сокровищами обратно.

В 533 г. все было закончено: основные мятежники пали на поле брани с бургундами, куда королева отправила их искупать свою вину. А главнокомандующим готскими войсками был назначен по тому же основанию префект претория в Галлии Либерий. Поскольку тот являлся римлянином, то в нарушение всех готских традиций Амаласунта объявила себя «войсковой королевой» готов, ссылаясь на право крови и малолетство сына. Обладая недюжинным умом, королева даже направила тайное послание св. Юстиниану, в котором просила того признать ее права на королевство в случае преждевременной смерти сына, и получила осторожное согласие²²⁶.

Это было весьма своевременно, поскольку ее повзрослевший сын Аталарих, так и не выйдя из статуса номинального короля, впал в крайний разгул, в конце концов заболел туберкулезом и медленно угасал. После смерти Аталариха, последовавшей 2 октября 534 г., Феодогаст (534—536) и Амаласунта официально вступили на престол – в представлении остготовов королева никак не могла самостоятельно, без мужчины, управлять королевством. Супруги

уведомили об этом событии Римского императора, но мира и радости их союз не принес. Уже в ноябре того же года королева и ее ближайшее окружение были заточены в темницу на одном из островов озера Больсена, где Амаласунту тайно умертвили родственники ее бывших врагов – конечно, не без ведома Феодогаста²²⁷.

Все эти обстоятельства учел император, подготавливая Итальянский поход. Кроме того, из тайной дипломатии св. Юстиниан знал, что значительная часть римской аристократии уже разочаровалась в остготах и желает возвращения под руку православного и законного Римского царя. При условии поддержки начинания Римским папой поход на Италию становился уже не столь безнадежным делом, как казалось кому-то из сановников императора. Нельзя было сбрасывать со счетов и коренное население Италии, крайне недовольное гонениями на православных, имевшими место в последние годы царствования Теодориха.

Наконец, св. Юстиниан объективно оценил силу остготов, которые за десятилетия спокойной жизни несколько утратили свои боевые навыки, как и вандалы, разгромленные в блестящем стиле Велизарием. С учетом того, что союзников у остготов практически не было, его военный поход на Италию мог оправдать себя при правильной стратегии и верном тактическом исполнении императорского замысла. Забегая вперед, скажем, что в целом стратегия войны была разработана блестяще. Но в части тактического исполнения основного замысла обнаружились серьезные проблемы: далеко не всегда римским полководцам удавалось обуздать свою гордыню, объединить усилия и выполнить то, что им приказывал сделать император. Эта тактическая «неряшливость» многократно затянула войну, в какой-то момент времени, как казалось, уже выигранную, и привнесла в ее ход множество неожиданных обстоятельств.

Для св. Юстиниана описанные выше события дали формальный повод к войне с остготами, и он приказал магистру армии Иллирики Мунду начать военные действия. Очень скоро Мунд разбил передовые части готов в Далмации и занял административный центр этой провинции, а Велизарий высадился в Сицилии и 31 декабря 534 г. вступил в Сиракузы²²⁸.

Положение Феодогаста стало отчаянным, и он завязал переговоры с Константинополем, предлагая передать Италию под власть православного царя, назначить правителем Велизария, а себе просил имение, где мог бы доживать век как частное лицо. Но вскоре положение дел изменилось. В Далмацию вступил сильный отряд остготов, который разбил в бою сына Мунда Патрикия; сам римский полководец погиб. Оставшееся войско деморализовано разошлось по Иллирике и не представляло опасности для врага. Феодогаст тут же сорвал переговоры, не думая о том, что этот кратковременный успех не мог изменить неблагоприятной для него в целом ситуации.

В скором времени в Далмацию прибыл Констанциан, комит царских конюшен, с новыми силами, а Велизарий получил приказ выступить из Сицилии в Италию. Шаткость остготских настроений прекрасно иллюстрирует факт предательства зятя Феодогаста Евримута, которому ставилась задача не допустить высадку войск Велизария, который, справившись с волнениями в Карфагене, получил приказ отправиться с армией в Италию. Но вместо этого остгот дал присягу на верность св. Юстиниану, был отправлен в Константинополь и получил титул патриция. Взятие после этого римлянами Неаполя поставило точку на политической биографии Феодогаста, который был свергнут своим же окружением, отказавшимся повиноваться ему, в конце 536 г. В традициях своего времени свергнутого правителя в живых не оставили. Новым королем остготы избрали старого воина Витигеса (536—540), участника почти всех походов Теодориха Великого.

Зима с 536-го на 537 г. прошла в приготовлениях обеих сторон. Король остготов сумел перекупить союзников римлян франков, отдав тем за нейтралитет Прованс и Готскую Алеманию и выплатив отступное в размере 2 тыс. фунтов золота, чтобы те не нападали на Италию, пока идет война с Константинополем. Попутно Витигес усиленно поднимал упавший дух соплеменников. Не имея в своих жилах королевской крови, он был коронован исключительно

по принципу личной храбрости и военного таланта. Но для укрепления своей власти ему было нужно отправиться в Равенну – не только для обороны этого важнейшего города, но и для женитьбы на внучке покойного Теодориха Матасунте. Для этого ему даже пришлось развестись с первой женой, но 19-летняя Матасунта не была в восторге от этого альянса²²⁹.

А Велизарий, имея всего 5 тысяч солдат, завязал тайную переписку с сенатом Рима, в котором нашел надежного соратника. В результате внезапно для всех 9 декабря 536 г. Велизарий вошел в Вечный город, а готский гарнизон срочно покинул стены Рима, не в силах его защитить²³⁰. Пока Велизарий укреплял стены древней столицы Империи, готы собрали близ Равенны войско, численность которого доходила до 150 тысяч человек²³¹.

Ранней весной 537 г. Витигес с войском спустился на Юг к Риму, желая только одного – чтобы Велизарий не ускользнул от него. Но тот, не имея возможности увеличить количество солдат, на удивление, и не собирался прятаться. Возле знаменитого Мальвийского моста он устроил засаду и, когда показались передовые отряды остготов, бросился в контратаку во главе своей личной дружины. Совершив удачный и дерзкий налет, Велизарий попытался вернуться в город, но в темноте горожане не узнали его и не открыли ворота. Тогда он вновь перестроил свою дружину и опять напал на неприятеля, заставив того отступить. Этот подвиг личной храбрости поразил всех – и врагов, и римских солдат.

На следующий день остготы всей армией подошли к городу и начали сооружать осадные башни. Однако первый штурм Рима, состоявшийся через 18 дней, не принес остготам ничего, кроме позора. Велизарий настолько умело расставил свои силы и контратаковал, что, потеряв множество воинов, готы вынужденно отступили. Велизарий отправил императору письмо, в котором горделиво уверял того в том, что до тех пор, пока он находится в Италии, готам никогда не взять Рима.

Но враги были еще очень сильны, и осада продолжалась. Опасаясь измены и голода, Велизарий приказал выслать из Рима всех женщин и детей, а также произвел превентивные аресты. Это было отнюдь не напрасно, поскольку вскоре задержали двух изменников, пытавшихся усыпить стражу у ворот вином со снотворным. Им отрезали уши и на ослах препроводили в лагерь Витигеса. Среди других арестованных оказался и Римский папа Сильверий (536—537), которого лишили сана по личному приказу императора – этой истории мы еще коснемся более подробно.

Между тем осада продолжалась с переменным успехом. Готы теряли силы вследствие молниеносных, но чрезвычайно опасных вылазок римлян, те в свою очередь начали испытывать к середине декабря 537 г. голод. Однако в это время морем прибыли новые подкрепления из Константинополя, что вынудило Витигеса прекратить осаду и начать мирные переговоры. Правда, старый гот не был вполне последовательным: как только казалось, что удача улыбается ему, переговоры немедленно заходили в тупик. Велизарию надоели эти «качели», и он захватил сильную крепость Аримину, находившуюся в одном дне пути от Равенны. Готские гарнизоны сдавались повсеместно и, дав присягу, переходили в армию Велизария. Вскоре уже вся Центральная и Южная Италия оказались в руках византийцев. Но Велизарий не удовлетворился этим. Расставив сильные гарнизоны, он смело двинулся на Геную и Медиолан, разбив по дороге несколько готских отрядов²³².

К середине лета 538 г. Велизарий был уже далеко на Севере и имел все основания надеяться, что война вот-вот будет закончена. Но тут в ситуацию вмешались обычные для римской армии недостатки военного управления и вечное недоверие верховной власти к успешным подчиненным. Принцип «разделяй и властвуй», применявшийся не только внутри дворца, но и вовне, на этот раз был реализован Константинополем удивительно не вовремя. В Италию по приказу царя прибыл полководец Нарзес с подкреплениями, и ввиду начавшегося двоевластия в римской армии темп военной операции оказался сорванным. Готы немедленно воспользовались этим и отвоевали ряд крепостей и городов.

Осознав свою ошибку, император отозвал Нарзеса, но часть герулов все равно успела завязать с готами сепаратные переговоры, продала свою добычу и осела близ Венеции. В это время к Велизарии прибыли два патриция от императора, которым поручалось заключить мир. Но Велизарий ослушался царя, решив, что ему на месте «виднее». Он сорвал попытки послов связаться с готами, утверждая, что война и так уже выиграна, и все остальное – дело времени. Таким образом, многие плоды решительной и удачной кампании оказались утерянными.

Всю осень 539 г. обе стороны вновь собирали свои силы и спешно искали союзников. Узнав, что король лангобардов не желает портить отношения с римлянами, Витигес направил послов к персам (!), надеясь на их помощь. Зимой того же года франки перевалили через Альпийские перевалы, но – неприятная для остготов неожиданность – их король Теодоберт I (534—548), вместо того чтобы сражаться с византийцами, напал на Витигеса.

Тайное соглашение франков с Константинополем сделало свое дело: римляне удачно сыграли на том, что православные франки имели все основания не любить остготов-ариан, и Константинополь этим воспользовался. Впрочем, варвары всегда остаются варварами: разграбив первый готский лагерь, франки затем разгромили лагерь римлян, нимало не беспокоясь о том, что убивают своих же союзников. Но еще более шокирующая история произошла с пленными женами остготов: франки принесли их в жертву своим «богам»! Затем они вообще затеяли сепаратные переговоры с обеими сторонами: готам предлагали разделить правление Италией, а императору – помощь и свое оружие в войне с готами. В конце концов вследствие приближающегося голода и болезней франки покинули Италию, вернувшись в Галлию. Эти события окончательно отвернули Витигеса от франков: отныне он предпочитал любые переговоры с Константинополем, но только не с северными варварами²³³.

Остготы к тому времени были уже обессилены и соглашались заключить мирный договор с Константинополем на том условии, что им оставят во владение северные области страны. Но тут сказалося обаяние, которое Велизарий произвел на готов: они предложили ему стать их царем и согласились признать на этом условии власть Римского самодержца. Очевидно, в данном случае желание выжить любой ценой победило национальное тщеславие и чувство собственного достоинства. И Велизарий принял предложение, в начале 540 г. вступив в Равенну, где ему присягнули готские вожди.

Он собирался почтить на лаврах, когда ему последовал вызов из Константинополя. Быстро одумавшийся полководец спешно собрался в дорогу, прекрасно понимая, что такое поведение вызовет различные интерпретации в столице и может закончиться для него плачевно. В 540 г. он забрал большую часть готских сокровищ, самого Витигеса, сдавшегося на милость победителя, многих знатных остготов, их детей и прибыл в столицу. На удивление, никакого триумфа ему предоставлено не было: св. Юстиниан справедливо пенял полководцу за затяжку войны, которая могла закончиться раньше, если бы воля императора была точно исполнена. Несколько утратив доверие к Велизарии, император не захотел вновь направлять того в Италию, но решил, что воины Велизария будут востребованы на Севере, где в том же году произошло нашествие славян и гуннов на незащищенные провинции²³⁴.

Едва ли это был правильный шаг. После того как главные силы римлян оставили Италию, повсеместно начались беспорядки. Их вызвали главным образом сами римские чиновники, решившие воспроизвести старые податные списки и взыскать с населения средства, необходимые для оплаты армии. Но война никогда не умножает богатства земледельца, и разоренные итальянцы безрадостно восприняли первую инициативу императора, впервые пожалев, что перешли под власть Константинополя.

Отсутствие Велизария и его армии вселило в сердца остготов надежду. Свои обязательства перед Велизарием они забыли, заявив, что римлянин просто обманул их, дав согласие стать королем, но тут же уехав из Италии. Избранный царем готов Ильдибад (540—541) вскоре собрал готские силы в один мощный кулак и даже разбил римские отряды в одном из сражений

в 540 г. близ Тарвизия. Вскоре к готам присоединились германцы из племени ругов и многочисленные дезертиры-наемники из имперской армии.

Но все же королевская власть у варваров была слаба – сказывалось отсутствие у обладателей ею законных оснований для занятия царского трона. Вскоре вследствие заговора Ильдибад был убит, но ставший на его место руг Эрарих (готы согласились теперь передать царство в руки германского вождя) также процарствовал недолго – всего 5 месяцев. Единственное, что он успел сделать, – подтвердить соглашение с Константинополем, согласно которому оставлялись северные территории Италии от реки По и выше. Наконец, удача улыбнулась германцам, и в 541 г., после свержения Эрариха, царем был выбран молодой и решительный Тотила (541—552), будущий бич римского войска и последняя надежда остготов²³⁵.

Впрочем, едва ли могут быть сомнения в том, что попытки Тотилы противостоять Византии были обречены на успех, если бы не одно трагичное обстоятельство, спутавшее все планы св. Юстиниана Великого. Дело в том, что, по свидетельствам современников, в 540 г. Римская империя и особенно ее восточные области оказались пораженными бубонной чумой, унесшей в течение короткого времени около 1 млн византийцев.

Все сегменты имперского управления оказались поражены этим страшным бедствием, нагрянувшим из Египта. Воинские подразделения потеряли до 50 % личного состава, вследствие гибели земледельцев резко уменьшились доходы государства от налогообложения, замерла промышленность. Римская империя оказалась чрезвычайно ослабленной вследствие указанной болезни, которая, как ни странно, почти не затронула западные области, возможно, потому, что они были менее заселены²³⁶. И в одночасье победа, завоеванная гением римского оружия, оказалась утраченной.

Численность римской армии в Италии к этому времени была немалая – около 12 тысяч солдат, но она оказалась распределенной между 11 (!) полководцами, не сумевшими организовать единое командование. Напротив, Тотила мудро привлек в свою армию рабов и итальянских колонов, взяв под свою защиту практически ограбленные римским войском и римскими чиновниками бедные слои населения. Вследствие этих не хитрых, но своевременных мер он вскоре стал настоящей легендой Италии и народным героем²³⁷. В таких условиях Тотиле не составило большого труда отбить попытки византийцев захватить Верону – один из готских оплотов, и оттеснить противника к городу Фавенции, неподалеку от которого он нанес им новое поражение. Следует отметить правильную стратегию Остготского вождя: все пленные милостиво были избавлены им от неприятностей и, пораженные добрым отношением к себе вождя варваров, многие из них переходили к нему на службу.

Несмотря на строгие приказы св. Юстиниана, оставшиеся в Италии вожди так и не смогли объединить силы, поэтому готы почти беспрепятственно спустились на Юг, обошли Рим, который был им пока еще не по силам, и осадили Неаполь. Весной 542 г. Тотила одержал убедительную победу над римским войском у Фавенции, где решающую роль сыграли всегонавсего 300 (!) конных копейщиков, обогнувших вдвое превосходящее остготов римское войско и напавших на него с тыла. За короткое время армия Тотилы увеличилась до 20 тысяч человек.

Отступив перед превосходящими войсками противника в сторону Флоренции, Тотила в долине Муджело вновь разбил римлян. В результате, пока римская армия пряталась за стенами городов средней и верхней Италии, остготы во главе со своим королем вышли в нижние области полуострова. Этот край, еще не затронутый войной, был чрезвычайно богат и дал готам возможность пополнить свои запасы. В короткое время они захватили Беневент и Кумы, после чего почти весь Юг Италии оказался в его руках²³⁸.

Когда вести об этом дошли до императора, тот направил в Италию Максимиана в звании префекта претории и магистра армии Димитрия. Однако попытка последнего деблокировать Неаполь не принесла успеха опять же вследствие разрозненности действий римлян. Флот

Димитрия был разбит, множество солдат попало в плен, а доведенный до истощения Неаполь весной 543 г. сдался Тотиле на милость победителя²³⁹. Такая резкая перемена диспозиции сказалась на симпатиях местного населения. В довершение всего Тотила публично объявлял, что не причинит никаких бед итальянцам, и честно исполнял свои обещания. На беду, вскоре и Италию охватила эпидемия чумы. Тысячами умирали люди, население роптало, война приняла затяжной и неопределенный характер, малопривлекательный для Константинополя.

Делать нечего – император вновь призвал Велизария, жившего последние годы в почетной отставке в звании комита царских конюшен, приказал тому срочно набрать новую армию и отправиться в Италию. Дело, однако, осложнялось тем, что основой армии Велизария в прошлые годы являлась его личная дружина, которую «на всякий случай» отослали на восточную границу подальше от их вождя. А без своих гвардейцев Велизарий едва ли мог начать успешные боевые действия. Полководец объехал Фракию, набирая новых солдат на собственные средства, и там объединился с магистром армии Иллирики Виталием. Совместными усилиями им удалось наберечь около 4 тысяч человек – смехотворные силы для новой войны.

В 544 г. Велизарий и Виталий прибыли в город Салону, но после некоторых незначительных локальных успехов римляне опять потерпели поражение от Тотилы под городом Ауксимумом (Озимо), который хотели сделать опорной базой для дальнейших операций. Отчаявшись, римский полководец отправил императору письмо, в котором объективно и красочно описал ситуацию в Италии, просил денег и свежие войска²⁴⁰.

Пока византийский двор состоял в переписке со своими полководцами, Тотила очистил Италию от крупных соединений противника и подошел к стенам Рима. Велизарий отправил на помощь осажденным римлянам небольшой отряд, но силы были неравны. Римляне страшно голодали, и диакон Пелагий, замещавший на время отсутствия папу Вигилия, направился в лагерь Тотилы и просил его о снисхождении, но безуспешно²⁴¹. Хлеба не было, доведенные до отчаяния люди ели падаль, нередко были случаи самоубийства, многие умирали от истощения. Отдельные византийские отряды пытались доставить в Рим съестные припасы по морю, но их храбрость очень редко приносила успех – готы блокировали морские пути. Как назло, в это время тяжело заболел Велизарий и не смог организовать должного сопротивления в осажденном городе. Возможно, Рим еще мог бы продержаться какое-то время, но предали исавры, открывшие 17 декабря 546 г. ворота Тотиле. Собрав сенаторов, он укорял их за измену в пользу Римского императора (?!), пеняя на то, что они забыли свою присягу Остготскому королю.

Желание мстить настолько сильно владело готами, что они изрубили на месте 26 византийских солдат и 60 римлян-горожан из числа простых обывателей. В качестве мести Тотила велел поджечь дома знатных римлян и множество общественных зданий, а также снести третью часть крепостных стен Рима. Оставшихся в живых сенаторов и других знатных горожан спасло заступничество диакона Пелагия, замещавшего Римского понтифика. Он со слезами на глазах молил Тотилу пощадить «несчастных грешников», и тот смилостивился.

Впрочем, гот не собирался оставаться в этом ненадежном, как он считал, городе и вскоре покинул его, уведя в плен всех сенаторов и принудительно выселив все оставшееся население. Поразительно, но впервые за всю многовековую историю Рима в течение 40 дней город оставался совершенно пустым²⁴². На самом деле оставление Рима было серьезнейшей ошибкой Остготского вождя, стоившей ему в конце концов, всей кампании.

Впрочем, возможно, эта оплошность родилась не на пустом месте: Тотилу встревожили сведения о римском полководце Иоанне, который успешно организовал военные действия в Южной Италии, в Лукании, при посредстве местного населения. Оставив небольшой отряд для наблюдения за Велизарием, гот отправился на Юг. Но оправившийся от болезни Велизарий смелым маневром занял пустой Рим и срочно организовал восстановление стен. Из Порта сюда везли продовольствие на случай будущей осады, а разбежавшиеся горожане, видя перемену,

вновь стали стекаться в древнюю столицу Империи. Замечательно, но всего за 25 дней крепостные стены были полностью восстановлены, не хватало лишь ворот, уничтоженных готами.

Когда, узнав о захвате Рима, Тотила спешно повернул обратно и подошел к городу, ему открылся неприятный вид: крепостные стены были полны солдат, и даже на месте ворот были водружены баррикады, из-за которых выглядывали римские шлемы и копья. Дважды готы пытались прорвать оборону и каждый раз безуспешно. Тотила отошел к Тибургу и, разбив лагерь, вновь попытался привлечь франков в качестве союзников, попросив у их короля руки его дочери. Но Теодоберт ответил, что человек, отдавший Рим врагу, никогда не может называться царем, а потому не достоин его дочери. Только теперь Тотила по достоинству оценил значение Рима и осознал степень своей ошибки.

Но и для Велизария это оказалось последним славным делом на Западе: не доверявший ему император буквально связал своими инструкциями полководца по рукам, но при этом и не отзывал из Италии. Только в 548 г. разрешение оставить театр военных действий было, наконец, получено (рассказывают, этому способствовала жена Велизария Антонина, имевшая дружеские отношения со св. Феодорой), и он уехал в Константинополь. Может быть, единоначалие в римской армии и могло бы быть восстановлено, но тут произошло событие, надолго отвлекшее царя от Италии.

В 548 г. умерла его жена, св. Феодора, и, полный горя, император впал в прострацию, ничего не предпринимая и вообще не интересуясь, что происходит на Западе. В известной степени некоторую помощь, хотя и не желая того, оказали франки, перешедшие Альпы и занявшие готские города на Севере Италии. Готы не в силах были им что-либо противопоставить. Они вновь попытались заключить с ними мирный договор, но получили отказ. Лишь небольшая группа германцев (алеманов) согласилась пополнить ряды остготского войска²⁴³. Но и римское посольство, напомнившее новому Франкскому королю Теодобальду (548—555) – Теодоберт умер в 547 г., – что он связан договором с Константинополем и не должен претендовать на римские земли, получило неприятный ответ. Из него следовало, что война в Италии – частное дело франков и готов, а потому вмешиваться в их отношения Константинополю вовсе не обязательно²⁴⁴.

Не исключено, что такой дерзкий ответ мог бы пробудить честолюбие императора и подвигнуть его на решительные действия, но в этом же году против него был организован очередной заговор с целью свержения св. Юстиниана с трона. Его главой стал знатный армянин Арсак, родственник военачальника Артабана, пытавшегося какое-то время назад породниться с домом св. Юстиниана. Получив отказ, он занял пост магистра армии в столице и публично негодовал на императора за бездействие в Италии.

Арсаку не составило труда привлечь к себе Артабана. Он уговорил того убить императора, чтобы посадить на его место Германа, племянника св. Юстиниана. Привлекши еще нескольких своих соотечественников, заговорщики открылись Герману, а тот поведал обо всем Марцеллу, другому племяннику св. Юстиниана, занимавшему пост комита экскувитов. Желая узнать имена всех заговорщиков, Марцелл не открыл сразу своему царственному дяде эту историю, чем навлек на себя подозрение если не со стороны самого императора, то, по крайней мере, потомков. Не невероятно, что замыслы заговорщиков могли увенчаться успехом, если бы они решили действовать быстро. Но заговорщики хотели подождать прибытия из Италии в столицу Велизария, которого также предполагалось убить, чтобы не оставлять потенциального мстителя за смерть св. Юстиниана. Это обстоятельство достаточно характеризует полководца, несмотря на последние неудачи, по-прежнему любимого армией, и доказывает его верность императору.

Ситуацию разрешил сам Герман, тайно приведший на одно из заседаний мятежников свидетеля и сообщивший обо всем царю. Следствие и суд были быстрыми, но, на удивление,

св. Юстиниан обошелся с заговорщиками очень мягко. Никто не был казнен, и даже Артабан ограничился двухлетним домашним арестом, после чего ему доверили армию в Сицилии²⁴⁵.

Хотя франки и беспокоили остготов на Севере Италии, Тотила верно оценил состояние римских войск в центральной части полуострова и на Юге. Понимая, что в данный момент они не в силах оказать ему решительное сопротивление, король решил вновь овладеть Римом. Несмотря на храбрость отдельных частей и солдат, вследствие предательства исавров (опять!) Тотила зашел в Рим, который уже не собирался покидать. Он приказал доставить в город сенаторов, живших под стражей в разных частях страны, отстроил новые здания взамен сгоревших и начал давать общественные представления, включая конские ристания.

Видимо, все же его положение оставалось довольно шатким, а силы далеко не безграничными, поскольку, находясь на вершине успеха, он направил посольство в Константинополь с предложением заключить мир на условиях союза Империи и остготов. Однако св. Юстиниан просто не принял послов, и те вернулись ни с чем. Очевидно, императора не устраивало такое предложение, оставлявшее за готами статус самостоятельного государства. Тогда Тотила решил продемонстрировать свою силу и отправился с войском в Сицилию, где завладел сильной крепостью Регий. Но затем путь остготам преградил римский полководец Либерий, невзирая на старость успешно противостоявший варварам в Сицилии.

В это же время вестготы, основавшие свое государство в Испании, попытались занять некоторые африканские города, отвоеванные Велизарием в войне с вандалами. Им навстречу император направил Либерия, которого население Испании встречало как освободителя. Вскоре целый ряд городов (Кордуба, Малага, Ассидона) были освобождены византийцами. В 548 г. Либерий без особых усилий разбил под Севильей вестготов и занял юго-восточное побережье полуострова от устья Гвадалквивира до устья Хукара. Обладание такими важными городами, население которых намертво стояло за воссоединение с Римской империей, обеспечило византийцам господство на всем пространстве Средиземного моря²⁴⁶.

Все же чувство долга перед государством взяло верх над горем царя, и в 549 г. он отдал приказ своему племяннику Герману, состоявшему через жену в родстве с Теодорихом Великим, завершить войну в Италии. Его воинский авторитет и деньги, данные императором, способствовали быстрому набору новой армии, куда вошли старые проверенные солдаты, задунайские варвары, лангобарды и даже дезертиры, перешедшие к Тотиле, но, узнав о назначении Германа, поспешившие оповестить его о преданности римскому вождю и готовности служить ему, как только он высадится в Италии. Когда армия, сосредоточенная в Сардике, была готова к походу, внезапное нападение славян заставило св. Юстиниана отложить исполнение плана по занятию полуострова и срочно вызвать Германа в Далмацию. В пути в 550 г. Герман неожиданно умер, и армия, оставшаяся без полководца, стала на зимовку в Далмации, в Салоне²⁴⁷.

К счастью, в поисках нового командующего взор императора остановился на Нарзесе, который уже направлялся однажды (в 538 г.) в Италию на помощь Велизарию. Этот евнух, внешне слабый и тонкий человек, обладал замечательными талантами полководца, отличался предусмотрительностью и здравым рассудком. Он убедил царя в возможности победоносно закончить эту войну в краткие сроки и получил требуемые средства для дополнительного укомплектования армии. Это было поистине интернациональное, имперское войско, куда помимо ранее набранных отрядов вошли герулы, гепиды, гунны и даже персы-перебежчики под командованием внука царя Кавада Зама. Всего собралось более 15 тысяч солдат и командиров, кроме того, к ним должны были присоединиться силы, уже находившиеся в Италии. В основной массе это были хорошие, испытанные солдаты, снабженные по первому разряду и получившие щедрое вознаграждение за предыдущую кампанию. Пока армия готовилась к отплытию в Италию, Тотила, пропустивший в Сицилии несколько тяжелых ударов от римских войск под руководством Артабана, попытался войти в сношения с императором, предлагая тому взамен мирного

договора уступку Сицилии и Далмации, но св. Юстиниан опять оставил такую инициативу без внимания²⁴⁸.

Хотя франки и отказались пропустить Нарзеса через Верону, тот прошел побережьем в глубь территории и 6 июня 552 г. достиг Равенны, где к нему присоединились полководцы Валериан и Юстин. Туда же со всем своим войском подошел Тотила. Возле города Тадин в 552 г. разыгралась решающая битва, должна определить правителя Италии. Нарзес выбрал оборонительные позиции на возвышенности в долине реки Боно, пересеченная местность которой сильно затрудняла действия готской кавалерии – их основной силы.

Как рассказывают, Нарзес поставил в центре полумесяцев около 8 тыс. лучников, расположив их с учетом плохо просматриваемой местности. За ними стояла фаланга тяжеловооруженных воинов – цвет римской армии во главе с ее полководцем. Римская кавалерия, насчитывавшая около 1,5 тысячи всадников, находилась в резерве и получила задачу ударить в тыл наступающей готской пехоте и затем преследовать отступавших врагов²⁴⁹.

Римлянин затеял переговоры с Тотилой, но тот отклонился от них, предложив тем не менее дать войскам 8 дней отдыха, а затем начать битву. Но Нарзес понял хитрость гота, и когда на следующее утро готская армия обнаружилась во всеоружии в строю, римские войска также стояли на позициях, не дав захватить себя спящими в лагере. В некоторой нерешительности противники стояли друг напротив друга, наконец, состоялся поединок богатырей, победителем из которого вышел армянин Анзала, оруженосец Нарзеса. Летнее южное солнце быстро поднималось над полем баталии, но битва не начиналась. Тогда Тотила дал громкую команду своим войскам отойти в лагерь якобы для отдыха, но Нарзес не разрешил римским солдатам сняться с позиций и опять оказался прав. Как выяснилось, варвары решили поймать византийцев на хитрость: внезапно готы вернулись обратно и послали конницу в атаку.

Сам Тотила на великолепном боевом коне скакал впереди и показывал готскому войску свое высокое искусство верховой езды и владение оружием. Но кавалерию, обстрелянную лучниками, встретили хорошо вооруженные римские копьеносцы, и атака захлебнулась. Битва, где готская кавалерия, вооруженная одними копьями, действовала без поддержки пехоты, вообще не успевшей принять участия вследствие решительных и быстрых действий византийских войск, не могла продолжаться долго. Уже скоро готы дрогнули и побежали, а римляне преследовали их до самой ночи. Врагов пало более 6 тысяч, среди них было много бывших перебежчиков из римской армии и сам король Тотила.

Согласно одной версии, он был смертельно ранен стрелой во время бегства. По другой, его сразил вождь гепидов Асбад, состоявший в римском войске. Готы привезли своего вождя в Капры, где тот и скончался. Говорят, византийские солдаты пожелали лично удостовериться в смерти своего врага и вскрыли гроб с телом Тотилы. Убедившись в том, что в гробу почитает именно он, они вновь захоронили его²⁵⁰. Рассказывают, что окровавленный плащ короля в августе 552 г. был доставлен в Константинополь во дворец императора²⁵¹.

Отслужив благодарственный молебен Богу, Нарзес понял, что сил у него достаточно для освобождения Италии и без некоторых сомнительных союзников. Он отправил домой диких лангобардов, причинявших ему большое беспокойство своими грабежами населения и бесчинствами, и, заняв попутно несколько городов, подошел к Риму. В третий раз за эту долгую войну римляне взяли свою древнюю столицу, разоренную и потерявшую цвет своей аристократии. Вместе с другими завоеваниями Нарзесу достались богатства готов, находившиеся в городе Кумы.

Но остготы и теперь не собирались складывать оружия. Вместо Тотилы они выбрали своим королем храброго племянника покойного вождя Тейю (552), который завладел остатками казны в Равенне и попытался продолжить борьбу²⁵². На беду молодого остгота, его надежды на союз с франками не оправдались – те открыто заявили, что претендуют на всю

Италию и не желают связывать себя дружбой с готами. У города Кумы произошла решающая битва.

Надо признать, что готы вели себя как настоящие герои. Они спешили и пошли в последнюю атаку на византийцев во главе со своим королем, в руках которого был огромный щит. Множество стрел и копий втыкалось в него, но Тейя продолжал храбро биться, окруженный своими оруженосцами; наконец, одно из римских копий, попавшее в цель, оборвало жизнь доблестного воина. Как ни странно, смерть короля не остановила битвы – она продолжалась всю ночь, следующий день и завершилась лишь к вечеру. Только тогда остготы направили послов к Нарзесу и сообщили о своем желании покинуть Италию и примкнуть к какому-нибудь свободному народу; тот, конечно, дал согласие. Оставшиеся в гарнизонах готы дали в 553 г. присягу императору, перейдя на его службу²⁵³.

Некоторое время сопротивление еще продолжалось. Только в 555 г. капитулировала крепость Компса (современный город Конца-делла-Кампания) на реке Офанто неподалеку от Салерно. Затем сдались Кумы, где хранились инсигнии королей остготов. Часть остготов перешли к франкам, где, по-видимому, ассимилировались. Другие остались жить в нижней Италии и вплоть до XI в. составляли особый отряд в войске лангобардов, тщательно сохраняя кодекс своего, готского права. Но в целом они навсегда исчезли со страниц истории²⁵⁴.

Однако битва за Италию еще не завершилась. В начале 553 г. два брата алемана из области, покоренной франками, Бутилин и Левтарид, привели большие соединенные силы франков и германцев, надеясь в союзнничестве с готами, все еще проживавшими на Севере Италии, подчинить себе римские территории. В одном из боев варвары разбили византийцев, но около Равенны Нарзес вновь блеснул своим талантом и нанес им крупное поражение. Все же это поражение не остановило германцев, продолжавших наступление на Юг и грабивших все на своем пути. Алеманы разделились, но армия Левтарида попала в засаду, организованную гуннами Артабана из состава римских войск, и потеряла многих людей. Остатки этой орды дошли до франкских областей, но затем повальные болезни практически полностью уничтожили их; кажется, из них никто не вернулся на родину²⁵⁵.

Другая часть варваров, которой руководил Бутилин, осенью 554 г. вышла навстречу римлянам во главе с Нарзесом к реке Казилин, что находится в Кампании, где произошло еще одно сражение. Варваров было около 30 тысяч бойцов, римлян – не более 11 тысяч солдат, но искусство византийского полководца и храбрость его войска вполне компенсировали разницу в силах. В первую очередь римляне лишили врагов продовольствия, прервав их снабжение из окрестных деревень. Когда в очередной раз византийцы сожгли несколько возов с сеном, франки и алеманы немедленно построились и двинулись навстречу византийцам. На флангах Нарзес традиционно расположил конницу, приняв командование правым крылом, а в середине поставил пехоту. Лучники стояли перед строем, прикрывая копьеносцев.

В начале сражения случился казус, едва не повлиявший на его исход: герулы отказались сражаться вследствие одного мелкого происшествия, и только красноречие Нарзеса убедило их вернуться на позиции. Желая поторопить врагов начать атаку, византийский полководец направил в их лагерь под видом перебежчиков двух герулов, обманно поведавших Бутилину, будто их соплеменники не станут принимать участия в сражении. Ободренный этим известием, вождь франков и алеманов дал команду построить свое войско «свиньей» и атаковал римлян. В завязавшейся битве франки несли большие потери из-за римских лучников, и их первоначальный успех, когда они потеснили центр византийского войска, был вскоре утрачен вследствие умелых действий византийской кавалерии. Окруженные римлянами, сбитые в бесформенную массу, они погибали тысячами, не имея возможности сопротивляться²⁵⁶. Как говорят, из всей армии Бутилина удалось спастись только пяти (!) воинам. Даже если это – явное преувеличение, то все равно перед нами пример полного истребления вражеского войска, один из великих и великолепных примеров воинского искусства²⁵⁷.

Вернувшись в Рим, Нарзес отслужил благодарственный молебен и предпринял строгие меры, чтобы удержать свое войско от мародерства. Он благоразумно прекратил отдых и начал упражнять своих солдат, добившись твердой дисциплины. И, как оказалось, не напрасно. Около 7 тысяч оставшихся готов под руководством гунна Рагнариса укрепились в замке Кампса и оказали серьезное сопротивление римлянам. Все же благодаря умелым действиям Нарзеса в 555 г. сдались и они. Нарзес с полным основанием смог принять титул освободителя Италии²⁵⁸.

Нарзес справедливо опасался, что недавний набег франков является лишь «первой ласточкой». Он затеял с ними переговоры, но умер их король Теодебальд, и у франков началась междоусобная война. Новым королем стал Хлотар (558—561) ²⁵⁹. Франки по-прежнему продолжали удерживать за собой Север Италии, а в 556 г. несколько их вождей устроили совместный рейд на римские провинции, но на реке Атезисе Нарзес вновь нанес им тяжелое поражение. На время франки перестали представлять собой опасность для Италии.

Однако в это же время внезапно взбунтовались герулы, царь которых Синдвальд (565), ранее верно служивший императору, попытался отделиться и получить политическую самостоятельность. Увы, это легкомыслие стоило герулу очень дорого – он был разбит Нарзесом и кончил жизнь в Константинополе на виселице²⁶⁰.

Так завершилась великая Итальянская война, ветер которой унес в небытие остготов, война, восстановившая власть православного императора Римской империи в Италии. Конечно, десятилетия военных действий разорили цветущую страну, и, несмотря на все старания императора и Нарзеса, долго еще остававшегося верховным правителем полуострова, реставрация Империи воспринималась населением как тяжелое бремя. Все невольно вспоминали правление остготов и, по старой человеческой привычке облагораживать прошлое, отдавали предпочтение времени своего рабства у ариан.

Сенаторское сословие почти все было истреблено, а значение сената, как высшего законодательного органа, резко уменьшилось. Но значительно вырос и еще более укрепился авторитет Римского епископа, который отныне один являл зримую и централизованную власть, обладавшую к тому же собственными источниками финансирования. Италия была освобождена, но, как оказалось, война отметила эту прекрасную страну своей особой меткой, и уже вскоре борьба за обладание ей началась с новой силой²⁶¹.

События в Испании внешне казались оптимистичными, но опытный глаз заметил бы, что стратегически Испания для Римской империи уже потеряна. Казалось бы, внешние обстоятельства играли на руку римлянам: в 531 г. у вестготов случилась кровавая междоусобица, вследствие которой к власти пришел Тевдис (531—548), пытавшийся сблизить своих соплеменников с романизированным населением Испании. Как говорят, он даже женился на дочери одного знатного римского патриция, урожденного испанца. Как и все крупные политические силы Средиземноморья, вестготы волей-неволей должны были определиться с Римской империей, к которой имели весьма настороженное отношение. Но и с вандалами Тевдис не решился завязать союзнические отношения – как и св. Юстиниан Великий, мудрый вестгот понял, что вандалы обречены. Однако, когда римляне высадились на южном берегу Гибралтара, чтобы овладеть крепостью Сеуту, вестготы тут же предприняли встречные меры и опередили их.

В 548 г. Тевдис был убит заговорщиками, но его преемник Теодегизил (548—549) правил чуть больше года, после чего также расстался с жизнью. Опять началась гражданская война между различными кланами вестготов, и в 551 г. некто Атанагильд (554—567), правитель Севильи и будущий король Вестготского королевства, обратился за помощью в Константинополь против правящего тогда короля Агила (549—554). Для св. Юстиниана это был прекрасный повод вторгнуться в Испанию для защиты Кафолической Церкви, которую сторонники Агилы повсеместно притесняли.

В 552 г. имперское войско высадилось на побережье между Картахеной и Малагой и овладело несколькими населенными пунктами, включая Кордобу. Но хотя Атанагильд и пожертвовал частью территорий, чтобы завершить междоусобную войну и взойти на престол, его отношения с Византией не были прочными. В Испании, в отличие от Италии, произошло довольно быстрое сближение испано-римлян с германцами, обусловленное тем, что со временем вестготы постепенно оставили арианство и перешли в Православие. Началось создание новой национальной идентичности.

Уже в скором времени Атанагильд охладел к бывшим союзникам и попытался вернуть себе Кордобу – его не удовлетворяла перспектива править в одной Севилье. Однако в 554 г. под стенами этого города он потерпел два чувствительных поражения от римских войск. Главная причина заключалась в сильном римском флоте, которому вестготы ничего не могли противопоставить. Тогда взор вестгота обратился к недавним врагам – франкам, которые до недавнего времени воевали с его соплеменниками и были причастны к гибели Остготского королевства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.